

A stylized illustration of Mary Poppins standing on a ledge overlooking London. She is wearing a purple coat, a white ruffled collar, a necklace with a round pendant, and a straw hat adorned with red flowers. Her right hand is resting on a red and green striped bag with a large gold clasp. In the background, the London skyline is visible, featuring the Houses of Parliament and Big Ben. The sky is blue with white clouds. A black banner with white text is positioned in the upper right area of the illustration.

П.Трэверс

Все хорошо...

Мэри Поппинс

Когда ты догадаешься, что взрослые похожи друг на друга, а тебе дано не более чем им, очень захочется спрятаться в старую дедову шляпу... В огромном велюровом пальто, в такой апрельской луже, руки в карманах, по заходящему на прищуренных веках бледному весеннему солнцу... И послать эту жизнь к Черту!?... Вспомни меня: не делай ни того, ни иного. Не делай вообще ничего из того, что уже разогаровано твоих близких. Убо все что ими создано, ими же и разрушено...

И еще: там, в апрельской луже, собрав свои силеньки, вытащи из твоего сказанного два слова: «все», и «ничего». И сложив их, шепни себе на дорожку — Все ничего...

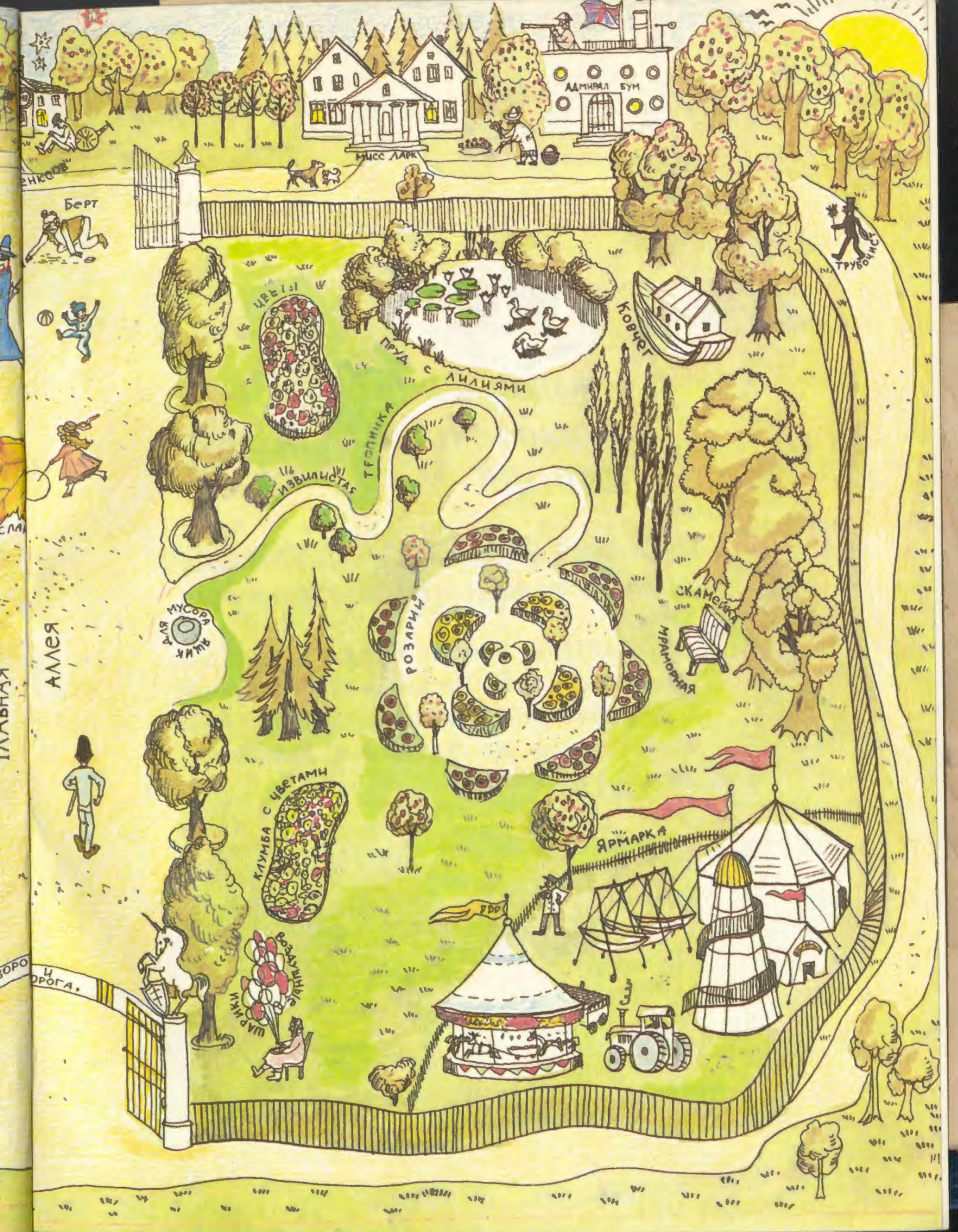
Все известно...

*Права на использование
настоящего торгового знака
принадлежат Фединской
группе*

Совяз/с **БЕВО**

*Впервые!... ,
И навсегда!*

*В четырех книгах —
великолепная МЭРИ
ПОППИНС !*

*Все ранее публикуемое о приключениях
Мэри Поппинс — главы из первых двух
книг.*

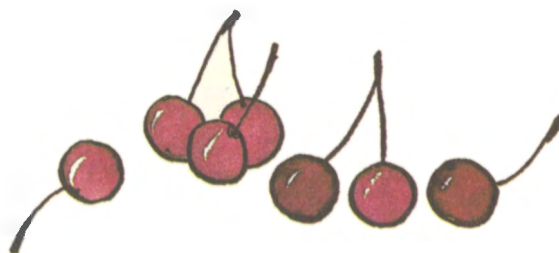
*ПОДАРИТЕ Вашим детям и внукам
данное издание с изящным оформлением
и оригинальным переводом. Пусть их мир
будет таким же сказочным, как жизнь
главных героев.*

Памела Трэверс

Мэри Поппинс

перевод с английского
Игоря Родина

иллюстрации
Валерии Поповой

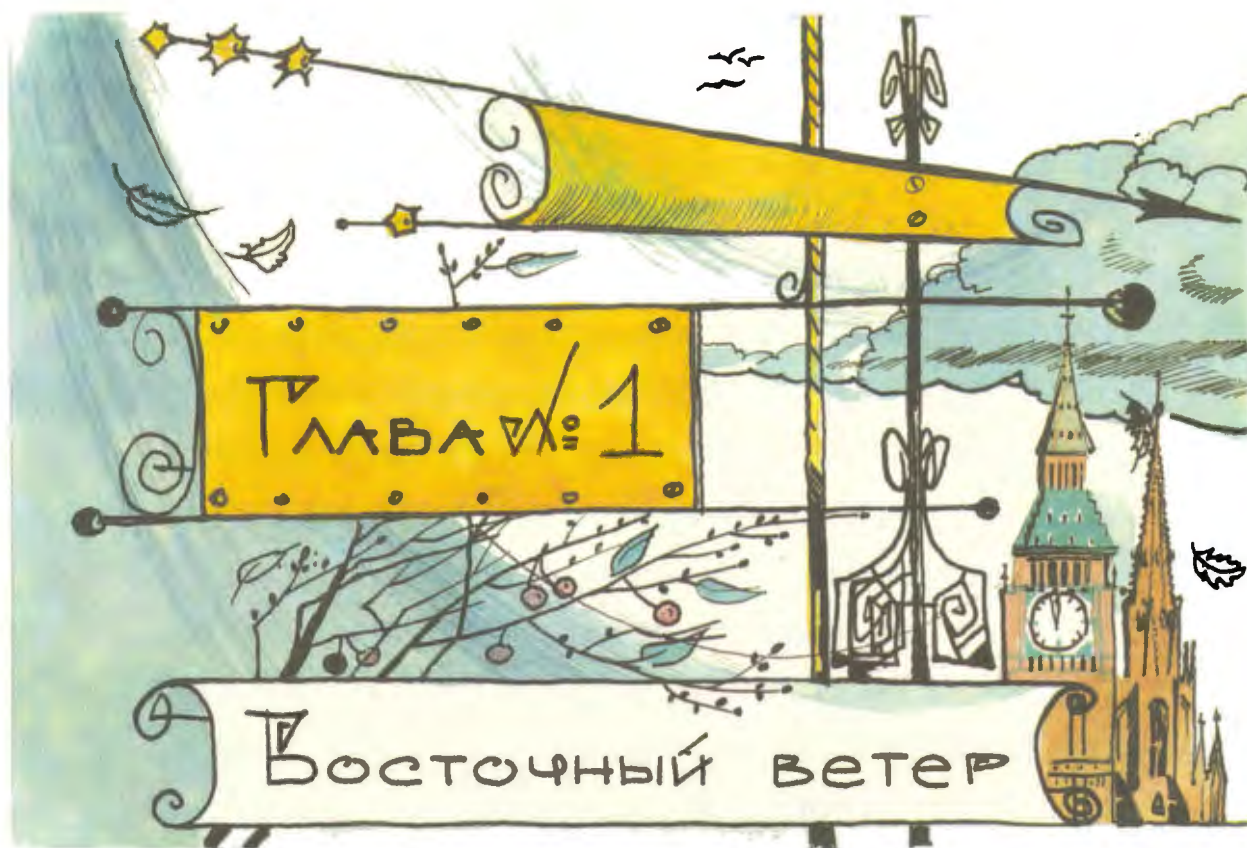

ББК 84.4.
Т 80

Т 4804010100 Без объявл.
6Я8(03) — 94

ISBN 5-87973-001-8

Перевод И. Родина, 1994
Фирма «Кронос», 1994
Фирма «Совъяж Бево», 1994

Если вы захотите отыскать Вишневую улицу, то проще всего обратиться к Полисмену, стоящему на перекрестке. Он слегка сдвинет набок каску, задумчиво почешет затылок, а потом вытянет руку в огромной белой перчатке и скажет: «Сначала направо, потом налево, потом еще раз направо — и вы на месте! Счастливого пути!»

И — будьте уверены, если вы точно пойдете в указанном направлении, то непременно окажетесь на Вишневой улице. С одной стороны вы увидите дома, с

другой — Парк, а посередине — целую аллею огромных вишен.

И если вы будете искать дом № 17, а эта книга рассказывает именно о нем, то очень скоро его найдете. Во-первых, это самый маленький дом на всей улице. Во-вторых, он порядком облез и уже давно нуждается в покраске. Но мистер Бэнкс, которому этот дом принадлежит, поставил миссис Бэнкс условие: или у нее будет чистый, красивый, уютный дом, или четверо ребятишек. И не в коем случае все сразу, так как и то и другое он обеспечить не в состоянии.

После некоторого размышления миссис Бэнкс решила, что пусть уж лучше вместо красивого дома у нее будет четверо детей: Джейн (старшая), Майкл (средний) и Джон с Барбарой — Близнецы (самые младшие).

Именно так все и было, и именно так семья Бэнксов переехала в дом № 17, а вместе с ними миссис Брилл, которая занималась приготовлением пищи, Элен, которая накрывала на стол, и Робертсон Эй, который подстригал газоны, точил ножи, чистил ботинки и, как частенько говаривал мистер Бэнкс, зря тратил свое время и его деньги.

Конечно, была еще няня Кэти, но вообще-то она не совсем заслуживает, чтобы говорить о ней в этой книге, так как к началу событий, описываемых здесь, она уже ушла из дома № 17.

— Не предупредив! И даже не попрощалась! — сказала по этому поводу миссис Бэнкс. — Что же теперь мне прикажете делать?

— Дать объявление, дорогая, — отозвался мистер Бэнкс, надевая ботинки. — Н-да, хотелось бы мне, чтобы вот так же, ни слова не говоря, и Робертсон Эй ушел куда-нибудь! Он опять почистил только один ботинок, а ко второму даже не притронулся. Из-за него я снова буду выглядеть кособоким!

— Это, — бросила миссис Бэнкс, — не имеет ровным счетом никакого значения. К тому же ты так и не сказал, что мне делать с няней Кэти!

— Не думаю, что ты можешь с ней что-либо сделать, уже хотя бы потому, что она исчезла, — ответил мистер Бэнкс, — но если бы на твоем месте была я... э-э-э, я хотел сказать «был я», то я бы послал в «Утреннюю газету» объявление о том, что Джейн, Майкл, Джон и Барбара Бэнкс (не говоря об их маме) просят за самую низкую плату прийти к ним самую лучшую няню, да поживее. Потом я бы сидел и ждал, пока няни не выстроятся перед нашими воротами в огромную очередь. Я бы даже сделал им выговор за то, что они задерживают уличное движение и вынуждают меня уплатить полисмену шиллинг в качестве штрафа за подобный беспорядок. Ну все! Мне пора! Бр-р-р! Холодно, как на Северном Полюсе! Интересно, откуда дует ветер?

Сказав это, мистер Бэнкс высунул голову в окно и взглянул на противоположный конец улицы, туда, где на

углу стоял дом Адмирала Бума. Это был самый необычный дом на Вишневой улице. Вся улица очень гордилась им, так как построен он был в форме большого корабля. В садике перед домом вóзвышался флагшток, а на крыше был установлен позолоченный флюгер в виде подзорной трубы.

— Ага! — сказал мистер Бэнкс, быстро юркнув обратно. — Подзорная труба Адмирала показывает, что дует восточный ветер. Так я и знал! То-то чувствую, кости ломит! Надену-ка я, пожалуй, второе пальто!

И, рассеянно поцеловав в нос жену и помахав на прощание детям, он отправился в Сити. Сити было таким местом, куда мистер Бэнкс ходил каждый день, исключая, разумеется, выходные и праздники. Там, сидя на большом стуле за огромным столом, он делал деньги. Целый день он усердно работал, производя пенсы и шиллинги, трехпенсовики и кроны. А потом приносил их домой в большом черном портфеле. Время от времени кое-что перепало и Джейн с Майклом для их копилки. Но иногда мистер Бэнкс возвращался с пустым портфелем. В таких случаях он говорил: «Банк лопнул», — и дети сразу понимали, что сегодня ничего не получат.

Итак, мистер Бэнкс ушел вместе со своим черным портфелем, а миссис Бэнкс перебралась в гостиную, где уселась за стол с твердым намерением целый день писать в газеты письма с просьбами прислать столь необходимую ей няню.

Джейн и Майкл тем временем сидели в Детской и, глядя в окно, пытались представить, кто же к ним придет. Тому, что няня Кэти сбежала, они были рады, так как недолюбливали ее. Она была старой, толстой, и от нее все время пахло ячменным отваром.

— Любой, кто бы ни пришел, — думали они, — будет лучше, чем няня Кэти, если не намного лучше!

Когда солнце наконец скрылось где-то за ветвистыми деревьями Парка, пришли Элен и миссис Брилл — накормить старших и выкупать Близнецов.

После ужина Джейн с Майклом снова уселись возле окна — ждать, когда мистер Бэнкс вернется домой, и слушать, как гудит на улице Восточный ветер, заставляя трепетать голые ветки вишен. А деревья, казалось, просто сошли с ума. Они так тряслись и гнулись, что могло показаться, будто они, высвободив из земли корни, пустились в пляс.

— Вон он! — сказал вдруг Майкл и указал на согнутую фигуру, стоящую напротив ворот.

Джейн вгляделась в сгустившуюся тьму.

— Это не папа! — сказала она. — Это кто-то другой!

Между тем согнутая фигура, шатаясь под порывами ветра, отодвинула щеколду, вошла в ворота — и в следующий же момент Джейн с Майклом увидели, что это женщина. Одной рукой она придерживала шляпку, а в другой несла большой саквояж.

И тут произошла совсем невероятная, удивительная вещь! Едва фигура вошла во двор, как ветер под-

хватил ее, поднял в воздух и понес к дому. Было похоже, что вначале он доставил ее подобным образом к воротам, подождал, пока она их откроет, после чего перенес от ворот прямо к парадной двери. Через мгновение ребята услышали страшный удар, такой, что весь дом задрожал.

— Вот это да! Интересно, что случилось? — спросил Майкл.

— Не знаю, — сказала Джейн. — Давай пойдем и посмотрим, кто это!

И, взяв брата за руку, она потащила его за собой через всю Детскую на лестницу. Отсюда, с верхней площадки, им было прекрасно видно все, что происходит в прихожей.

Через некоторое время из гостиной вышла их мама, а за ней и таинственная гостья. У незнакомки были блестящие черные волосы («Почти как у моей голландской деревянной куклы!» — прошептала Джейн). Она была худощавой, но с большими руками и ногами, а из-под слегка нахмуренных бровей смотрели маленькие, пронзительные синие глаза.

— Вы увидите, это прекрасные дети! — говорила миссис Бэнкс.

При этих словах Майкл ткнул Джейн локтем под ребра.

— Уверяю, с ними не будет никаких хлопот! — продолжала миссис Бэнкс нерешительно, так как сама не очень-то верила в то, о чем говорила. Гостья издала

звук, похожий на фыркание, словно и она сильно в этом сомневалась.

— Теперь хотелось бы взглянуть на ваши рекомендации...

— Одно из моих основных правил, — сказала гостья твердым, уверенным голосом, — никогда никаких рекомендаций!

Миссис Бэнкс непонимающе уставилась на нее.

— Но я думала... что так принято. Я имею в виду... но ведь, насколько я понимаю, все люди так делают!

— По-моему, это очень старомодный обычай, — услышали Джейн и Майкл строгий голос. — Очень старомодный! Даже можно сказать, совершенно несовременный!

Если и было на свете что-то, способное вывести миссис Бэнкс из себя, так это мысль о том, что ее могут счесть старомодной. Поэтому она быстро сказала:

— Ну что ж, хорошо. Забудем о них. Я спросила лишь на тот случай, если бы вы сами захотели их предоставить.

И она стала подниматься по лестнице, показывая гостье дорогу в Детскую и ни на минуту не переставая болтать. Из-за этого миссис Бэнкс не видела того, что происходило прямо у нее за спиной. Зато Джейн с Майклом смотрели во все глаза, потому что поведение гостьи было более чем странным. Дело в том, что, следуя вверх по лестнице за хозяйкой, она делала это

не совсем обычным способом. Продолжая держать в руках свой саквояж, она уселась на перила и въехала по ним наверх, очутившись, таким образом, там одновременно с миссис Бэнкс. Такое не удавалось еще никому! Вниз — пожалуйста: Джейн с Майклом сами довольно часто проделывали подобные штуки, но вверх — никогда!

— Ну что ж, значит — договорились? — со вздохом облегчения сказала миссис Бэнкс.

— Естественно. До тех пор, пока это меня будет устраивать, — ответила незнакомка, вытирая нос большим платком в красно-белую клетку.

— Дети, — произнесла миссис Бэнкс, внезапно обнаруживая их присутствие. — Интересно знать, что вы здесь делаете? Ну, да ладно. Это ваша новая няня. Мэри Поппинс. Джейн, Майкл, поздоровайтесь же! А там, — и она взмахом руки показала на стоящие в соседней комнате кровати, — там Близнецы.

Мэри Поппинс внимательно разглядывала всех четверых детей, неторопливо переводя взгляд с одного на другого, и словно пыталась решить, нравятся они ей или нет.

— Ну как? — поинтересовался Майкл.

— Майкл! Веди себя прилично! — одернула его миссис Бэнкс.

А Мэри Поппинс продолжала изучающе осматривать ребят. Затем, громко хмыкнув, (это, судя по всему, означало, что решение принято), она сказала:

— Да, я принимаю ваше предложение.

— И клянусь всем, чем угодно, — говорила миссис Бэнкс мужу чуть позже, — сделала это так, будто оказала нам великую честь!

— Что ж, может так оно и есть, — пробормотал мистер Бэнкс, на секунду высовывая нос из-за газеты и тут же пряча его обратно...

Когда мама ушла, Джейн и Майкл несмело приблизились к Мэри Поппинс, которая, будто столб, неподвижно стояла посреди Детской, скрестив на груди руки.

— Как вы пришли? — спросила Джейн. — Нам показалось, что вас принесло ветром.

— Так оно и есть, — коротко ответила Мэри Поппинс и принялась разматывать шарф и снимать шляпку. Было похоже, что кроме громкого сопения из нее больше ничего не удастся вытянуть. Джейн тоже молчала. Однако, когда новая няня принялась распаковывать саквояж, Майкл не выдержал:

— Какая странная сумка! — сказал он.

— Ковер, — ответила Мэри Поппинс, вставляя ключ в замок на саквояже.

— Вы хотите сказать, что это сумка для переноски ковров?

— Нет. Сделана из.

— А! — сказал Майкл. — Понятно, — хотя на самом деле ничего не понял.

В это время саквояж открылся, и ребята были удивлены еще больше, увидев, что он совершенно пуст.

— Как? — воскликнула Джейн. — Но ведь в нем ничего нет!

— Это как ничего? — переспросила Мэри Поппинс, выглядя до глубины души оскорбленной. — Вы скаали «ничего»?

И с этими словами она вынула из совершенно пустого саквояжа белый накрахмаленный передник и тут же надела его. Вслед за ним она достала большой кусок туалетного мыла, зубную щетку, пакетик шпилек, флакон духов, складное кресло и маленькую коробочку с пилюлями от насморка.

Джейн и Майкл были поражены.

— Но я видел! — прошептал Майкл. — Я уверен в том, что он был совершенно пустым!

— Т-с-с-с! — шикнула Джейн, так как Мэри Поппинс достала из саквояжа большую бутылку с этикеткой, на которой красивыми буквами было написано:

«Принимать по одной чайной ложке перед сном».

Приставив ложку к горлышку бутылки, Мэри Поппинс налила в нее какую-то темно-малиновую жидкость.

— Это ваше лекарство? — спросил Майкл, весьма заинтригованный.

— Нет, ваше, — отрезала Мэри Поппинс, поднося ложку к его рту.

Майкл вытаращил глаза. Сморщив нос, он принял было протестовать.

— Я не хочу! Мне не надо лекарства! Не буду!

Но Мэри Поппинс не сводила с Майкла пронзительного взгляда, и внезапно он почувствовал, что нельзя смотреть на Мэри Поппинс и не слушаться ее. Что-то странное, очень-очень-очень необычное было в ней, одновременно и пугающее, и веселящее. Ложка придвинулась ближе. Майкл задержал дыхание, зажмурил глаза и... и ощутил во рту чудесный вкус. Он проглотил, облизнулся, и счастливая улыбка расплылась по его лицу.

— Земляничное мороженое! — сказал он восторженно. — Еще! Еще! Еще!

Но Мэри Поппинс с тем же строгим выражением лица уже отмеряла дозу для Джейн. То, что она наливала, искрилось и на этот раз было желтовато-зеленым.

— Ой! Сладкий лимонный сок! — проглотив, сказала Джейн и облизала губы. Но увидев, что Мэри Поппинс направилась с бутылкой к Близнецам, она бросилась к ней.

— Ой! Не надо! Пожалуйста! Они еще маленькие! Им это вредно!

Мэри Поппинс, однако, не обратила на крики Джейн ни малейшего внимания и сунула ложку в рот Джону. Тот с жадностью проглотил ее содержимое, уронив при этом несколько капель на свой нагрудник, и изумленные Джейн с Майклом увидели, что на этот раз в ложке было молоко. Затем свою порцию получила Барбара. Наконец Мэри Поппинс в последний раз наполнила ложку и торжественно приняла «лекарство» сама.

— Пунш с ромом, — сказала она, щелкая языком и закрывая бутылку.

Глаза Джейн и Майкла расширились еще больше, но времени удивляться у них не было, так как Мэри Поппинс, поставив замечательную бутылку на каминную полку, повернулась к ним.

— А теперь — марш в постель! — строго сказала она и начала их раздевать. Одежные крючки и пуговицы, доставлявшие всегда столько хлопот няне Кэти, у Мэри Поппинс расстегивались сами, едва ей стоило на них посмотреть. Через минуту Джейн с Майклом уже лежали в постелях и при тусклом свете ночника смотрели, как Мэри Поппинс разбирает остаток своего багажа. Из коврового саквояжа она достала 7 фланелевых и 4 хлопчатобумажные ночные рубашки, пару туфель, коробку домино, две купальные шапочки и альбом с открытками. После всего этого появилась складная кровать с одеялами и периной. Ее Мэри Поппинс установила между кроватками Джона и Барбары.

Джейн с Майклом смотрели, как зачарованные. Все происходящее было так удивительно и непонятно, что они не могли произнести ни слова. Но они точно знали, что в доме № 17 по Вишневой улице произошло что-то прекрасное и вместе с тем очень-очень-очень необычное.

Мэри Поппинс тем временем, натянув через голову одну из фланелевых ночных рубашек, принялась под ней раздеваться.

Майкл, совершенно очарованный всем происходящим, негромко позвал:

— Мэри Поппинс! Вы ведь никогда от нас не уйдете, правда?

Ответа не последовало.

— Вы ведь не уйдете от нас, правда? — опять спросил Майкл, решив, что его не слышали.

Голова Мэри Поппинс показалась из-под ночной рубашки. Выражение ее лица было чрезвычайно сердитым.

— Еще одно слово,— произнесла она угрожающе,— и я позову полисмена!

— Но... но я только хочу, чтобы вы остались с нами подольше... — пролепетал Майкл, покраснев и сконфузившись.

Мэри Поппинс молча перевела взгляд с Майкла на Джейн и фыркнула.

— Останусь, пока ветер не переменится,— ответила она коротко и, выключив свет, легла в постель.

— Тогда хорошо,— сказал Майкл, отчасти для себя, а отчасти для Джейн. Но Джейн не слышала. Она думала обо всем, что произошло сегодня, и видела сны...

Так Мэри Поппинс появилась в доме № 17 по Вишневой улице. И несмотря на то, что временами его обитатели с сожалением вспоминали о спокойных днях, когда няня Кэти управляла домашним хозяйством, все были рады этому появлению. Мистер Бэнкс был рад тому, что Мэри Поппинс не нарушила улич-

ного движения и, соответственно, ему не пришлось платить полисмену штраф. Миссис Бэнкс была рада, так как теперь могла говорить всем соседям, что у нее работает такая роскошная няня, что не нуждается ни в каких рекомендациях. Элен и миссис Брилл радовались тому, что теперь могли целыми днями сидеть на кухне, пить чай из больших фарфоровых чашек и не заботиться о детских обедах. Даже у Робертсона Эя не было причин для недовольства, так как у Мэри Поппинс была только одна пара туфель, да и ту она чистила сама.

Но вот что думала сама Мэри Поппинс обо всем этом, никто не знал, потому что она никому ничего не говорила.

— Каждый третий четверг, — сказала миссис Бэнкс, — с двух до пяти.

Мэри Поппинс удивленно посмотрела на нее.

— Порядочные люди, мадам, — возразила она, — всегда предоставляют каждый второй четверг, и с часу до шести. На такие же условия соглашусь и я, или... — она выдержала паузу, и миссис Бэнкс сразу поняла, что именно эта пауза означает. А означала она то, что если Мэри Поппинс не получит, чего хочет, она не останется здесь больше ни минуты.

— Хорошо-хорошо, — поспешно согласилась миссис

Бэнкс, так как не хотела, чтобы Мэри Поппинс думала о каких-то порядочных людях лучше, чем о ней самой...

А поскольку именно сегодня и был второй четверг, Мэри Поппинс, натянув белые перчатки и сунув под мышку зонтик, вышла из дома. Надо сказать, зонтик она взяла вовсе не потому, что шел дождь, а исключительно из-за его красивой ручки. Дело в том, что Мэри Поппинс не была лишена тщеславия и любила красиво выглядеть. Да и в самом деле, разве мог хоть кто-то выглядеть лучше нее, когда она шла по улице, держа в руке зонтик, ручка которого была сделана в форме головы попугая?

Джейн выглянула из окна Детской и помахала Мэри Поппинс рукой.

— Куда вы идете? — крикнула она ей.

— Закрой окно, будь добра! — прозвучало в ответ, и голова Джейн тут же скрылась.

Пройдя по садовой дорожке до ворот, Мэри Поппинс открыла их. Очутившись на улице, она сразу прибавила шагу. На углу она повернула направо, потом налево, надменно кивнула поздоровавшемуся с ней полисмену — и почувствовала, что ее выходной начался.

Задержавшись у стоящего возле обочины автомобиля, она посмотрела на свое отражение в ветровом стекле и поправила шляпку. Перехватив зонтик так, чтобы каждый мог видеть ручку в форме головы попугая, Мэри Поппинс двинулась дальше, туда, где ее уже должен был ждать Спичечник.

Вообще-то у Спичечника было две профессии, потому что он не только торговал спичками, как остальные, обыкновенные спичечники, но еще и рисовал картины на тротуарах. Чем именно Спичечник занимался в то или иное время, полностью зависело от погоды. Если было слишком сыро, то он продавал спички — ведь дождь мог смыть картины, возмись он их рисовать. Если же было ясно, то Спичечник целый день проводил на коленках, рисуя цветными мелками на асфальте. Причем рисовал он на удивление быстро. Едва вы успевали заметить его на одной стороне улицы, как он уже оказывался на другой.

День, о котором идет речь, был холодным, но ясным. Поэтому Спичечник рисовал. К длинному ряду уже готовых картин вот-вот должно было прибавиться еще три (Спичечник рисовал все три картины сразу. На первой были изображены два банана, на второй — одно яблоко, а на третьей — голова Королевы Елизаветы.

Мэри Поппинс на цыпочках подошла к Спичечнику.

— Привет! — тихо сказала она.

Но Спичечник продолжал рисовать, нанося коричневым мелком штрихи сразу и на бананы, и на кудри Королевы Елизаветы.

— Гм! — кашлянула Мэри Поппинс так, как это делают только настоящие леди.

Спичечник тут же обернулся и увидел ее.

— Мэри! — воскликнул он, и по тому, как он это сделал, было видно, что Мэри Поппинс в его жизни играет очень важную роль.

Посмотрев на свои туфли, она улыбнулась и тихо произнесла:

— Берт! Ведь это мой день! Разве ты забыл?

(Берт — было имя Спичечника).

— Что ты, Мэри! Я конечно же помню! — воскликнул Берт. — Но... — он запнулся, огорченно покосившись на свою кепку. Кепка лежала на асфальте возле последней картины, и в ней было лишь 2 пенса. Спичечник поднял ее и побренчал деньгами.

— Это все, что ты заработал, Берт? — спросила Мэри Поппинс так радостно, что никому бы и в голову не смогла прийти мысль, будто она разочарована.

— Да, как видишь, не густо, — сказал он печально, — что-то совсем дела нынче плохи. Да и кто захочет раскошелиться, чтобы посмотреть на это? — и он махнул рукой на Королеву Елизавету. — Такие вот дела, Мэри. Боюсь, что я не смогу сегодня пригласить тебя на чай.

Мэри Поппинс с грустью подумала о пирожках с начинкой из малинового варенья, которые они обычно ели по выходным, и уже хотела было вздохнуть, но вовремя взглянула на лицо Спичечника. Он бы не вынес этого. Подавив едва не сорвавшийся с губ вздох, она улыбнулась.

— Ничего, Берт. Не беспокойся. Я вполне могу обойтись и без чая. Да и к тому же пирожки — такая тяжелая пища...

Да, подобный поступок по-настоящему мог оценить только тот, кто знал, как Мэри Поппинс любила пирожки с начинкой из малинового варенья! И Спичечник, видимо, оценил, потому что благодарно пожал ей руку.

А потом они вместе пошли вдоль длинного ряда картин.

— Вот здесь картины, которых ты еще не видела, — гордо сказал Спичечник, показывая на одну из них. Там была изображена покрытая снегом гора. На ее склонах росли гигантские розы, и на каждой розе сидело по кузнечiku. Теперь Мэри Поппинс могла спокойно вздохнуть, не обидев его.

— Ах, Берт! Это просто чудесно! — сказала она, причем таким тоном, что становилось совершенно очевидно: этим картинам место по меньшей мере в Королевской Академии (Королевская Академия, как известно, это такое большое помещение, куда люди вешают нарисованные ими картины. Потом все приходят на них посмотреть, а когда насмотрятся, то говорят друг другу: «Вот это да!»).

Следующая картина, к которой подошли Спичечник и Мэри Поппинс, оказалась еще лучше. На ней была нарисована какая-то неведомая страна, страна высоких деревьев и густых трав. В просвете между зелеными кронами виднелся кусочек моря и что-то еще, похожее на едва различимые вдали старинные ворота.

— Ну и ну! — восхищенно воскликнула Мэри Поппинс, останавливаясь, чтобы получше все рассмотреть. — Что случилось, Берт?

Спичечник внезапно схватил ее за руку. Его лицо светилось радостью.

— Мэри! У меня идея! Причем легко выполняемая! Почему бы нам не пойти прямо туда и прямо сейчас? В картину!

И, держа ее за руку, он сделал два шага вперед. Фонарные столбы с висящими на них проводами качнулись и куда-то пропали. Ух! — И они оказались внутри нарисованной на асфальте картины.

Было тихо. Мягкая трава едва слышно шелестела у них под ногами. Мэри Поппинс и Спичечник просто не могли поверить своим глазам. Ветви, словно играя, легонько барабанили по их шляпам, пока они пробирались вперед, а небольшие пестрые цветочки цеплялись за их туфли.

Взглянув друг на друга, они внезапно увидели, что вместе с окружающим миром изменились и они сами. На Спичечнике красовался новый костюм, состоящий из зеленого в красную полоску пиджака, белых фланелевых брюк и новой соломенной шляпы. Весь он был такой чистый, такой элегантный, что, казалось, даже светится, словно новенькая монетка в 3 пенса.

— О, Берт! Ты прекрасно выглядишь! — воскликнула Мэри Поппинс в восхищении.

Берт некоторое время вообще не мог выговорить ни слова. Он широко разинул рот и лишь вовсю таращил глаза на свою спутницу. Наконец он выдавил из себя:

— Ей-богу!

Больше он не мог произнести ни слова, но при этом выглядел таким взбудораженным и смотрел на нее так радостно, что Мэри Поппинс невольно потянулась за зеркальцем. То, что она увидела, превзошло все ее ожидания. С ее плеч ниспадала роскошная накидка из узорчатого искусственного шелка. Шею щекотало свешивающееся со шляпы длинное пушистое перо. На ногах появились новые туфли с переливающимися всеми цветами радуги застежками из драгоценных камней. Единственное, что напоминало прежнюю Мэри Поппинс, так это белые перчатки да зонтик с ручкой в форме головы попугая.

— Бог мой! — пробормотала она. — Да у меня сегодня и впрямь Выходной!

Не переставая удивляться, они двинулись через лес и скоро вышли на залитую солнечным светом поляну. И там они увидели... Нет, это было просто невероятно! Посреди поляны стоял небольшой зеленый столик, а на нем — огромный пыхтящий медный чайник. Рядом, на большом столе находилось чудовищных размеров блюдо, на котором возвышалась целая гора пирожков с начинкой из малинового варенья. Здесь же были две тарелки с устрицами и две специально заостренные палочки.

— Ой, я сейчас покраснею! — сказала Мэри Поппинс. Она всегда это говорила, когда была кому-нибудь за что-то благодарна.

— Ей-богу! — пробормотал и Спичечник свою любимую фразу.

— Не хотите ли присесть, мадам? — услышали они вдруг чей-то голос и, обернувшись, увидели выходящего из леса человека в черном пиджаке. Через руку у него была перекинута белоснежная салфетка. Мэри Поппинс в удивлении плюхнулась на один из маленьких зеленых стульчиков, стоявших вокруг стола. Спичечник, изумленный ничуть не меньше, уселся на другой.

— Как вы уже, наверное, догадались, я Официант, — объяснил человек в черном пиджаке.

— Но... но я не видела вас на картине! — сказала Мэри Поппинс.

— Ах, это... Я был в это время за деревом, — пояснил Официант.

— Не хотите ли присесть? — пригласила его Мэри Поппинс.

— Благодарю, мэм, но официанты никогда не садятся, — ответил Официант, явно польщенный ее предложением. — Ваши устрицы, сэр! — сказал он, пододвигая тарелку Спичечнику. — И ваша палочка!

Вытерев палочку о салфетку, он протянул ее Спичечнику.

— Мы должны обязательно все съесть! — шепнула Мэри Поппинс, разделавшись со своими устрицами и приступая к пирожкам с начинкой из малинового варенья.

— Ей-богу! — согласился Спичечник, выбирая два самых больших пирожка.

— Чаю? — осведомился Официант, который все

это время стоял рядом, и наполнил из чайника две огромные чашки.

Они выпили по одной чашке чаю, потом еще по одной и еще по две, пока от горы пирожков с начинкой из малинового варенья ничего не осталось.

Мэри Поппинс смела со стола крошки.

— Платить не нужно, — упредил их вопрос Официант. — На здоровье. Кстати, здесь недалеко есть карусель, — и он махнул рукой в просвет между деревьями. Обернувшись, Мэри Поппинс и Спичечник увидели круглый помост и несколько деревянных коней на нем.

— Как странно, — произнесла Мэри Поппинс. — Что-то я не помню этой карусели на картине.

— Гм, — сказал Спичечник, который и сам ничего подобного не помнил, — кажется, это было на заднем плане...

Карусель замедлила свой бег, когда они подошли к ней. Мэри Поппинс села на черного коня, а Спичечник — на серого. Музыка тут же заиграла вновь, карусель завертелась, и деревянные кони понеслись вперед. Бежали они очень быстро, при этом совершенно не уставая, так что за час с небольшим проделали весь путь до Ярмута (Мэри Поппинс уже давно мечтала побывать в этом приморском городке) и обратно.

Когда они возвратились, уже почти стемнело и Официант повсюду разыскивал их.

— Прошу прощения, — вежливо сказал он, подходя ближе, — но в 7 часов мы закрываемся. Видите ли, у нас существуют определенные правила... Если вы не против, я покажу вам обратную доро́гу.

Мэри Поппинс и Спичечник кивнули, и Официант, взмахнув салфеткой, бодро зашагал через лес.

— Берт, это самая замечательная картина из всех, что ты нарисовал, — сказала Мэри Поппинс, поправляя накидку и беря Спичечника под руку.

— В меру сил и способностей, Мэри, — ответил тот скромно, выглядя чрезвычайно довольным собой.

Официант остановился перед большими белыми воротами, которые, казалось, состояли из толстых меловых линий.

— Пришли, — объявил он, — там путь наружу.

— До свидания! И — большое спасибо! — сказала Мэри Поппинс, пожимая ему руку.

— До свидания, мадам, — ответил Официант и поклонился так низко, что его голова едва не ударилась о колени.

Потом он кивнул Спичечнику, а тот в ответ склонил голову набок и прищурил один глаз, что, судя по всему, должно было означать «до встречи».

После всего этого они шагнули за белые ворота. И как только они это сделали, перо со шляпы Мэри Поппинс исчезло, шелковая накидка соскользнула с плеч, а драгоценные камни растаяли в воздухе. Яркий костюм Спичечника полинял, а его кра-

сивая соломенная шляпа снова превратилась в оборванную кепку.

Оглянувшись, Мэри Поппинс поняла, что произошло. Некоторое время она, стоя на тротуаре, напряженно вглядывалась в картину, пытаясь различить там Официанта. Но на картине не было ни души. Ничто в ней не двигалось. Даже карусель куда-то исчезла. Остались только деревья, трава, да неподвижный кусочек моря вдали.

Но Мэри Поппинс и Спичечник счастливо улыбались друг другу: ведь они знали о том, что скрывается за деревьями...

Когда Мэри Поппинс возвратилась домой, Джейн и Майкл выбежали ей навстречу.

— Где, где вы были? — забросали они ее вопросами еще в прихожей.

— В Волшебной стране, — нехотя отозвалась она.

— Как?! И вы видели Золушку?! — изумилась Джейн.

— Кого? Золушку? Нет, кто угодно, но только не я! — поморщилась Мэри Поппинс. — Надо же такое спросить — Золушку! Подумать только!

— А Робинзона Крузо? — задал тогда вопрос Майкл.

— Робинзон Крузо? Фи! — презрительно бросила Мэри Поппинс, передернув плечами.

— Но значит тогда вы там не были! Или были, но в какой-то совсем другой стране!

Мэри Поппинс фыркнула.

— Разве вы не знаете, — сказала она, смерив их взглядом, в котором явственно читалось сожаление, — что у каждого человека своя собственная Волшебная страна?

И, еще раз фыркнув, она стала подниматься по ступенькам, чтобы положить на место зонтик и перчатки...

— А вы уверены, что он дома? — спросила Джейн, когда вместе с Мэри Поппинс и Майклом вышла из автобуса.

— Вот еще! Стал бы мой дядя приглашать нас к чаю, если бы собирался куда-то уходить!

Мэри Поппинс была явно обижена вопросом. Сегодня на ней было синее пальто с серебряными пуговицами и синяя же, в тон, шляпка, а в те дни, когда Мэри Поппинс бывала одета подобным образом, обидеть ее ничего не стоило.

Все трое шли по улице, направляясь в гости к мистеру Паррику, приходившемуся, как уже было сказа-

но, Мэри Поппинс дядей. Джейн и Майкл так долго ждали этого дня, что были всерьез напуганы мыслью о возможном отсутствии дяди.

— А почему его зовут мистер Паррик? — спросил Майкл, едва поспевая за Мэри Поппинс. — Он что, носит парик?

— Его зовут мистер Паррик потому, что таково его имя! И никакого парика он не носит. Он лысый, — сказала Мэри Поппинс, — а если я услышу еще хоть один вопрос, мы сразу же вернемся домой!

И она фыркнула, как делала всегда, когда бывала недовольна.

Джейн с Майклом переглянулись и нахмурились, что должно было означать: «Не надо спрашивать ее больше ни о чем, а то мы никогда туда не попадем!»

На углу, возле табачного магазина, Мэри Поппинс остановилась, чтобы поправить шляпку. В магазине была одна из тех странных витрин, в которой вместо одного вашего отражения появляется сразу три, так что, если смотреться достаточно долго, можно подумать, что вы — это вовсе не вы, а целая толпа каких-то незнакомых людей. Но Мэри Поппинс, увидев сразу три собственных отражения, одетых в синие пальто с серебряными пуговицами и синие же, в тон, шляпки, просияла от удовольствия. Единственное, о чем, возможно, она жалела, так это о том, что отражений слишком мало. Вот если бы их было тридцать или хотя бы двенадцать! Чем больше, тем лучше!

— Ну, пойдёте же! — наконец строго сказала она, точно это Джейн и Майкл задерживали ее.

Выйдя на Робертсон Роуд, они дошли до дома № 3 и позвонили в дверь. Джейн и Майкл слышали, как звонок эхом отозвался в прихожей, и замерли, думая о том, что всего через несколько минут они будут в первый раз в жизни пить чай с дядей Мэри Поппинс.

— Конечно, в том случае, если он дома, — шепнула Джейн Майклу.

В это самое время дверь распахнулась, и на пороге появилась худая, болезненного вида особа.

— Он дома? — сходу выпалил Майкл.

— Я бы очень тебя попросила, — сказала Мэри Поппинс, наградив Майкла свирепым взглядом, — чтобы ты позволил говорить мне!

— Здравствуйте, миссис Паррик! — вежливо произнесла Джейн.

— Миссис Паррик! — воскликнула худая леди, голосом еще более тонким, чем она сама. — Да как вы смее называть меня так? Нет уж! Большое спасибо! Мое имя мисс Персиммон, и я горжусь этим! Надо же, миссис Паррик!

Казалось, она была страшно обижена, и Джейн с Майклом решили, что мистер Паррик, видимо, очень странный человек, если мисс Персиммон так рада, что она не миссис Паррик.

— Прямо навёрх первая дверь! — взвизгнула мисс Персиммон и быстро пошла по коридору, продолжая

твердить тоненьким голоском: «Миссис Паррик! Ну надо же, миссис Паррик!»

Ребята последовали за Мэри Поппинс вверх по лестнице. Наконец она остановилась перед дверью и постучала.

— Да-да! Входите-входите! Добро пожаловать! — раздался громкий, веселый голос изнутри. Джейн и Майкл прямо-таки задрожали от волнения.

— Он там! — говорил взгляд Джейн.

Мэри Поппинс отворила дверь, и перед ними возникла большая светлая комната. В дальнем ее конце ярко горел камин, а посередине стоял огромный стол, накрытый для чая. Тут были и печенье, и пирожки, и целые горы всевозможных бутербродов, и даже большой сливовый торт, покрытый нежной розовой глазурью.

— Ах, как приятно! — приветствовал их громкий голос.

Джейн с Майклом оглянулись, пытаясь найти его обладателя. Но вокруг никого не было. Комната казалась совершенно пустой.

Вдруг они услышали возмущенный голос Мэри Поппинс:

— О, боже! Дядя Альберт! Вы снова! Может быть, вы забыли, что сегодня у вас вовсе не день рождения?

Говоря это, она почему-то смотрела вверх, на потолок. Подняв голову, Джейн и Майкл к своему крайнему изумлению увидели кругленького, толстого, лысого человека, который совершенно свободно висел в воздухе. Расположился он там очень недурно,

так как сидел положив ногу на ногу и даже читал газету.

— Дорогуша! — отозвался мистер Паррик, улыбаясь детям и виновато поглядывая на Мэри Поппинс. — Боюсь, что как раз сегодня и есть мой день рождения!

— Ай-яй-яй-яй-яй! — покачала головой Мэри Поппинс.

— Правда, вспомнил я об этом только прошлой ночью и не смог предупредить тебя, чтобы ты пришла в какой-нибудь другой день. Ужасно неудобно, правда? — сказал он, глядя сверху вниз на Джейн и Майкла.

— Да-да, вижу, вы удивлены, — тут же добавил он. И действительно, рты ребят были открыты так широко, что мистер Паррик, будь он чуть-чуть поменьше, вполне мог бы упасть в один из них.

— Сейчас я вам все объясню, — невозмутимо продолжал тем временем мистер Паррик. — Все дело вот в чем. Я — очень веселый человек и иногда люблю посмеяться. Вы даже не поверите, сколько на свете есть вещей, способных меня развеселить. Пожалуй, я могу смеяться почти надо всем! Честное слово!

С этими словами мистер Паррик вдруг затрясся в воздухе, видимо, развеселившись от мысли о собственной чрезмерной веселости.

— Дядя Альберт! — одернула его Мэри Поппинс, и мистер Паррик, вздрогнув, замолчал.

— Прошу прощения, моя дорогая! — сказал он. — Так на чем это я остановился? Ах, да! И самое смешное состоит в том... в том... Ну хорошо, хорошо, Мэри, я не буду больше смеяться... Так вот, когда мой день рождения выпадает на пятницу, я начинаю вдруг ощущать в себе необычайную легкость. Все во мне как бы приподнимается... Выше, выше, выше — и р-р-раз!

— Но почему? — начала было Джейн.

— Но как? — не вытерпел и Майкл.

— Видите ли, если я в этот день начинаю смеяться, то так сильно наполняюсь Веселящим газом, что потом, даже если и захочу, никак не могу опуститься на землю. Это происходит, даже если я улыбаюсь. Первая же смешная мысль — и я взлетаю, точно воздушный шар! И пока я не подумаю о чем-нибудь серьезном или грустном — опуститься вниз нет абсолютно никакой возможности!

Мистер Паррик опять было начал хихикать, но, уловив гневный взгляд Мэри Поппинс, поперхнулся и продолжил:

— Это, конечно, не совсем обычно, но, доложу вам, не лишено приятности. С вами, наверное, этого никогда не случилось?

Джейн и Майкл замотали головами.

— Ну да, я так и думал. Скорее всего, это только моя характерная особенность. Однажды, ей-богу, вы не поверите, я в свой день рождения побывал в цирке,

а потом целых 12 часов проболтался дома под потолком. И только когда пробило полночь, я наконец шлепнулся на пол. Ведь началась суббота, и мой день рождения, собственно, кончился. Все это очень странно, не правда ли? Смешно, даже можно сказать! А теперь снова мой день рождения и снова пятница, и вы вместе с Мэри Поппинс пришли ко мне в гости... Ха-ха-ха!.. Господи, только не смешите меня, только не смешите!.. Умоляю! Ха-ха-ха!

И хотя Джейн с Майклом не делали ничего смешного, а только в изумлении таращили глаза, мистер Паррик опять принялся громко смеяться, раскачиваясь в разные стороны и подпрыгивая на месте. Газета болталась у него в руке, а очки каждую минуту грозили свалиться с носа. Он так комично выглядел, кувыркаясь в воздухе наподобие большого пузыря, так смешно тыкался об потолок головой и хватался руками за газовый рожок, когда пролетал мимо него, что для Джейн и Майкла, несмотря на то, что они изо всех сил старались соблюдать приличия, сдерживаться стало просто невозможно. И они засмеялись. Да как! Они пытались зажать рты ладонями, чтобы удержать смех, но из этого ничего не выходило. В конце концов они просто попадали на пол и принялись кататься, буквально помирая со смеху.

— Это еще что такое? — повысила голос Мэри Поппинс. — Это что за поведение?!

— Ой, не могу! Ой, не могу! — стонал Майкл, подкатываясь к камину. — Ой, как смешно! Джейн, ты посмотри...

Но Джейн не отвечала. С ней случилась странная вещь. Она почувствовала, что ее тело вдруг стало утрачивать свой вес. Это было так странно, но вместе с тем и так замечательно, что ей еще больше захотелось смеяться. Она собралась уже было сказать об этом Майклу, но вдруг почувствовала, что медленно отрывается от пола и летит к потолку.

Майкл в изумлении таращил глаза на то, как она неторопливо плыла вверх. Вот ее голова коснулась потолка, и скоро Джейн очутилась рядом с мистером Парриком.

— Так-так! — озадаченно пробормотал мистер Паррик. — Уж не хотите ли вы сказать, что у вас сегодня тоже день рождения?

Джейн отрицательно покачала головой.

— Нет? Так что же, стало быть, Веселящий газ действует не только на меня? Эй! Там! Тпру! Осторожнее, полка! — закричал он тут же Майклу, который, внезапно оторвавшись от пола, понесся вверх и чуть не врезался головой в каминную полку, сплошь уставленную всевозможными безделушками. Через несколько секунд он с размаху плюхнулся мистеру Паррику прямо на колени.

— Привет! — сказал тот и сердечно пожал Майклу руку. — Ей-богу, очень мило с вашей стороны — подняться ко мне наверх. Надеюсь, это не из-за того, что я не могу опуститься вниз? А?

И, переглянувшись, мистер Паррик и Майкл вновь залились смехом.

— Наверное, — обратился затем мистер Паррик к Джейн, утирая слезы, — наверное, вы будете думать, что у меня самые ужасные манеры на всем белом свете. Такая красивая юная леди, как вы, должна, конечно, сидеть, а я, между тем, даже не могу предложить вам стул! Хотя, знаете, в воздухе тоже можно сидеть и, надо сказать, очень и очень неплохо! Честное слово!

Джейн попыталась последовать его совету и скоро устроилась довольно комфортабельно. Сняв свою шляпку, она положила ее перед собой, и та... зависла в воздухе безо всякой опоры.

— Замечательно! — сказал мистер Паррик. Затем он повернулся и взглянул вниз, на Мэри Поппинс.

— Ну вот, Мэри, мы и устроились. Теперь твоя очередь, моя дорогая! Буду очень рад видеть тебя и моих юных друзей здесь, наверху... Но Мэри, почему ты хмуришься? Боюсь, ты не одобряешь меня.

Он кивнул в сторону Джейн и Майкла и торопливо заговорил:

— Ну извини, извини, дорогая. Ведь ты же знаешь, как это бывает со мной. К тому же я никак не ожидал, что мои два юных друга тоже заразятся этим! Честное слово! Да, да, согласен, наверное, я должен был пригласить их в какой-нибудь другой день... Ну, пусть они тогда подумают о чем-нибудь грустном или о чем-нибудь...

— Нет, я просто обязана это сказать! — строго произнесла Мэри Поппинс. — Еще никогда в жизни

я не видела ничего подобного! А в вашем возрасте, дядя...

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! Взбирайтесь сюда! — перебил ее Майкл. — Подумайте о чем-нибудь смешном, и вы увидите, что это очень легко!

— Слушай, Мэри, ну в самом деле! — продолжал настаивать мистер Паррик.

— Нам здесь так одиноко без вас! — попросила и Джейн, протягивая к Мэри Поппинс руки. — Пожалуйста, Мэри Поппинс, подумайте о чем-нибудь смешном!

— Да ей это вовсе не обязательно, — заметил мистер Паррик, вздыхая. — Она, если захочет, сможет подняться и так, безо всякого смеха. И ей, между прочим, это хорошо известно!

Он повернул голову и загадочно посмотрел на Мэри Поппинс.

— Что ж, — произнесла она, — хоть это все очень глупо и в высшей степени неприлично, но вы все болтаетесь в воздухе и, как я вижу, опускаться вниз не собираетесь. Значит, выхода у меня нет. Придется подниматься вверх.

С этими словами она вытянула руки по швам и, к немалому удивлению ребят, взлетев под потолок, усе-лась напротив Джейн. И все это без тени улыбки!

— Сколько раз я вам говорила, — принялась она тут же ворчать, — чтобы вы снимали верхнюю одежду, когда входите в теплую комнату! — и, сняв с

Джейн пальто, она аккуратно повесила его в воздухе рядом со шляпкой.

— Вот это дело, Мэри! — воскликнул мистер Паррик, свешиваясь вниз и кладя очки на каминную полку. — Вот мы и устроились, причем вполне комфортно.

— Да, сплошной комфорт! — фыркнула Мэри Поппинс.

— Вот теперь можно и чай попить! — продолжил мистер Паррик, не обратив ни малейшего внимания на эту колкость. Но в следующий момент его лицо вдруг приняло растерянное выражение.

— О, боже! — простонал он. — Какой ужас! Ведь стол-то находится внизу! А мы все здесь, наверху! Что же делать, а? Мы все здесь, а он — там. Кошмарная трагедия, ну просто кошмарная! Но, ха-ха-ха, это... это... ужасно смешно! — и, спрятав лицо в носовой платок, он громко расхохотался. Джейн с Майклом, хотя им и не очень нравилась мысль о том, что они могут остаться без угощения, тоже не смогли удержаться — слишком уж заразительно мистер Паррик смеялся. Наконец мистер Паррик остановился и вытер глаза.

— Есть только один выход, — сказал он, — мы должны подумать о чем-нибудь серьезном. Или о чем-нибудь грустном, очень-очень грустном. Ну, раз, два, три! О чем-нибудь очень-очень грустном, ну!

Все усиленно принялись думать...

Майкл думал о школе и о том, что ему рано или поздно придется туда пойти. Но, странное дело, сегодня даже это почему-то казалось веселым, и он с трудом сдерживал смех.

Джейн думала о том, что когда-нибудь она вырастет и ей будет 14 лет. Но грусти это не вызывало. Она не смогла удержаться от улыбки, представив себя взрослой, одетой в длинную юбку, с сумочкой на плече.

— У меня была старенькая тетя, — размышлял вслух мистер Паррик. — Звали ее тетушка Эмили. И ее переехал автобус. Грустно. Очень грустно. Ну просто невыносимо грустно. Бедная тетя Эмили. Да, но зато ее зонтик остался цел. Правда — забавно? — и секунду спустя он уже сотрясаясь от неудержимого хохота, вызванного воспоминанием о зонтике несчастной тетушки Эмили.

— Нет, так не пойдет, — сказал он, громко сморкаясь в носовой платок. — Похоже, у моих юных друзей дела обстоят ничуть не лучше. Мэри, может, ты что-нибудь сделаешь? В конце концов мы хотим чаю!

То, что произошло затем, Джейн и Майкл вряд ли даже теперь смогли бы описать без труда. Едва мистер Паррик обратился к Мэри Поппинс, как стол ни с того ни с сего вдруг начал подпрыгивать сразу на всех четырех ножках. Потом, сильно накренившись, он, звеня фарфором и роняя конфеты из вазочек на скатерть, развернулся и устремился вверх. Через

мгновение он уже втиснулся между гостями, да так удачно, что мистер Паррик оказался прямо во главе стола.

— Ай да молодец! — воскликнул мистер Паррик, с гордостью глядя на Мэри Поппинс. — Я знал, что ты что-нибудь придумаешь! Я предлагаю, Мэри, вообще взять тебе все в свои руки и начать разливать чай. А гости пусть сядут по обе стороны от меня. Вот так. Неплохо, а? — сказал он, когда Майкл, преодолев разделявшее их расстояние, уселся с правой стороны от него, а Джейн — с левой. Удовлетворенно улыбнувшись, он продолжил:

— Принято, кажется, начинать с бутербродов. Но сегодня мой день рождения, — тут он весело подмигнул ребятам, — поэтому мы будем делать все наоборот и начнем с торта!

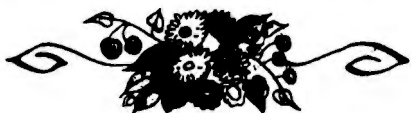
С этими словами он отрезал каждому по большому куску.

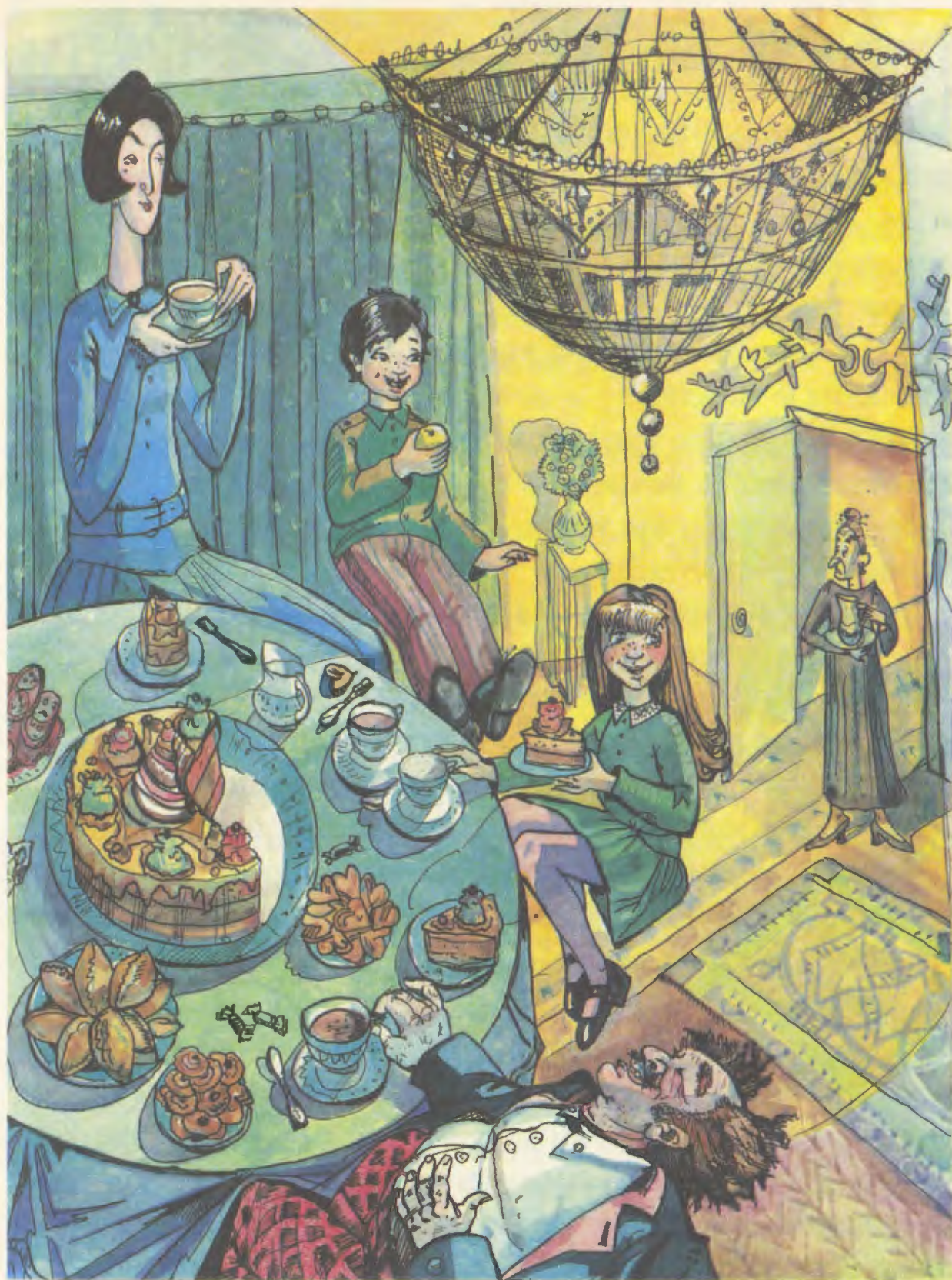
— Еще чаю? — заботливо спросил мистер Паррик, когда чашка Джейн опустела. Однако ответить она не успела, потому что в этот момент вдруг послышался энергичный стук в дверь.

— Войдите! — крикнул мистер Паррик.

Дверь отворилась, и на пороге появилась мисс Персиммон с кувшином кипятка на подносе.

— Я подумала, мистер Паррик, — начала она, в недоумении озираясь по сторонам, — что вам еще понадобится кипятков... Ну нет! Такого я еще никогда! —

с чувством произнесла она, увидев их сидящими вокруг стола под самым потолком. — Никогда в жизни не видела! Это просто безобразие! Конечно, мистер Паррик, я всегда знала, что вы немного странный, но не до такой же степени! Раньше я закрывала на это глаза, потому что вы аккуратно вносили квартирную плату. Но чаепитие в воздухе — это уже слишком! Я просто поражена, сэр! Это так неприлично, а тем более для джентльмена вашего возраста! Я бы никогда, ни за что...

— А вдруг и вы тоже, мисс Персиммон? — весело спросил у нее Майкл.

— Что «тоже»? — надменно произнесла она.

— Ну, наглотаетесь веселящего газа, как мы?

Мисс Персиммон с достоинством вскинула голову.

— Надеюсь, молодой человек, у меня пока еще достаточно самоуважения, чтобы нормально ходить по земле, а не болтаться в воздухе наподобие воздушного шарика на веревочке! Благодарю покорно! Не будь я Эмили Персиммон, если не буду твердо стоять на собственных ногах... Ах! Ой! Господи! Бог мой! Я не могу идти, я... Ой! Помогите! На помощь! — кричала мисс Персиммон, потому что, внезапно оторвавшись от пола, медленно поплыла вверх, перекатываясь с боку на бок, точно узкий и длинный бочонок. Она изо всех сил пыталась сохранить равновесие и не пролить из кувшина воду. Когда мисс Персиммон наконец достигла стола и поставила на него злосчастный кувшин, она чуть не плакала.

— Спасибо, — поблагодарила Мэри Поппинс очень спокойно и вежливо. Мисс Персиммон покорно повернулась и, слегка покачиваясь, стала опускаться вниз.

— Как неприлично! — услышали они ее сдавленное бормотание. — О, как неприлично! И это я, такая благовоспитанная, степенная женщина! Нет, я должна обратиться к врачу!..

Едва коснувшись ногами пола, она, не оглядываясь, выбежала из комнаты.

— О боже, как неприлично! — еще какое-то время доносилось из-за двери.

— Да, выходит, теперь она вовсе не Эмили Персиммон: ведь она не сумела устоять на собственных ногах... — сказала Джейн шепотом Майклу.

Мистер Паррик укоризненно, но вместе с тем и восхищенно посмотрел на Мэри Поппинс.

— Мэри, ты не должна была, ей-богу, не должна была этого делать! Бедная старушка этого не переживет! О, господи, а как она ковыляла по воздуху! Ха-ха-ха! Нет, как ковыляла!

И мистер Паррик, а вместе с ним и Джейн с Майклом безудержно захохотали. Они барахтались в воздухе и, держась за бока, буквально захлебывались от смеха, вспоминая, как выглядела мисс Персиммон.

— О, боже! — стонал Майкл. — Не смешите меня больше! Ой, не могу! Я ло-о-о-пну!

— Ой-ой-ой! — кричала Джейн, задыхаясь и держась за живот.

— Ах, боже мой! — ревел мистер Паррик, вытирая глаза полкой пиджака, так как платка под рукой не оказалось.

— Пора домой! — вдруг, словно труба, прозвучал голос Мэри Поппинс.

И тут же и Джейн, и Майкл, и мистер Паррик со страшным грохотом шлепнулись на пол. Мысль о том, что пора идти домой, была первой грустной мыслью за весь день. И стоило им только подумать об этом, как Веселящий газ сразу же из них улетучился.

Ребята, вздыхая, смотрели, как Мэри Поппинс медленно опускается вниз, держа в руках пальто и шляпку Джейн.

Мистер Паррик тоже вздохнул.

— Как грустно, — удрученно сказал он. — Очень жаль, что вы должны идти домой. Я никогда еще так не веселился. А вы?

— Никогда, — понуро ответил Майкл, чувствуя, как скучно просто ходить по земле.

— Никогда, — подтвердила Джейн слова Майкла и, приподнявшись на цыпочки, чмокнула мистера Паррика в кругленькую, будто яблочко, щечку. — Никогда! Никогда...

Домой они ехали на автобусе. Джейн и Майкл сидели по обе стороны от Мэри Поппинс. Они были необычайно молчаливы. Каждый из них думал об удивительном, ни на что не похожем дне. Наконец Майкл тихо спросил, обращаясь к Мэри Поппинс:

— И часто с вашим дядей это случается?

— Что «это»? — переспросила та резко, словно Майкл чем-то внезапно разозлил ее.

— Ну так, смеется, болтается, в воздух взлетает.

— В воздух? — голос Мэри Поппинс сделался еще более сердитым. — Что ты подразумеваешь под словом «воздух»?

Джейн попыталась объяснить.

— Майкл хочет спросить, часто ли ваш дядя на-
полняется Веселящим газом и кувыркается под потол-
ком, когда...

— Кувыркается! Что за вздор! Подумать только, ку-
выркается под потолком! Вы еще скажете, что он воздуш-
ный шар! — рассерженно фыркнула Мэри Поппинс.

— Но ведь это же было! — возмутился Майкл. —
Мы видели!

— Что, кувыркание? Да как вы смее! Мой дядя,
да будет вам известно, — добропорядочный, честный
и трудолюбивый человек! А потому будьте добры го-
ворить о нем уважительно! И прекрати сейчас же же-
вать свой билет! Подумать только! Кувыркается!

Майкл и Джейн переглянулись. Сделали они это
молча, потому что уже успели понять: спорить с Мэри
Поппинс совершенно бесполезно. Взглядом они как
бы спрашивали друг у друга: «Интересно, правда это
или нет? О мистере Паррике. Кто же прав — мы или
Мэри Поппинс?» Но вокруг не было никого, кто бы
мог дать им правильный ответ.

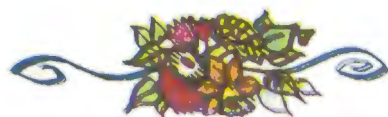

Автобус ревел, подскакивая и трясясь на ухабах. Мэри Поппинс сидела между детьми, сердитая и молчаливая. Однако время шло, и скоро Джейн и Майкл, несмотря на одолевавшие их сомнения, уже крепко спали, с двух сторон прижимаясь к своей удивительной няне...

Мисс Ларк жила в соседнем доме. Надо сказать, что это был самый большой дом на всей Вишневой улице. Даже адмирал Бум завидовал мисс Ларк, хотя его собственный дом был похож на настоящий корабль — с трубами и мачтой для флага. Часто обитатели улицы могли слышать, как он, глядя на ее окна, ворчал: «Лопни моя селезенка! И зачем ей такое!» Зависть его вызывали два входа: парадные ворота для друзей и родственников и калитка для мясника, булочника и молочника.

Как-то раз булочник ошибся и вошел не в те ворота. Это вызвало такой гнев мисс Ларк, что она поклялась никогда в жизни не есть больше хлеба. Однако через некоторое время ей все же пришлось простить булочника. Он был единственным во всей округе, кто умел печь маленькие вкусные булочки с хрустящей фигурной корочкой. Но с тех самых пор она его невзлюбила, и бедный булочник теперь во время своих визитов как можно глубже надвигал на глаза шляпу, чтобы хозяйка думала, что это кто-то другой. Но не тут-то было!

О том, что мисс Ларк прогуливается по улице или по саду, Джейн с Майклом узнавали еще издалека, потому что она носила такое количество бус, серег, колец и брошей, что брнчала и звенела, словно полковой оркестр.

Почти всегда, когда дети попадались мисс Ларк по дороге, она говорила одну и ту же фразу:

— Доброе утро! (а если это было после завтрака, то «добрый день!»). Ну, как мы поживаем?

И Джейн с Майклом никак не могли понять, обращается мисс Ларк к ним или же просто разговаривает сама с собой и со своим ненаглядным Эндрю. Поэтому они отвечали просто:

— Добрый день! (или, конечно, «доброе утро», если это случилось перед завтраком).

И весь «добрый» день до них доносились непрерывные крики мисс Ларк:

— Эндрю, где ты?

или?

— Эндрю, ты не должен выходить на улицу без пальто!

или?

— Эндрю, иди к мамочке!

Посторонний человек, конечно, подумал бы, что Эндрю — маленький мальчик. Порой Джейн казалось, что мисс Ларк именно так и думает. Но Эндрю не был маленьким мальчиком. Он был собакой — одной из тех маленьких шелковисто-лохматых собак, которые так похожи на пушистую меховую муфту, но, разумеется, только до тех пор, пока не начнут лаять. После этого сразу становится ясно, что перед вами именно собака, потому что ни одна муфта не в состоянии произвести столько шума.

Так вот этот самый Эндрю вел такую роскошную жизнь, что можно было подумать, будто он вовсе никакая не собака, а по меньшей мере персидский шах. Спал он на специальной шелковой подушечке в комнате мисс Ларк. Дважды в неделю его возили к парикмахеру, где мыли дорогим шампунем. К обеду ему постоянно подавали взбитые сливки, а иногда даже и устриц. А еще у него было целых четыре пальто, клетчатых и полосатых. Самый заурядный день Эндрю выглядел так, как у нормальных людей выглядит, пожалуй, лишь день рождения. Но зато когда у Эндрю

наступал день рождения, ему даже на торт ставили по две свечки за каждый год, а не по одной, как это бывает обычно.

В результате все соседи терпеть не могли Эндрю. Люди от всей души смеялись, когда видели, как он, восседая на заднем сиденье автомобиля мисс Ларк, отправлялся к парикмахеру, весь обложенный подушками и одетый в свое лучшее пальто. А в тот день, когда мисс Ларк купила Эндрю две пары маленьких кожаных ботинок, чтобы он мог гулять по парку в сырую погоду, к ее парадным воротам сбежались почти все обитатели улицы — посмотреть на такую невидаль и украдкой похихикать в кулак.

— Ха! — сказал Майкл, когда они с Джейн однажды увидели Эндрю за изгородью. — Он просто не-до-те-па!

— Почему ты так думаешь? — спросила Джейн, явно заинтересованная.

— Так его называл папа сегодня утром, — ответил Майкл и, показывая на Эндрю пальцем, принялся смеяться.

— Нет, он не недотепа, — сказала Мэри Поппинс. — Что-что, а это уж точно.

И она была права. Эндрю не был недотепой.

Нельзя сказать, чтобы он не уважал мисс Ларк. Уважал. Он даже по-своему ее любил (несмотря даже на слишком уж частые поцелуи). Ведь она заботилась

о нем с той самой поры, когда он был еще щенком. Однако не было никакого сомнения, что подобная жизнь до умопомрачения опротивела Эндрю. Он отдал бы половину своего состояния (в том случае, если бы его имел), а также свой обычный обед — цыплячью грудку и омлет со спаржей — за хороший кусок обычного сырого мяса. Ведь в глубине души Эндрю мечтал стать обыкновенной дворнягой. Он буквально дрожал от стыда, когда проходил мимо собственной родословной, висящей на стене в спальне мисс Ларк. А как часто он хотел, чтобы у него вообще не было ни отца, ни матери, ни деда с бабушкой, ни прадеда, ни каких бы то ни было предков и родственников, лишь бы вокруг них не поднималось столько шума.

Именно поэтому Эндрю и водил дружбу в основном с обыкновенными дворнягами. При первой возможности он выбегал за ворота и на ходу высматривал своих приятелей, чтобы перемолвиться с ними хоть словечком. Но мисс Ларк, как правило, обнаруживала исчезновение Эндрю очень быстро и тут же принималась кричать:

— Эндрю! Эндрю! Иди домой, мой маленький! Отойди скорее от этих ужасных беспризорных собак!

И Эндрю вынужден был бежать домой. Иначе мисс Ларк окончательно опозорила бы его, при всех унеся в дом на руках. Краснея, Эндрю спешил вверх по ступенькам, стараясь, чтобы друзья не слышали, как она

называет его «красотулечкой». «радостью» и «маленьким сладким кусочком».

И все же самый лучший друг Эндрю не был простой дворнягой. Он происходил наполовину от эрделя, а наполовину от легавой (причем обе эти половины были худшими). Больше всего на свете он любил рыться в помойных кучах и сточных канавах. Кроме того, у этого пса постоянно были какие-то неприятности то с почтальоном, то с полисменом. Ну а если где-нибудь поблизости затевалась драка, никто из обитателей улицы даже не сомневался, что эта «легендарная личность» находится в самой ее гуще. Его похождения служили неисчерпаемой темой для пересудов и сплетен всей округи, и в пределах нескольких улиц не было такого человека, который бы не благодарил Бога за то, что это не его собака.

Однако Эндрю любил своего приятеля и каждый раз с нетерпением ждал случая увидеться с ним. Иногда они успевали обнюхать друг друга во время короткой встречи в Парке, но порой, что, правда, случалось исключительно редко, им выпадало счастье вести долгие беседы, сидя возле парадных ворот. Именно от него Эндрю узнавал свежие городские сплетни, причем, судя по громкому хохоту, было видно, что этот полуэрдель-полулегавая не очень-то стесняется в выражениях.

Когда же из окна доносился голос мисс Ларк, обнаружившей пропажу своего любимца, «легендарная

личность» обычно первым делом показывала ей язык, затем подмигивала Эндрю и только после этого вразвалочку удалялась, независимо повиливая похжим на метелку хвостом, будто желая этим сказать, что все происходящее ее ничуть не касается.

Надо заметить, что Эндрю категорически запрещалось находиться вне двора, за исключением, разумеется, тех случаев, когда он ходил с мисс Ларк на прогулку и ездил с одной из служанок к парикмахеру стричься или делать маникюр.

Представьте теперь, каково было удивление Джейн и Майкла, когда они вдруг увидели Эндрю, в полном одиночестве мчащегося им навстречу. Уши его были прижаты, хвост поднят — и вообще весь его вид был таков, словно он преследовал по меньшей мере тигра.

Мэри Поппинс рывком приподняла коляску, чтобы Эндрю не опрокинул ее вместе с Близнецами. А Джейн и Майкл вопили ему вслед:

— Эй, Эндрю! Где твоё пальто? — кричал Майкл, пытаясь изобразить высокий, визгливый голос мисс Ларк.

— Ах, Эндрю! Ах, нехороший мальчик! — кричала Джейн, и ее голос (ведь она была девочкой) гораздо больше походил на голос его хозяйки.

Но Эндрю лишь презрительно на них покосился и громко пролаял, повернувшись к Мэри Поппинс:

— Гав-гав!

— Минутку... Кажется, сначала направо, а потом — второй дом на левой стороне улицы, — ответила она.

— Гав? — тявкнул Эндрю.

— Нет, там нет сада. Только маленький дворик. Ворота обычно бывают открыты.

Эндрю снова пролаял несколько раз.

— Я не уверена, — подумав, сказала Мэри Поппинс, — но обычно в это время он бывает там.

Эндрю кивнул и опять помчался по улице.

От удивления глаза Джейн и Майкла размерами стали напоминать блюдца.

— Что он сказал? — выпалили они почти одновременно.

— Да так, пустяки, — ответила Мэри Поппинс, и по тому, как она поджала губы, не составляло труда догадаться, что она не собирается добавлять к сказанному ни слова.

— А вот и не пустяки! — возразил Майкл.

— Да-да, совсем не пустяки! — поддержала его и Джейн.

— Что ж, вам, конечно, лучше знать. Ну это, впрочем, как всегда! — бросила Мэри Поппинс презрительно.

— Наверное, он спрашивал вас о том, где кто-то живет, — начал было Майкл. — Я просто уверен...

— Что ж, если вы знаете, то зачем спрашивать об

этом меня? — перебила Мэри Поппинс и фыркнула. — Я не справочник!

— Ой, Майкл, — прошептала Джейн, — она никогда нам ничего не расскажет, если ты будешь так разговаривать! Мэри Поппинс, ну пожалуйста! Скажите, что у вас спрашивал Эндрю.

— Спроси лучше у него! Он все знает! Он ведь у нас мистер Всезнайка! — сердито буркнула Мэри Поппинс, кивнув в сторону Майкла.

— Ой, нет-нет-нет, я не знаю! Клянусь, Мэри Поппинс, я ничего не знаю! Ну скажите же!

— Половина четвертого. Время пить чай, — произнесла она вместо ответа и покатила вперед коляску, еще плотнее сжав губы.

Вся дорога до дома прошла в полном молчании.

Джейн с Майклом отстали.

— Это ты виноват! — горячилась Джейн. — Теперь мы никогда, никогда ничего не узнаем!

— Подумаешь! — ответил Майкл и принялся что было силы разгонять свой самокат. — А мне и не надо!

Но это, конечно же, была неправда. Ему, как и Джейн, ужасно хотелось узнать, о чем разговаривал Эндрю с Мэри Поппинс. И, к их радости, узнали они об этом очень и очень скоро.

Подходя к своему дому, они вдруг услышали из соседнего двора громкий крик.

Повернув, как по команде, головы, они увидели до-

вольно странную картину. Обе служанки мисс Ларк стремительно носились по саду, заглядывая подо все деревья и кусты с таким видом, будто потеряли самое дорогое, что у них только было в жизни. Там же находился и Робертсон Эй, который, вооружившись метлой, с озабоченным видом разметал гравий с дорожки, словно надеялся отыскать потерянное сокровище под одним из камешков. Сама мисс Ларк бегала по саду, ломая руки и крича:

— Эндрю! Эндрю! О, Боже! Он пропал! Мой любимый, хорошенький мальчик пропал! Надо вызвать полицию! Сообщить премьер-министру! Эндрю пропал! О, Боже! Боже!

— Бедная мисс Ларк! — вздохнула Джейн, торопясь перейти улицу. Несмотря ни на что, девочка жалела ее.

Но Майкл очень скоро их утешил. Уже заходя в ворота дома № 17, он случайно посмотрел в конец улицы и там вдруг увидел...

— Эй! Вон Эндрю, мисс Ларк! Смотрите, прямо возле дома адмирала Бума!

— Где? Где? — прошептала, задыхаясь, мисс Ларк и взглянула туда, куда показывал Майкл.

А на углу дома Адмирала Бума действительно был Эндрю. Он шел по блистающему чистотой тротуару, причем делал это так спокойно и так невозмутимо, словно ровным счетом ничего не произошло. Рядом с ним шествовал огромный пес, по внешнему виду кото-

рого не составляло практически никакого труда определить, что он происходил наполовину от эрделя, а наполовину от легавой (причем обе, эти половины были худшими).

— О, какое счастье! — шумно вздохнула мисс Ларк. — Боже, какой камень свалился у меня с души!

Мэри Поппинс и Джейн с Майклом остановились на тротуаре возле парадных ворот. Робертсон Эй, отдыхая от трудов праведных, в изнеможении облокотился на метлу. Мисс Ларк и обе ее служанки перегнулись через забор. Так они и стояли, безмолвно следя за тем, как вновь обретенное сокровище вместе со своим не совсем породистым другом важно приближается к дому. Оба небрежно повивали хвостами и держали уши торчком. А в глазах Эндрю читалась решимость.

— О, снова эта ужасная дворняга! — простонала мисс Ларк, поняв наконец, что вторая собака не просто гуляет сама по себе, а сопровождает Эндрю.

— Кыш! Кыш! Иди домой! — закричала она.

Но собака лишь села на тротуар, почесала правой ногой левое ухо и лениво зевнула.

— Иди! Иди отсюда! Кыш, я говорю! — кричала мисс Ларк, размахивая руками.

— А ты, Эндрю, — обратилась она к своему любимцу, — сейчас же иди домой! Убегать вот так, без пальто... Я очень, очень тобой недовольна!

Эндрю лениво твякнул и даже не подумал сдвинуться с места.

— Эндрю, что это значит? Иди сейчас же сюда! — повторила мисс Ларк.

Эндрю твякнул снова.

— Он говорит, — вмешалась Мэри Поппинс, — что не пойдет.

Мисс Ларк обернулась и смерила ее надменным взглядом.

— Откуда вам знать, что сказала моя собака? Разумеется, он пойдет!

На это Эндрю энергично затряс головой и громко твякнул два раза.

— Нет, он не пойдет, — сказала Мэри Поппинс, — не пойдет до тех пор, пока его другу не позволят войти.

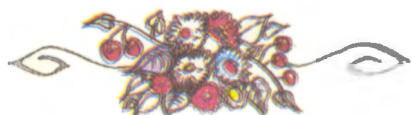
— Чушь! Ерунда! — воскликнула сердито мисс Ларк. — Не может быть, чтобы он это сказал! Неужели вы думаете, что я позволю войти в ворота этой бездомной дворняге!

Эндрю пролаял сразу четыре или пять раз.

— Он говорит, что именно это и имел в виду, — перевела Мэри Поппинс. — Более того, он требует, чтобы его друга не только пустили, но и позволили ему тут жить.

— О, Эндрю! Как ты можешь? Как ты можешь? И это после всего, что я для тебя сделала!

Мисс Ларк чуть не плакала.

Эндрю еще раз твякнул и повернулся к ней спиной. Другая собака тоже поднялась.

— О, Боже! — зарыдала мисс Ларк. — Он уходит! Он уходит от меня!

С минуту она стояла, комкая носовой платок. Затем высморкалась и тихо произнесла:

— Хорошо, Эндрю. Я сдаюсь. Эта... эта дворняга может остаться. Но лишь при условии, что она будет спать в угольном погребе.

Эндрю вновь подал голос.

— Он заявляет, мэм, что это невозможно. Его друг тоже должен спать в вашей комнате, и у него тоже должна быть шелковая подушка. В противном случае они оба будут спать в угольном погребе, — снова перевела Мэри Поппинс.

— Эндрю! Как, как ты можешь? Я никогда не соглашусь на это!

Эндрю сделал несколько шагов, словно собираясь уходить. Так же поступила и другая собака.

— Ох! Он действительно уходит! — взвизгнула мисс Ларк. — Ну хорошо, хорошо! Пусть все будет так, как ты хочешь! Пусть он спит в моей комнате! Пусть! Но я никогда, никогда, Эндрю, не забуду этого! О, Боже! Какая ужасная дворняга!

Она вытерла слезы и продолжала:

— От тебя, Эндрю, я этого никак не ожидала! Никак! Больше я ничего не скажу! Не важно, что я ду-

маю! Да, это... м-м-м... существо, видимо, надо как-то называть. Пусть он будет... м-м-м... Полканом или Барбосом или...

Полулегавая-полуэрдель презрительно смерила взглядом мисс Ларк, а Эндрю громко и сердито залаял.

— Он говорит, что вы должны называть его только Варфоломеем,— сказала Мэри Поппинс.— Варфоломей — это его имя.

— Варфоломей! Подумать только! Что за имя! Боже, что же дальше-то будет! — простонала в отчаянии мисс Ларк.— Что, что он теперь говорит? — обратилась она к Мэри Поппинс, потому что Эндрю залаял опять.

— Он говорит, что еще вы не должны заставлять его носить пальто и ходить к парикмахеру. Это его окончательное решение.

Последовала пауза.

— Ну что ж, хорошо,— сказала наконец мисс Ларк, и голос ее обрел былую твердость,— но предупреждаю вас, Эндрю! Если вы заболаете и умрете от простуды, пеняйте на себя!

С этими словами она повернулась и стала гордо подниматься по ступенькам, продолжая тем не менее вытирать платком слезы.

Эндрю тем временем приглашающе кивнул Варфоломею, и они бок о бок медленно и торжественно пошли по садовой дорожке. Хвосты их были гордо подняты, словно победные флаги.

Скоро и мисс Ларк, и собаки вошли в дом. Хлопнула дверь...

— Да! Как видишь, не такой уж он и не-до-те-па! — сказала Джейн Майклу, когда они поднимались по лестнице в Детскую пить чай.

— Это точно, — согласился Майкл. — Но как ты думаешь, откуда Мэри Поппинс могла знать об этом заранее?

— Не знаю, — подумав, ответила Джейн. — А сама Мэри Поппинс никогда, никогда нам об этом не скажет...

У Джейн болело ухо, и поэтому она второй день лежала в постели. Голова ее была плотно обвязана теплым цветастым платком Мэри Поппинс.

— Слушай, а что ты чувствуешь? На что вообще это похоже? — пытался выяснить у нее Майкл, ходя кругами возле кровати.

— На грохот, — ответила Джейн. — Как будто что-то стреляет там, внутри головы.

— Неужели ружья?

— Нет, пушки!

— Ух ты! — восхищенно воскликнул Майкл. Ему вдруг ужасно захотелось, чтобы и у него в ухе тоже начали стрелять пушки. Ведь это так интересно!

— Хочешь, посмотрим какую-нибудь книжку? — предложил Майкл, подходя к полке.

— Нет. Наверное, я не смогу... — ответила Джейн, держась рукой за ухо.

— Ну ладно, хочешь я сяду у окна и буду тебе рассказывать все, что происходит на улице?

— Хочу.

И Майкл, взобравшись на подоконник, стал добросовестно докладывать Джейн обо всем, что видел.

Временами его рассказы были очень скучны, но иногда очень и очень интересны.

— Вот Адмирал Бум! — начал очередное сообщение Майкл. — Только что он вышел из своего дома и теперь идет вниз по улице... Так, проходит мимо... Его нос сегодня немного краснее, чем обычно. Рукой он придерживает на голове цилиндр. Вот он проходит мимо следующего дома...

— А что он говорит? «Лопни моя селезенка»? — поинтересовалась Джейн.

— Мне не слышно. Но думаю, что да... Вторая служанка мисс Ларк вышла в сад. А в нашем саду Робертсон Эй подметает листья и смотрит через ограду. Теперь он сел, чтобы немного отдохнуть.

— У него больное сердце, — сказала Джейн.

— Откуда ты знаешь?

— Он сам мне сказал. Доктор рекомендовал ему как можно меньше работать. А папа говорит, что если Робертсон Эй будет слушаться доктора, то он его уволит. О! Как оно стреляет! Как стреляет! — простонала Джейн, снова хватаясь за ухо.

— Ух ты! — воскликнул в это время Майкл, увидев на улице что-то интересное. — Вот это да!

— Что там? — спросила Джейн и попыталась сесть в постели. — Скажи мне!

— О, это просто здорово! Внизу, на улице — корова! — сказал Майкл и подпрыгнул на подоконнике.

— Корова? Что, настоящая корова в центре города? Вот забавно! Мэри Поппинс! — позвала Джейн. — Майкл говорит, что на нашей улице корова!

— Да-да! — закричал и Майкл. — Она идет по дороге, заглядывает во все ворота и озирается так, будто что-то потеряла!

— Ой, как бы мне хотелось посмотреть! — грустно проговорила Джейн.

— Вон там! — сказал Майкл, когда Мэри Поппинс подошла к окну. — Корова! Правда смешно?

Мэри Поппинс бросила быстрый внимательный взгляд на улицу и даже вздрогнула от удивления.

— Нет, — ответила она, поворачиваясь к детям. — Это совсем не смешно. Дело в том, что я знаю эту корову. Когда-то она была большой приятельницей моей матери, и по-

этому, я думаю, вы должны уважительно говорить о ней!

Она тщательно разгладила свой передник и строго взглянула на Джейн и Майкла.

— А вы сами ее давно знаете? — вежливо поинтересовался Майкл в надежде услышать о корове что-нибудь еще.

— Нас познакомили как раз перед тем, как она повстречалась с Королем, — ответила Мэри Поппинс.

— А когда это было? — спросила Джейн, и голос ее был еще более сладким и заискивающим, чем у Майкла.

Взгляд Мэри Поппинс устремился вдаль. Казалось, она видит то, чего не дано видеть никому. Затаив дыхание, Джейн и Майкл ждали.

— Это было очень-очень-очень давно, — начала Мэри Поппинс нараспев. На мгновение она остановилась, словно припоминая события тех давних лет...

— Рыжая Корова — так звали ее... Она была очень уважаемой дамой. Многие считали ее даже богатой, потому что поле, на котором она жила, было самым лучшим во всей округе. Лютики, которые росли здесь, были размером с блюдце, а высокие и стройные одуванчики походили на маленьких солдатиков. Издали их зеленые стебли вполне можно было принять за военные мундиры, а желтые цветы — за тяжелые, покрытые золотом каски.

Рыжая Корова жила на этом поле очень давно. Она даже не могла припомнить ни одного дня в своей жизни, проведенного где-либо еще. Весь ее мир был ограничен длинными, выкрашенными в зелёный цвет оградами, да голубым небом, простирающимся у нее над головой.

Рыжая Корова была очень добропорядочной дамой. Она всегда вела себя как истинная леди и всему прекрасно знала цену. Мир делился для нее на черное и белое, минуя все промежуточные цвета и оттенки. Одуванчики были либо горькими, либо сладкими — и ничего лучшего она не знала.

Утро ее начиналось с уроков, которые она давала своей дочери, Рыжей Телке. Днем она обучала ее хорошим манерам, умению вести беседу и изящному мычанию — то есть всему тому, что так необходимо знать любой благовоспитанной телке. За ужином Рыжая Корова показывала своей дочери, как отличить сладкую траву от горькой. Потом Рыжая Телка уходила спать, и только тогда Рыжая Корова могла отойти в дальний конец поля и, медленно пережевывая жвачку, предаться своим собственным мыслям, таким же медленным и неторопливым.

Дни и даже годы, прожитые Рыжей Коровой на поле, мало чем отличались друг от друга. Когда одна телка подрастала и уходила от матери, ее место занимала другая. И все повторялось вновь. Именно поэто-

му Корова считала свою жизнь вполне разумной и не мечтала ни о чем другом.

Так бы и прожила она до конца своих дней на усыпанном лютиками и одуванчиками поле, если бы однажды не случилось вот что.

Была тихая теплая ночь. С неба, будто большие, яркие одуванчики, смотрели звезды. Меж них величественно и неподвижно, точно огромная маргаритка, висела Луна. Рыжая Телка уже давно спала, а Корова, как всегда, пережевывая жвачку, лениво думала о том, что окружающий ее мир устроен на удивление разумно и удобно.

И тут что-то произошло. Рыжая Корова вдруг вскочила и ни с того ни с сего начала танцевать. Танцевала она быстро и красиво, хотя никакой музыки не было. Временами это была полька, иногда шотландская джига, а порой и вовсе какой-то непонятный танец, который Корова выдумывала сама. В промежутках между танцами она кланялась одуванчикам и делала реверансы.

— Бог мой! — сказала Рыжая Корова, начиная отплясывать зажигательный матросский танец. — Как странно! Я всегда считала, что танцевать неприлично. Но выходит, что это не так, раз я сама танцую. Ведь я — образцовая корова!

И она продолжала танцевать. И чем больше времени проходило, тем более и более странным каза-

лось ей все происходящее. В конце концов она устала и, решив, что на сегодня танцев достаточно, собралась идти спать. Но, к своему величайшему изумлению, обнаружила, что не может перестать танцевать. Ноги не слушались ее и сами по себе продолжали притоптывать и выписывать кренделя. Проходил час за часом, а Корова все кружилась и кружилась по полю, подпрыгивая, приседая и приподнимаясь на цыпочки.

— Бог мой! — бормотала она время от времени, изо всех сил пытаясь держать себя, как подобает истинной леди. — Как же все это странно!

Наступило утро, а Рыжая Корова все продолжала танцевать. Ей не удалось остановиться даже для того, чтобы позавтракать вместе с Рыжей Телкой, и той пришлось есть одуванчики в одиночку.

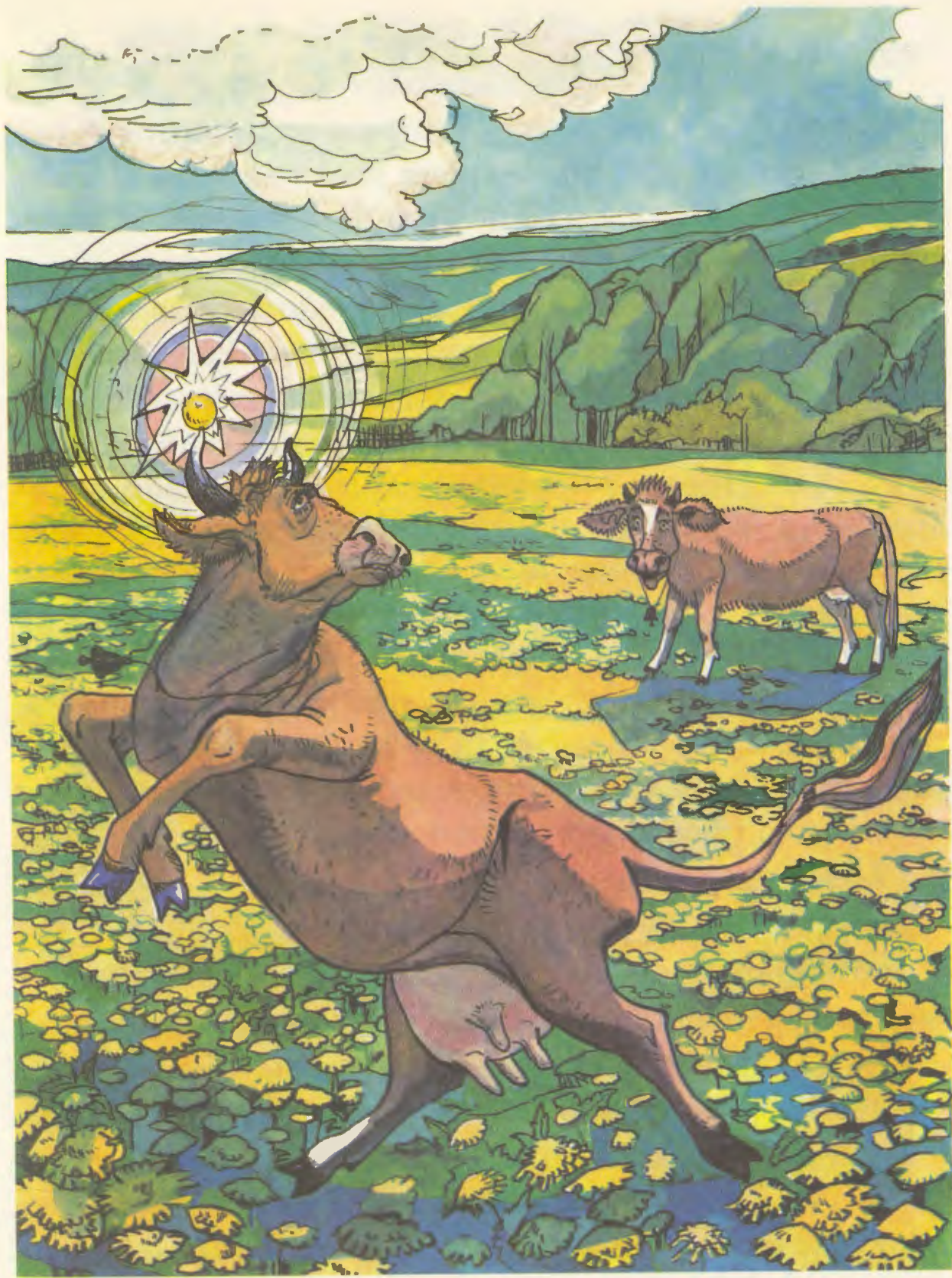
Весь день Корова носилась по полю и танцевала, танцевала, танцевала. А Рыжая Телка жалобно мычала, глядя на нее.

Скоро снова наступила ночь, а бедная Корова все никак не могла остановиться. Тут она уже ни на шутку расстроилась, а к концу недели не прекращающихся ни на минуту танцев она едва не плакала.

— Я должна пойти и обо всем рассказать Королю, — решила тогда Рыжая Корова и тряхнула головой.

Поцеловав на прощание Рыжую Телку и наказав ей вести себя, как подобает, она отправилась во дворец. По дороге ей удавалось изредка ухватить небольшие

пучки растущей по обочинам дороги травы и таким образом хоть на некоторое время утолить голод. И все, кто бы ни встречался ей по дороге, в изумлении таращились на такую невидаль — танцующую корову.

Наконец она пришла во дворец. Дернув за шнурок колокольчика, Корова подождала, пока двери откроются, и несмело переступила порог. Протанцевав по широкой аллее, ведущей через парк, она увидела ступени, на которых возвышался трон. На троне сидел Король. Он был очень занят. Он придумывал новый свод законов. Рядом стоял Королевский Секретарь и записывал законы в маленькую красную записную книжечку. Вокруг располагалось бесчисленное множество пышно разодетых придворных и фрейлин. Они без конца о чем-то говорили между собой, причем делали это все сразу, так что разобрать что-либо в этом шуме было просто невозможно.

— Ну, сколько я придумал сегодня? — спросил Король, поворачиваясь к Секретарю.

Тот тщательно пересчитал законы в красной записной книжечке.

— Семьдесят два, Ваше Величество, — сказал он, поклонившись и едва не споткнувшись об огромное гусиное перо, которое держал в руках.

— Гм! Совсем неплохо! И это всего-то за час! — воскликнул Король, очень довольный собой. — На сегодня хватит!

Он поднялся и элегантно запахнулся в свою горностаевую мантию.

— Прикажите подать карету. Я еду к цирюльнику! — произнес он величественно.

И вот тут-то он и заметил Рыжую Корову. Сев снова на трон, он взял в руки скипетр.

— Это еще что такое? А? — спросил он, когда Корова пританцевала к самому подножию ступенек.

— Корова, Ваше Величество! — ответила Корова.

— Вижу, — сказал Король. — Я еще пока не слепой. Ну, что вам надо? Да побыстрее, а то в десять я должен быть у цирюльника, он дольше ждать не будет, а мне как-никак надо постричься! И, ради Бога, прекратите прыгать все время туда-сюда! — добавил он сердито. — У меня голова кружится!

— Голова кружится! — будто эхо, подхватили придворные.

— В том-то все и дело, Ваше Величество! Я не могу остановиться! — жалобно промычала Рыжая Корова.

— Как так не можете остановиться? Что за ерунда? — возвысил голос Король. — Сейчас же остановитесь! Я приказываю вам!

— Сейчас же остановитесь! Король приказывает вам! — закричали придворные.

Корова совершила огромное усилие. Каждый ее мускул напрягся, но она так и не смогла остановиться.

— Я пыталась, Ваше Величество! Но не могу. Это продолжается уже семь дней. И все это время я провела без сна! И без еды! Пучок-два сухих колючек — вот, пожалуй, и все, что мне удалось съесть. Поэтому я и решила прийти сюда и спросить вашего совета.

— Гм! Очень странно, — сказал Король и, сдвинув корону набок, почесал затылок.

— Очень странно! — подхватили придворные и тоже почесали затылки.

— Ну и какие при этом ощущения? — спросил Король.

— Странные, — ответила Рыжая Корова, — но это... — она остановилась, подбирая подходящие слова, — это приятные ощущения! Будто все внутри меня смеется, бежит и прыгает.

— Да, очень странно, — проговорил Король и озадаченно замолчал.

Вдруг он вскочил на ноги:

— Ну и ну!

— Что такое? — ахнули придворные.

— Как? Вы что, не видите? — удивился Король и отшвырнул в сторону свой скипетр. — Какой же я идиот, что не заметил этого раньше! А о том, какие вы идиоты, по-моему, даже и говорить не стоит! — он сердито покосился на придворных. — Неужели вы не видите, что у нее на роге висит упавшая звезда?

— И верно! — вскричали придворные так, будто только в этот момент увидели звезду.

— В том-то вся и беда! — сказал Король. — Ну-ка, придворные, снимите звезду, чтобы эта... э-э-э... леди смогла наконец остановиться и немного перекусить. Э-э-э... мадам, именно эта звезда и заставляет вас танцевать, — добавил он, обращаясь к Рыжей Корове.

— Ну, пошевеливайтесь! — крикнул он придворным и кивнул главному из них. Тот подошел к Корове и, изящно ей представившись, принялся изо всех сил тянуть звезду. Но звезда не поддавалась. Тогда за главного придворного взялся еще один придворный, за него — следующий, и так до тех пор, пока не образовалась длинная-предлинная цепь. И тут между придворными и звездой началась настоящая война.

— О, моя голова! — мычала Корова.

— Тяните сильнее! — ревел Король.

И придворные старались вовсю. Они тянули и тянули, тянули и тянули — до тех пор, пока совершенно не выбились из сил и не попадали в изнеможении на пол. А звезда даже не сдвинулась с места! Она словно приросла к рогу.

— Так-так! — пробормотал Король. — Ну-ка, Секретарь, возьми Энциклопедию и посмотри, что там говорится о Коровах и о звездах. Секретарь встал на колени и пошарил под троном. Затем он выпрямился и сдул пыль с большой зеленой книги, которая постоянно лежала там на тот случай, если Король вдруг пожелает заглянуть в нее. Тщательно перелистав все страницы, Секретарь сказал:

— Здесь ничего нет, Ваше Величество. Есть только песенка о Корове*, которая прыгала через Луну. Но вы ее знаете...

Король поскреб подбородок, разочарованно вздохнул и посмотрел на Рыжую Корову.

— Все, что я могу посоветовать вам, — сказал он, — так это попытаться сделать то же самое.

— Попытаться сделать что? — не поняла Корова.

— Попытаться перепрыгнуть Луну. Это может произвести какой-то эффект. В любом случае — надо попробовать.

— Я!? — воскликнула Рыжая Корова, возмущенно озираясь вокруг.

— Ну а кто же еще? — нетерпеливо отозвался Король (он очень торопился к цирюльнику).

— Сэр! — с достоинством произнесла Рыжая Корова. — Я хотела бы напомнить вам, что я приличное, воспитанное животное, и меня с детства учили, что прыгать леди неприлично!

Король встал и потряс скипетром.

— Мадам! Вы пришли за советом, и я вам дал его!

* Знаменитая песенка из книги «Рифмы Матушки Гусыни» — английского сборника детских песенок, стихов и загадок:

Тили-бом, тили-бом!
Пляшут кошка со щенком,
А Корова разбежалась — перепрыгнула Луну!

Убежали миска, ложка,
Смотрит мышка из окошка
И хохочет: «Ну и ну!»

Пер. И.Родина

Вы хотите по-прежнему танцевать? Ходить голодной и не спать?

Рыжая Корова вспомнила о сладком вкусе одуванчиков, растущих на лугу, о зеленой травке, на которой было так мягко лежать... Потом она подумала о своих бедных, уставших ногах... «Ну, может, один раз — это и ничего, — пробормотала она. — Да к тому же кроме Короля никто об этом не узнает...»

— А как вы думаете, сколько до Луны? — громко спросила она, не переставая танцевать.

Король поднял голову.

— Думаю, не меньше мили, — сказал он.

Рыжая Корова кивнула. Ее расчеты были примерно такими же. Несколько минут она еще колебалась, но в конце концов решилась.

— Никогда не думала, Ваше Величество, что дойду до такого. Прыгать, да еще через Луну!.. Но... Но я попробую... — и она сделала перед троном грациозный реверанс.

— Прекрасно! — обрадованно воскликнул Король, думая, что еще успеет к цирюльнику. — Следуйте за мной!

И Король, и Рыжая Корова, и все придворные направились в сад.

— Ну-с, — сказал Король, когда они вышли на широкую лужайку. — Как только я свистну — прыгайте!

С этими словами он вынул из жилетного кармана большой золотой свисток.

Рыжая Корова приготовилась.

— Итак, — скомандовал Король. — Раз! Два! Три! — и подул в свисток.

Рыжая Корова глубоко вдохнула и прыгнула. Поистине это был колоссальный прыжок! Земля сразу ушла куда-то вниз. Некоторое время Корова еще могла видеть фигуры Короля и придворных, но они делались все меньше и меньше, а скоро и вовсе пропали.

А Корова летела по небу. Мимо, точно большие золотые тарелки, проносились звезды. Впереди ярко сияла Луна. Пролетая над ней, Корова в страхе зажмурилась. Когда же ослепительное сияние осталось позади, она вновь открыла глаза и наклонила голову, чтобы посмотреть, далеко ли земля. И в тот же самый момент Корова почувствовала, как звезда соскользнула с ее рога. Со страшным грохотом блистающий шар прокатился по небу и исчез во тьме. И Корове показалось, что звучные музыкальные аккорды заполнили собою все небо...

Через минуту Рыжая Корова была уже на земле. Оглянувшись, она, к своему великому изумлению, обнаружила, что находится не в Королевском саду, а посреди собственного поля. И самое главное — она перестала танцевать! Она ступала твердо и уверенно, как и все другие респектабельные Коровы. Обрывая по пути одуванчики, она, не торопясь, направилась к Рыжей Телке, чтобы поздороваться с ней.

— Я очень рада, что ты вернулась! — сказала Рыжая Телка, увидев ее. — Мне было одиноко!

Корова поцеловала ее и принялась за еду. Ведь это был первый нормальный обед за последнюю неделю!

Скоро жизнь Рыжей Коровы вошла в прежнюю колею.

Поначалу ей очень нравились ее прежние занятия и привычки. Она была рада тому, что можно безо всяких хлопот завтракать, обедать и ужинать, что можно просто лежать в траве и мирно спать до самого утра, вместо того, чтобы не зная ни сна, ни отдыха, танцевать дни и ночи напролет, или — что еще лучше! — лететь, замирая от страха, к Луне!

Однако спустя некоторое время она почувствовала себя как-то не так. И одуванчиковое поле, и Рыжая Телка — все это было очень хорошо, но Корове хотелось чего-то еще. Но вот чего именно, она никак не могла понять.

Со временем ей стало ясно, что она скучает по своей звезде. Ведь она так привыкла к танцам и веселью! Корове хотелось, чтобы звезда снова очутилась у нее на роге! Ей снова хотелось плясать польку и зажигательную матросскую джигу!

Постепенно она сделалась раздражительной. У нее пропал аппетит. Характер ее стал просто ужасным. Теперь ей ничего не стоило без видимой на то причины заплакать.

Вот тогда-то она и пришла к моей матери за советом.

— Что ж, все очень просто, дорогая! — сказала моя мать, выслушав ее. — Не думаете же вы, что с неба может упасть только одна звезда! Каждую ночь, уверяю вас, на Землю падают миллионы! Вся трудность состоит в том, что падают они в разных местах.

— Вы думаете, я должна отправиться в путешествие? — спросила Рыжая Корова, и ее взгляд стал мягким и счастливым.

— Если бы речь шла обо мне, — ответила моя мать, — я бы и минуты не раздумывала, а отправилась бы на поиски еще одной звезды!

— И я пойду! — радостно воскликнула Рыжая Корова. — Я в самом деле пойду!

Мэри Поппинс остановилась.

— Так вот почему она бродила по нашей улице?! — тихо спросила Джейн.

— Да, — прошептал Майкл, — она искала тут свою звезду.

Мэри Поппинс вздрогнула и очнулась. Весь ее облик, казалось, излучал спокойствие и доброту.

— Сейчас же сойдите с окна, сэр! — сердито сказала она. — Я тушу свет! — и она вышла на лестницу, где находились электрические выключатели.

— Майкл! — осторожно позвала Джейн. — Взгляни еще разок: — здесь Корова или нет?

Майкл подскочил к окну и всмотрелся в сгустившиеся сумерки.

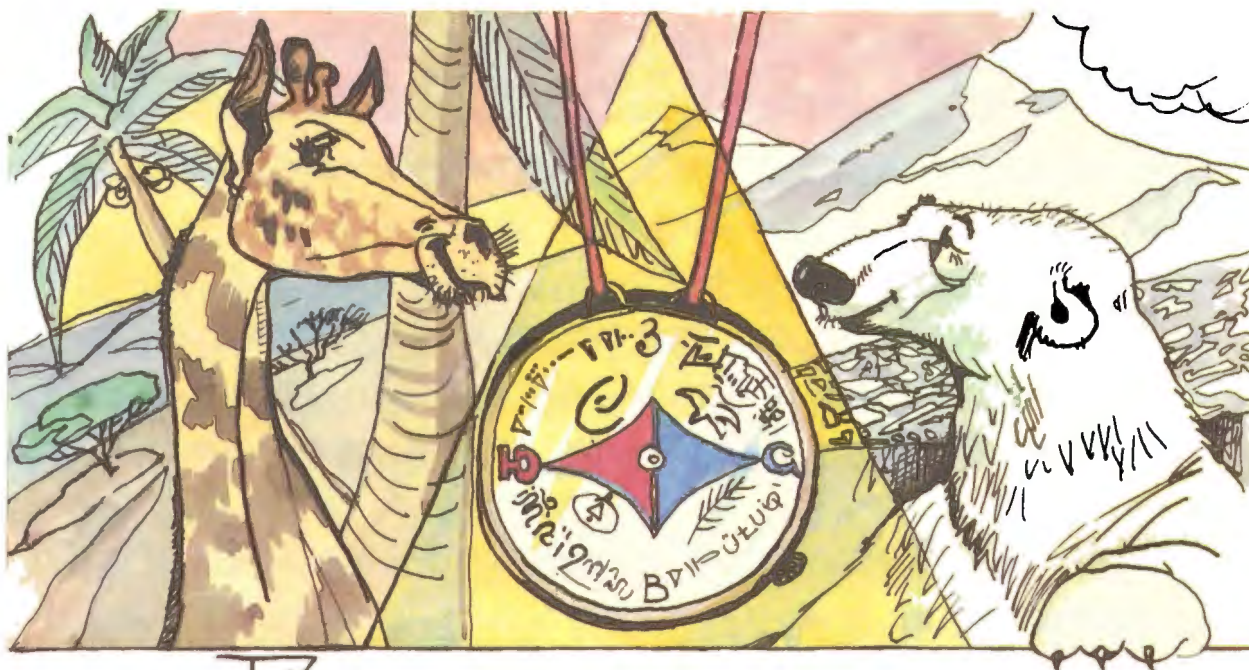
— Быстрее! — поторопила его Джейн. — Мэри Поппинс через минуту будет здесь! Ты видишь Коро-
ву?

— Не-а, — отозвался Майкл. — Ничего не видно.
Наверное, она ушла.

— Надеюсь, она найдет ее, — прошептала Джейн,
думая о Рыжей Корове, скитающейся в поисках упав-
шей звезды.

— И я тоже, — сказал Майкл, но, услышав на лестни-
це шаги Мэри Поппинс, поспешно нырнул в постель...

ГЛАВА ШЕСТАЯ ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ВТОРНИК

Однажды утром Майкл проснулся и почувствовал в себе странную перемену. Открывая глаза, он знал, что с ним что-то не так, но вот, что именно, никак не мог понять.

— Какой сегодня день, Мэри Поппинс? — спросил он, медленно стаскивая с себя пижаму.

— Вторник, — ответила она. — Ну, поворачивайся быстрее! Марш умываться! Живо!

Но Майкл и не думал никуда идти. Он лег набок, положил пижаму себе на голову, и странное ощущение внутри стало постепенно расти.

— Ну, что я сказала? — произнесла Мэри Поп-

пинс холодно и отчетливо, что уже само по себе было предупреждением.

Вот тут-то Майкл и понял, что именно с ним произошло. Ему было просто очень нужно, просто очень-очень необходимо пошалить.

— Не хочу, — сказал он, и его голос потонул в одеяле.

Мэри Поппинс тотчас скинула с головы Майкла пижаму и посмотрела на него в упор.

— Я не хочу!

Он ждал. Воображение уже рисовало ему картины одну страшнее другой, но каково же было его удивление, когда Мэри Поппинс, не говоря больше ни слова, сама пошла в ванную и включила для него воду.

Взяв полотенце, он поплелся в ванную. И столкнулся в дверях с Мэри Поппинс, которая как раз оттуда выходила. Первый раз в жизни Майклу пришлось умываться совершенно самостоятельно. По этому поводу он был не в духе и за ушами мыть не стал.

— Воду выключать? — спросил он, стараясь, чтобы получилось как можно грубее.

Ответа не последовало.

— Ну... ну а меня не волнует! — сказал Майкл, и теплая тяжесть внутри стала нарастать и увеличиваться. — Не волнует!

Одевался он также самостоятельно. Нацепив выходные рубашку и брюки, которые предназначались

лишь для Воскресений, Майкл вышел из комнаты. Спускаясь по лестнице, он стучал ногой о столбики, поддерживающие перила, при этом, надо сказать, хорошо зная, что подобных вещей делать нельзя, потому что грохот будит всех в доме. На ступеньках он встретился с Элен, горничной, и, проходя мимо, выбил у нее из рук кувшин с горячей водой.

— Какой же ты неуклюжий! — покачала головой Элен и нагнулась, чтобы вытереть пол. — Эта вода — твоему папе для бритья!

— А меня это не волнует! — спокойно отозвался Майкл.

Красное лицо Элен от удивления побелело.

— Как не волнует? Тебя не волнует?.. Но тогда ты просто очень избалованный и скверный мальчишка! Я все расскажу твоей маме! Я...

— Рассказывай! — буркнул Майкл и пошел дальше.

Так все и началось. За весь день не произошло вообще ничего хорошего. Тяжелое, жгучее чувство внутри Майкла заставляло его делать ужасные вещи. А совершив их, он испытывал какое-то непонятное, странное удовольствие и тут же принимался думать, что бы еще натворить.

На кухне миссис Брилл (она была кухаркой) пекла к чаю булочки.

— Мистер Майкл, — сказала она, увидев его в дверях. — Вы пришли слишком рано. Таз почти полный. Приходите попозже, и я дам тогда вам его выскрести.

В ответ на это Майкл размахнулся и изо всех сил двинул миссис Брилл ногой по голени. Она громко вскрикнула и даже выронила скалку...

— Как?! Ты посмел ударить миссис Брилл?! Нашу добрую миссис Брилл?! Мне стыдно за тебя! — говорила миссис Бэнкс несколько минут спустя, когда ей обо всем рассказали. — Ты должен сейчас же извиниться! Немедленно! Ну, Майкл, скажи, что ты просишь прощения!

— Я ни капельки не чувствую себя виноватым! — ответил Майкл. — Наоборот, мне очень весело! У нее такие толстые ноги!

И прежде чем все успели опмниться, он сбежал по ступенькам и скрылся в саду. Там он специально разворошил стог, с вершины которого раздавался храп Робертсона Эя.

— Все, все расскажу твоему папе! — проснувшись, сердито пригрозил тот.

— А я пожалуюсь, что ты не вычистил этим утром ботинки! — огрызнулся в ответ Майкл и даже сам себе удивился. Обычно они с Джейн всегда заступались за Робертсона Эя, потому что очень любили и не хотели, чтобы его уволили.

Но удивление Майкла длилось недолго...

За изгородью возле дома мисс Ларк прогуливался Эндрю. Он изящно нюхал газон, выбирая травку лучше. Увидев это, Майкл достал из кармана печенье и подозвал Эндрю. И пока ничего не подозревающий

пес грыз неожиданное угощение, Майкл куском веревки привязал его за хвост к изгороди. После этого он бросился бежать, а в его ушах звенел оглушительный, полный ярости крик мисс Ларк. То, что было внутри Майкла, сделалось еще тяжелее, и он от удовольствия даже засмеялся...

Элен только что закончила протирать книги, и дверь в кабинет отца была открыта. И тут Майкл сделал и вовсе запрещенную вещь — он вошел внутрь. Мало того! Он сел за стол и, взяв ручку, принялся писать на промокашке. Внезапно локоть соскользнул со стола, и Майкл, ударившись о чернильницу, опрокинул ее. И стул, и стол, и перо, и лучшая рубашка и брюки Майкла моментально покрылись огромными, расплывающимися кляксами. На это было просто жутко смотреть, и страх за то, что же теперь ему будет, зашевелился в душе Майкла. Но, несмотря ни на что, его, в принципе, это не волновало. Он ни капельки не чувствовал себя виноватым.

— Нет, этот ребенок определенно болен! — сказала миссис Бэнкс, когда узнала от Элен о последних подвигах Майкла. — Майкл! Ты должен принять лекарство!

— Вот еще! Я здоровее вас всех! — грубо ответил Майкл.

— Значит, ты просто хулиган! — сказала тогда миссис Бэнкс. — И должен быть наказан!

Всего каких-нибудь пять минут спустя Майкл стоял в Детской, уткнувшись носом в угол.

Джейн попыталась заговорить с ним, когда Мэри Поппинс отвернулась, но Майкл не удостоил ее ответом, а лишь показал ей язык.

А когда Джон и Барбара подползли к нему по ковру и стали хвататься ручонками за его ботинок, он грубо отдернул ногу. И все это время ему нравилось так вести себя, и ровным счетом ничего его не волновало.

— Терпеть не могу быть хорошим! — бормотал он, уныло бредя по Парку вслед за Джейн, Мэри Поппинс и коляской с Близнецами.

— Не отставай, — обернувшись, сказала Мэри Поппинс.

Но Майкл решил все делать наоборот. Он все больше и больше отставал, а потом начал еще и шаркать носками ботинок по асфальту, явно желая их испортить.

Внезапно Мэри Поппинс остановилась и, повернувшись, взглянула на Майкла в упор.

— По-моему ты просто не с той ноги сегодня встал!

— Вот еще! — грубо ответил Майкл. — У меня нет «не той» ноги. У меня все ноги «те»!

— У каждого человека, — назидательно принялась объяснять Мэри Поппинс, — как минимум две ноги. Так что одна вполне может оказаться «не той».

— А у меня кровать у стены стоит. Так что я вообще только с одной ноги и могу встать!

— Это не имеет абсолютно никакого значения, — усмехнулась Мэри Поппинс.

— Ну и какая же нога «не та»? Правая или левая? Я, например, встал сегодня с правой. А правая нога на то и правая, чтобы всегда быть правой, то есть правильной. Иначе зачем же ей так называться?

— Сегодня у тебя обе ноги «неправильные», мистер Всезнайка!

— Ха! Но если правая нога — это правильная нога, — продолжал спорить Майкл, — то значит я встал «с той» ноги и...

— Еще одно слово, — оборвала его Мэри Поппинс, и ее голос прозвучал так угрожающе, что Майклу стало не по себе. — Еще хоть одно слово, и я...

Она не стала распространяться о том, что же именно она сделает, потому что Майкл сразу прибавил шаг.

— Что с тобой, Майкл? — спросила его шепотом Джейн.

— Отвяжись! — зло ответил он, но так тихо, что Мэри Поппинс ничего не услышала...

— Будьте добры, сэр, — отчеканила Мэри Поппинс через некоторое время, — подойдите сюда! Больше терпеть ваши постоянные отставания я не намерена! Буду очень вам признательна, если Ваше Превосходительство соизволит пойти впереди нас!

И она поставила его прямо перед собой.

— И еще, — продолжила она, — вон там, сбоку, на газоне, лежит что-то блестящее. Попрошу вас пойти и принести это мне. Возможно, какая-то дама потеряла свое украшение.

Не решаясь послушаться, Майкл посмотрел на газон. Там действительно что-то поблескивало. Яркие лучики, казалось, манили Майкла к себе, и он послушно пошел вперед, всем своим видом показывая, что это его совершенно не интересует.

Наконец он пересек газон и, остановившись, поднял сверкающую вещь. Это была круглая коробочка со стеклянной крышкой, на которой сверху была нарисована красная стрелка. Внутри помещался испещренный какими-то непонятными знаками диск, который сразу же начинал вращаться, если коробочку передвигали.

Джейн не выдержала и, подбежав, заглянула через его плечо.

— Ой, Майкл, что это?

— Не скажу, — ответил он, хотя и сам не знал, что у него в руках.

— Мэри Поппинс, что это такое? — повторила свой вопрос Джейн, когда коляска подъехала ближе.

Мэри Поппинс взяла коробочку у Майкла из рук.

— Это мое! — грубо возразил он.

— Нет, мое, — ответила Мэри Поппинс невозмутимо. — Я первая увидела.

— А я первый поднял! — вскричал Майкл и хотел уже было вырвать коробочку из рук Мэри Поппинс, но она так посмотрела на него, что рука Майкла застыла на полдороге.

Мэри Поппинс немного покрутила коробочку туда-

сюда, и диск вместе с нарисованными на нем странными знаками начал быстро вращаться.

— Для чего это? — спросила Джейн.

— Для того, чтобы путешествовать вокруг света, — ответила Мэри Поппинс.

— Вот еще! — сказал Майкл. — Вокруг света путешествуют на кораблях или на самолетах! Я точно знаю. А в эту штуковину и один-то человек не поместится!

— Неужели? — произнесла Мэри Поппинс, и в ее тоне явственно слышалось: «Ну-уж-я-то-лучше-тебя-знаю!» — Тогда смотри.

И, положив компас на ладонь, она повернулась к входу в Парк.

— Север! — сказала она.

Буквы стремительно закружились вокруг стрелки, и воздух внезапно сделался очень очень холодным, а откуда-то налетевший порыв ледяного ветра заставил Джейн и Майкла зажмуриться. Когда они наконец открыли глаза, то увидели, что Парк куда-то исчез. Не было видно ни деревьев, ни выкрашенных в зеленый цвет скамеек, ни асфальтовых дорожек. Вместо этого вокруг громоздились чудовищных размеров ледяные глыбы, а на земле лежал толстый слой снега.

— Ой-ой-ой! — закричала Джейн, дрожа от холода, и бросилась к коляске с Близнецами, чтобы лучше их укутать. — Как все произошло?

Мэри Поппинс многозначительно посмотрела на

Майкла. Но объяснить она ничего не успела, потому что из круглого хода, сделанного прямо в одной из глыб, вдруг вылез Эскимос. Лицо его было круглым и загорелым. Белая меховая шапка и такая же шуба защищали его от холода.

— Добро пожаловать на Северный Полюс, Мэри Поппинс и ее маленькие друзья! — торжественно произнес Эскимос, гостеприимно улыбаясь. Затем он шагнул вперед и в знак глубочайшего уважения к гостям потерся своим носом о нос каждого из них. В этот самый момент из отверстия в ледяной глыбе вылезла жена Эскимоса, держа на руках маленького Эскимосика, завернутого в большую пеленку из тюленьей шкуры.

— О, Мэри! Какая радость! — обрадовалась Эскимоска и тоже потерлась своим носом об их носы. — Вам не холодно? — спросила она и с удивлением посмотрела на их тоненькие платица. — Я могла бы предложить вам одежду потеплее. У нас как раз имеются две лишние медвежьи шкуры. А может быть вы хотите попробовать супа из китового жира?

— Нет-нет, — быстро ответила Мэри Поппинс, — боюсь, мы не сможем остаться. Дело в том, что мы путешествуем вокруг света и заглянули сюда лишь на минутку. Большое спасибо за приглашение, но как-нибудь в другой раз.

И, сделав едва заметное движение рукой, она повернула компас и объявила:

— Юг!

И тут же ребята почувствовали, что весь окружающий мир завертелся вокруг них.

Время шло, солнце начинало припекать все сильнее и сильнее. А когда вращение наконец прекратилось, то путешественники обнаружили, что очутились посреди пальмовой рощи. Ласково светило Солнце, а под ногами весело искрился золотой песок. Под пальмой сидели мужчина и женщина. Они были такими черными, блестящими и пухленькими, что походили на две свежесорванные сливы. Впечатление усиливалось еще и тем, что на них почти совсем не было одежды. Им ее заменяли повязки из ярких перьев и пояса из цветных бус. Надо сказать, что украшений на обитателях этих мест было преогромное множество. Одни из них носили странные, ни с чем не сравнимые прически, другие вдевали в уши чудовищных размеров серьги, а у двоих, как ребята заметили, были продеты в нос кольца.

У черной женщины на коленях сидел голенький сливово-черный ребенок; он радостно улыбался Майклу и Джейн.

— О, Мэри Поппинс! Мы так ждали, когда вы прилетите! Ой, а какие с вами бледненькие ребятишки! Где вы их нашли? Неужели на Луне? — и мама малыша весело рассмеялась. Затем она поднялась и повела их в небольшую хижину, сооруженную из пальмовых листьев.

— Входите! Входите смелее! Пообедайте с нами! Мы рады вам, как солнечному свету, который согревает эту землю!

Джейн и Майкл хотели было переступить порог жижины, но Мэри Поппинс удержала их.

— К сожалению, у нас совсем нет времени. Мы путешествуем вокруг света и здесь проездом, — объяснила она.

Черные люди в изумлении всплеснули руками.

— Да, это большое расстояние! — сказал мужчина и озабоченно почесал подбородок концом большой дубины, которую держал в руках.

— Надо же! — воскликнула его жена. — Вокруг света! Ведь это же почти весь путь отсюда дотуда! Да вы всю обувь снесите! — и она вновь засмеялась, словно возможность путешествовать вокруг света, была ни чем иным, как одной большой и веселой шуткой. Она все еще смеялась, когда Мэри Поппинс, повернув компас, громко и четко сказала:

— Восток!

Мир снова завертелся вокруг них. Пальмы куда-то пропали, и ребята очутились (им показалось, что прошло всего несколько секунд) посреди какой-то странной улицы. Дома здесь были очень маленькими и выглядели так, словно были сделаны из бумаги. Острые, изогнутые крыши были сплошь увешаны колокольчиками, которые тихо и мелодично звенели на ветру. Вокруг домов росли усыпанные цветами миндальные и сливовые деревья, а вдоль по улице чинно прогуливались пышно разодетые люди. Более мирную картину было даже трудно себе представить.

— Скорее всего, мы в Китае! — шепнула Джейн Майклу. — Да, точно в Китае! — добавила она более уверенно, увидев, что дверь одного из «бумажных» домиков открылась и из нее вышел какой-то старик. Он был одет в золотое парчовое кимоно, в шелковые шаровары, стянутые на лодыжках золотыми обручами, и в туфли с сильно загнутыми вверх мысками. Его волосы были заплетены в косу, которая была такой длинной, что доставала почти до колен. Лицо старика украшали усы. И хотя они свешивались только до пояса, впечатление производили огромное.

Увидев Мэри Поппинс и ребят, старый джентльмен поклонился им так низко, что голова его слегка коснулась земли.

Каково же было удивление детей, когда они увидели, что и Мэри Поппинс кланяется ему подобным же образом (с той лишь разницей, что земли она коснулась не головой, а маргаритками, украшавшими ее шляпу).

— Вы что, забыли о хороших манерах? — прошипела она, сердито глядя на Джейн и Майкла. Голос ее был таким свирепым, что ребята тут же исполнили этот странный ритуал. Даже Близнецы и те перегнулись через край коляски.

Старик между тем, продолжая церемонию приветствия, начал говорить:

— Несравненная Мэри из наиуважаемой семьи Поппинсов соблаговолила излить свет своей добродетельной благосклонности на мое недостойное чело.

Нижайше прошу Вас проследовать к моему очагу и ввести в мой дом этих в высшей степени уважаемых и наидостойнейших путешественников!

Сделав рукой широкий жест в направлении своего дома, он вновь поклонился.

Джейн и Майкл никогда в жизни еще не слышали такой изысканной и пышной речи. А когда Мэри Поппинс заговорила тем же цветистым слогом, удивлению их не было предела.

— О, сиятельный сэр! — сказала она. — С глубочайшей благодарностью за оказанную честь мы, недостойнейшие из всех Ваших знакомых, вынуждены отказать от этого бесценного и поистине королевского приглашения. Как ягненок не хочет покидать овцу, как птица не желает оставлять родного гнезда, так и мы не можем смириться с мыслью, что нам придется лишиться вашего сиятельного присутствия. Но, к сожалению, о благороднейший и трижды великолепный сэр, мы путешествуем вокруг света, а потому находимся в Вашем бесконечно уважаемом городе лишь проездом. Извините нас великодушно за то, что мы вынуждены удалиться без подобающего завершения всей церемонии...

Мандарин (а старик был именно мандарином) собрался уже было отвесить еще один поклон, но Мэри Поппинс, повернув компас в нужном направлении, быстро сказала:

— Запад!

Мир снова помчался, будто карусель, так что у Джейн с Майклом закружилась голова. Когда же они пришли в себя, то обнаружили, что пробираются вместе с Мэри Поппинс через очень густой сосновый лес. За деревьями виднелась поляна, в центре которой горел огромный костер, а по краям возвышались разноцветные шатры. В свете огня то и дело мелькали темные фигуры в одеждах из оленьей кожи, отделанных бахромой, и в пышных коронах из перьев.

Вдруг одна из самых больших фигур отделилась от остальных и стала быстро приближаться к Мэри Поппинс и ребятам, притихшим в ожидании.

— Приветствую тебя, о, Мэри — Утренняя Звезда! — поздоровался человек, подойдя совсем близко, и, наклонившись, коснулся своим лбом лба Мэри Поппинс. Потом он повернулся к детям и проделал по очереди то же самое с Джейн, Майклом и даже с Близнецами.

— Мой вигвам ждет вас! — объявил он торжественно. — Мы жарим на ужин мясо северного оленя...

— Великий вождь Полуденное Солнце! — быстро сказала Мэри Поппинс, — Мы заглянули сюда на минутку. Только что мы облетели вокруг света, и эта наша последняя остановка в пути.

— Действительно? — переспросил вождь, явно заинтересовавшись. — Честно говоря, я давно подумывал сделать это сам. Но, наверное, вы можете остаться хоть ненадолго. Ровно настолько, сколько понадобится вот этому молодому человеку (тут он кив-

нул в сторону Майкла), чтобы помериться силой с моим пра-пра-пра-правнуком. Эй! Хей! Хо! Быстрый-Как-Ветер! — крикнул вождь и хлопнул в ладоши.

И тут же со стороны вигвамов к ним прибежал маленький индейский мальчик. Приблизившись к Майклу, он слегка коснулся его плеча, и, крикнув «А теперь ты осаль меня!», помчался вперед, будто молодой олень. Это было уже слишком! Майкл подпрыгнул и припустился вслед за ним. Сзади поспевала Джейн. Петляя между деревьями, все трое вновь и вновь обегали вокруг одной огромной сосны. Быстрый-Как-Ветер, смеясь, вел их за собой, и догнать его, казалось, не было абсолютно никакой возможности. Джейн, запыхавшись, сошла с дистанции, но Майкл, стиснув зубы, продолжал преследование. Ух, как он был зол!

— Что ты делаешь? — поинтересовалась Мэри Поппинс.

Ее голос привел его в чувство.

Майкл остановился и посмотрел на нее. Но азарт погони был сильнее. С воплем Майкл ринулся вперед, но вдруг заметил, что ни Быстрого-Как-Ветер, ни вождя Полуденное Солнце, ни шатров, ни костра нигде нет. Пропали даже сосны. Остались лишь Мэри Поппинс, Джейн, Близнецы, да садовая скамейка в центре Парка.

— Бегай, бегай вокруг скамейки, если ты не в своем уме! — сердито сказала Мэри Поппинс. — Хотя по-моему ты и без этого натворил за сегодняшний день достаточно!

Майкл надулся и замолчал.

— Надо же, какая замечательная вещь! — восхищалась между тем Джейн. — Облететь вокруг света — и всего-то за одну минуту!

— Отдайте мне мой компас! — грубо потребовал Майкл.

— Кажется, теперь ясно, чей это компас, — ответила Мэри Поппинс и преспокойно убрала круглую коробочку в карман.

Майкл смотрел на нее так, будто собирался по меньшей мере ее убить. То, что творилось в его душе, было трудно себе вообразить. Однако, взяв себя в руки, он пожал плечами, показывая тем самым, что все это ему глубоко безразлично, и пошел вперед.

— Ну ничего! — успокаивал он сам себя, поднимаясь по ступенькам дома № 17. — Они еще пожалеют! А этого индейского мальчишку я когда-нибудь обязательно догоню!

Непонятная тяжесть, не дающая ему покоя с самого утра, после происшествия с компасом, казалось, стала еще больше.

А с наступлением вечера Майкл сделался и вовсе невыносимым. Он ущипнул Близнецов, пока Мэри Поппинс не видела, а когда они заплакали, притворным добреньким голосом сказал: «Ой-ой-ой! Что случилось, мои хорошие?»

Однако Мэри Поппинс не поддалась на эту уловку.

— Ты определенно что-то сегодня подхватил! Ни-

как оно тебе покоя не дает! — произнесла она многозначительно.

И действительно, то, что было внутри Майкла, не только никуда не уходило, но нап^ротив — делалось все тяжелее и тяжелее. Но ему было все равно. Его ровным счетом ничего не волновало! Поэтому он лишь пожал в ответ плечами и, отойдя в сторону, тут же дернул Джейн за волосы...

Терпение Мэри Поппинс иссякло, когда за ужином он разлил молоко.

— Ну все! — сказала она. — Довольно! Такого безобразия я еще в жизни не видела! С самого своего рождения! Сейчас же выйди из-за стола и отправляйся в постель! И чтобы ни слова больше не было слышно!

Никогда еще Майкл не видел ее такой рассерженной. Хотя его по-прежнему ничегошеньки не волновало. Он пошел в спальню и принялся раздеваться. Ну хорошо, даже если он и плохо себя ведет, что из того? Подумаешь! Но если они не заглянут к нему хоть на минутку, то он станет вести себя еще хуже!

— Вообще тогда убегу из дома! — решил про себя Майкл. — И поступлю в цирк! Пусть тогда жалеют!

Ух, как он их всех ненавидел!

Бац! От рубашки оторвалась пуговица. Прекрасно! Вот утром-то будет суматоха! А вот и другая! Еще лучше! Никто на свете не заставит его почувствовать себя виноватым! Он назло им ляжет в постель и будет

спать, а перед сном не станет ни умываться, ни чистить зубы, ни даже читать молитву!

Майкл действительно хотел было лечь в постель и даже засунул одну ногу под одеяло, как вдруг заметил лежащий на комодѣ компас. Медленно вытащив ногу обратно, он на цыпочках подкрался поближе. Теперь он знал, что будет делать. Он возьмет компас, повернет его в нужном направлении и отправится путешествовать вокруг света. Больше они никогда его не увидят! Пусть это будет им уроком!

Стараясь не шуметь, он пододвинул к комоду стул. Затем взобрался на него и взял в руки круглую коробочку. Опасаясь, как бы кто не пришел, Майкл побыстрее повернул компас и скороговоркой выпалил:

— Север, Юг, Восток, Запад!

Однако шум, донесшийся из-за спины, насторожил его. Оборачиваясь, он ожидал, конечно же, увидеть Мэри Поппинс и уже начал придумывать, что бы такое ей соврать. Но вместо этого перед ним возникли четыре гигантские фигуры: Эскимос с копьем наперевес, Негритянка, держащая в руках здоровенную дубину, Мандарин, потрясающий огромным кривым мечом, и индеец, занесший над головой тяжелый томагавк. Они бросились на Майкла с четырех сторон. Вид у них был совсем не дружелюбный. Напротив, весь их облик источал дикую злобу и ненависть. Их ужасные, свирепые лица стремительно приближались. Майкл уже ощущал их

горячее дыхание, он уже видел прямо перед собой сверкающее острие меча...

С воплем он бросил компас на пол.

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! На помощь! Спасите меня! Спасите!

В страхе он зажмурил глаза и тут же почувствовал, как что-то накрыло его и обернуло со всех сторон. Что, что это такое? меховая шуба Эскимоса или плащ Мандарина? А может быть, перья чернокожей леди? Кто из них схватил его? О, зачем он так плохо вел себя! Ах, если можно было бы все изменить!

— Мэри Поппинс! — снова завопил Майкл, чувствуя, что его поднимают, а потом кладут, на что-то мягкое.

— Дорогая Мэри Поппинс, помогите! Пом...

— Хорошо-хорошо! Я не глухая! — услышал он вдруг ее твердый спокойный голос. — И вовсе не зачем так орать!

Открыв один глаз, Майкл увидел, что все четыре огромные фигуры исчезли. Чтобы убедиться в этом окончательно, он открыл второй глаз.

В комнате никого не было.

Оглядевшись, Майкл обнаружил, что накрыт всего-навсего шерстяным одеялом и лежит в собственной кровати. Но самое главное состояло в том, что жгучее, тяжелое чувство, весь этот день не оставлявшее его ни на минуту, внезапно куда-то пропало. От этого Майкл почувствовал себя таким сча-

стливым и радостным, как если бы собрался подарить лучшему другу на день рождения очень большой и ценный подарок.

— Что это было? — спросил он у Мэри Поппинс с тревогой.

— Гм! Я же говорила тебе, что это мой компас, разве не так? — ответила она. — И будь добр впредь больше не трогать моих вещей!

С этими словами она подняла компас и положила в карман. Потом стала собирать одежду, которую Майкл разбросал по всей спальне.

— Можно я сам это сделаю? — спросил он.

— Нет уж, спасибо! — проворчала Мэри Поппинс и, развесив одежду на стуле, ушла в соседнюю комнату. Скоро она, однако, вернулась и дала Майклу что-то теплое. Это была кружка молока.

Майкл принялся прихлебывать его мелкими глотками, стараясь, чтобы молоко не кончалось подольше. Ему так хотелось, чтобы Мэри Поппинс побыла с ним!

И Мэри Поппинс молча стояла рядом. Майкл чувствовал запах ее крахмального передника, ощущал легкий привкус гренок, которые она только что жарила, и ему было неизъяснимо хорошо.

Однако все когда-нибудь кончается. Кончилось и молоко. Со вздохом сожаления вернул он пустую кружку и юркнул обратно в постель.

Он лежал и думал о том, какая все-таки Мэри

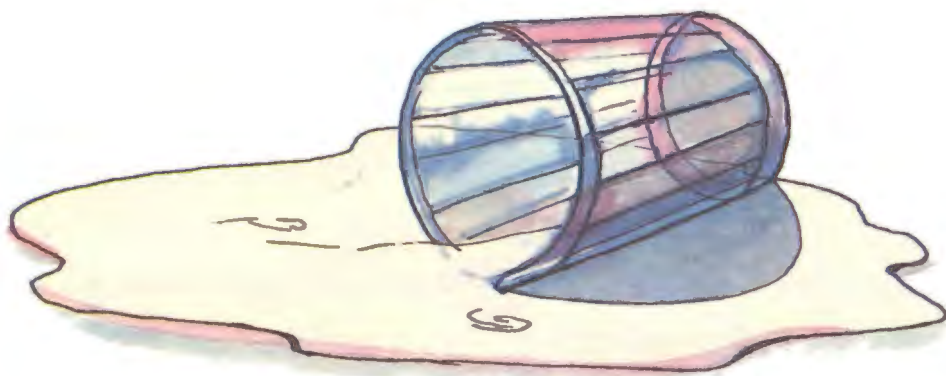

Поппинс добрая, о том, как хорошо лежать в теплой постели, о том, как он счастлив, и о том, как ему здорово повезло, что он все же остался в живых.

— Как странно, Мэри Поппинс! — сказал он, засыпая. — Я был сегодня таким грубым, таким нехорошим! А вот теперь я чувствую себя совсем наоборот.

— Еще бы! — ответила она и, поправив одеяло, пошла мыть посуду, оставшуюся после ужина...

— А может, ее там не будет! — сказал Майкл.

— Нет, — с уверенностью ответила Джейн, — она всегда там.

Они бодро шагали по Ладгейт Хилл, направляясь в Сити к мистеру Бэнксу. А все потому, что не далее как этим утром он сказал миссис Бэнкс:

— Дорогая, пусть сегодня Джейн с Майклом навестят меня в офисе. Если, конечно, не будет дождя. И если, конечно, ты им разрешишь.

Миссис Бэнкс пообещала подумать об этом. Однако Джейн с Майклом никак не могли отделаться от

впечатления, что она совершенно, ну ни капельки, об этом не думает. В то время как они изнывали в тягостном ожидании, миссис Бэнкс была занята счетом, присланным из прачечной, новым пальто Майкла, поисками адреса тетушки Флосси и размышлениями о том, почему этой жалкой миссис Джексон вдруг вздумалось пригласить ее на чай именно во второй вторник месяца, хотя она просто не может не знать, что как раз этот день миссис Бэнкс всегда проводит у дантиста!

Внезапно, когда Джейн с Майклом были уже совершенно уверены, что о них так и не вспомнят, миссис Бэнкс сказала:

— Дети, не стойте и не смотрите на меня так, будто я украла ваши вещи! Вы можете пойти в Сити и выпить с отцом чаю. Вы что, забыли?

Будто они могли об этом забыть! Ведь это был не только чай. Это была еще и встреча с Птичницей!

Оттого-то, шагая вслед за Мэри Поппинс по Ладгейт Хилл, они и чувствовали себя такими счастливыми.

На Мэри Поппинс красовалась новая шляпка. Поэтому сегодня она еще чаще, чем обычно, останавливалась перед витринами магазинов, видимо, лишний раз желая убедиться в том, что шляпка на месте, а розы, украшающие ее, не превратились, например, в маргаритки.

Каждый раз, когда она совершала эту процедуру, Джейн и Майкл глубоко вздыхали, но ничего не гово-

рили, так как боялись, что тогда Мэри Поппинс будет еще дольше стоять перед витринами, размышляя, стоит ей сдвинуть шляпку набок или оставить как есть.

Но вот наконец впереди показался и Кафедральный Собор Святого Павла. Много веков назад его построил человек с птичьей фамилией Рен (а в переводе «Рен», как известно, не что иное, как птичка крапивник). Именно поэтому близ Кафедрального собора Сэра Кристофера Рена всегда гнездится так много разных птиц. Но большой Кафедральный собор носит еще и имя Святого Павла, защитника всех слабых и нуждающихся. Оттого-то там вместе с птицами и нашла себе приют Птичница.

— Вон она! — завопил Майкл и даже запрыгал на одной ноге от восторга.

— Не показывай пальцем! — одернула его Мэри Поппинс, глядя на свое отражение в витрине магазина ковров.

— Она говорит! Она опять говорит это! — закричала и Джейн, чувствуя, что вот-вот разорвется на части от переполняющего ее восторга.

И действительно, Птичница была там.

И она говорила то же, что и всегда.

— Корм для птиц, два пенса пакетик! Корм для птиц, два пенса пакетик! Корм для птиц! Корм для птиц! Два пенса пакетик! Два пенса пакетик!

Снова и снова она повторяла одно и то же своим вы-

соким, заунывным голосом, делающим эти слова похожими на какую-то странную, тягучую песню.

А вокруг летали птицы и, садясь на землю, клевали корм, который им давали люди, покупая у Птичницы.

Мэри Поппинс всех без разбора птиц называла «голубчиками», но вовсе не потому, что особенно выделяла голубей, а по той простой причине, что все птицы, как она сама заявляла, были ей одинаково милы.

Но Джейн с Майклом хорошо знали, что даже голуби — и те далеко не все одинаковы. Среди них есть болтливые серые голуби, все время суется и похожие на Бабушек, есть бело-коричневые почтари, басистые и очень напоминающие Дядюшек, есть бледно-зеленые, все время бубнящие себе под нос что-то вроде «У-меня-совсем-нет-денег-сегодня» и этим очень смахивающие на Пап, и есть нежно-розовые, заботливые и ласковые, ну совсем как Мамы!

Именно об этом всегда и думали Джейн с Майклом, находясь здесь.

А птицы все летали и летали вокруг Птичницы. Иногда они, будто дразня ее, вдруг стремительно взмывали в воздух и, усевшись на купол Святого Павла, крутили головами, делая вид, что вовсе с ней незнакомы.

Майкл подошел поближе и протянул Птичнице четыре монеты по пол-пенса.

— Корм для птиц. Два пенса пакетик, — сказала она и, протянув Майклу пакетик, наполненный хлебными

крошками, прятала деньги где-то в складках своей большой черной юбки.

— А почему у вас нет пакетиков по одному пенсу? — спросил он. — Тогда я смог бы купить два.

— Корм для птиц... Два пенса пакетик, — произнесла Птичница, и Майкл понял, что лучше ее ни о чем не спрашивать. Они уже пытались с Джейн это делать в прошлый раз, но Птичница только твердила: «Корм для птиц! Два пенса пакетик!» Словно кукушка, от которой, что у нее ни спроси, ничего кроме «ку-ку» не услышишь.

Открыв пакетик, Джейн и Майкл принялись бросать крошки в круг, нарисованный на земле, и птицы вначале по одной, а потом по две и даже по три стали опускаться вниз с купола Святого Павла.

— Вот Привереда! — фыркнула Мэри Поппинс, когда одна из птиц подняла крошку, а потом бросила ее на землю. Но уже в следующий момент другие птицы налетели на пищу со всех сторон...

Прошло совсем немного времени — и на земле не осталось ни единой крошки. (У птиц ведь не принято оставлять что-либо на тарелке после обеда.) Убедившись, что угощение закончилось, они разом взмыли вверх и принялись кружить над головой Птичницы, повторяя на своем языке то, что говорила она. Некоторые из них садились ей на шляпу, видимо, считая, что лучшего шляпного украшения просто не может быть. Какой-то голубь, по ошибке приняв шляпку Мэри Поппинс за цветник, выдернул из нее одну розу.

— Ах ты воришка! — закричала Мэри Поппинс, потрясая ему вдогонку своим зонтиком. Голубь, весьма озадаченный таким приемом, отлетел на некоторое расстояние и, словно желая отомстить Мэри Поппинс, приколот розу к одной из ленточек на шляпе Птичницы.

— В начинке для пирога — вот где твое место! — сердито проворчала Мэри Поппинс. — Пора идти! — повернулась она к детям, после чего вновь бросила гневный взгляд на дерзкого голубя. Но тот в ответ лишь рассмеялся и, распушив хвост, повернулся к ней спиной.

— До свидания! — кивнула Мэри Поппинс Птичнице.

— Корм для птиц, — ответила та, улыбаясь.

— До свидания, — попрощалась и Джейн.

— Два пенса пакетик, — вновь повторила Птичница и помахала им рукой.

Скоро они опять шли вдоль по улице — Мэри Поппинс в середине, а Джейн с Майклом по бокам.

— А что происходит, когда на площади никого не остается? — спросил Майкл у Джейн. Он очень хорошо знал ответ на этот вопрос, но задать его надо было обязательно — ведь как-никак историю придумала именно она. И Джейн принялась рассказывать, а он добавлял те детали, о которых она забывала.

— Ночью, когда все ложатся спать... — начала она.

— И на небе зажигаются звезды, — откликнулся Майкл.

— И даже когда не видно ни одной из них, все птицы медленно слетают с купола Собора Святого Павла и осторожно бегут по земле к нарисованному на ней кругу — посмотреть, не осталось ли там хоть немного крошек. И если в круге что-то есть, они начинают подбирать пищу, спеша управиться с этим до рассвета. А когда они это заканчивают...

— Ты забыла о купании...

— Ах, да! Они купаются в маленьких ручейках, протекающих неподалеку, и чистят клювами свои перья. Потом они трижды облетают вокруг Птичницы и опять опускаются вниз...

— Они садятся ей на плечи?

— И на плечи, и на шляпу.

— И на корзину, в которой лежат пакетики?

— И на корзину, а некоторые даже и на колени.

А она гладит каждого по голове и говорит, чтобы они были хорошими птицами и вели себя как следует...

— На птичьем языке?

— Да. А когда приходит время сна, Птичница расправляет складки на своей юбке, будто наседка крылья, и птицы прячутся там. С легким шумом, точь-в-точь как курица на гнезде, она устраивается поудобнее, и так они спят до утра...

Майкл счастливо вздохнул. Ему очень нравилась эта история, и ему никогда не надоедало слушать ее снова и снова.

— И это все правда? — спросил он, как обычно.

— Нет,— тоже как всегда ответила Мэри Поппинс.

— Да,— сказала Джейн, а уж она-то об этом знала все...

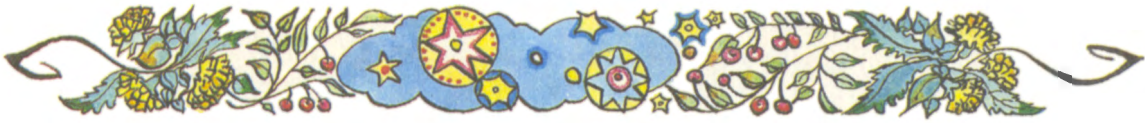
— Два фунта сосисок из лучшей свинины! — сказала Мэри Поппинс. — Да побыстрее. Мы спешим.

Мясник, очень толстый и добродушный мужчина в бело-голубом фартуке, был таким большим и красивым, что сам походил на одну из своих сосисок.

Перегнувшись через прилавок, он восхищенно уставился на Мэри Поппинс. После чего, подмигнув Джейн и Майклу, сказал:

— Спешите? Как жалко! А я-то думал, что мы немного поболтаем. Мы, мясники, любим, знаете ли, компанию. А возможность побеседовать с такой мо-

лодой и очаровательной леди, как вы, выпадает не так уж часто... — внезапно, увидев выражение лица Мэри Поппинс, он замолчал. А оно было просто ужасным! Мясник уже от души жалел, что в лавке нет погреба, где бы он мог спрятаться.

— Ну что ж, — пробормотал он, став еще краснее, чем обычно. — Если вы спешите, тогда конечно... Вы сказали два фунта? Из лучшей свинины? Очень, очень правильно!

И он поспешно снял с гвоздя одну из многочисленных сосисочных гирлянд, развешанных по всему магазину. Отрезав примерно $3/4$ ярда, он быстро сплел из нее нечто вроде венка и завернул его сначала в белую, а потом в коричневую бумагу. Положив сверток на прилавок, он с надеждой спросил:

— Может, что-нибудь еще?

— Никакого «еще» не будет! — надменно ответила Мэри Поппинс. Взяв с прилавка сосиски, она развернула коляску и так стремительно покинула магазин, что у мясника не осталось ни малейшего сомнения в том, что он нанес ей смертельную обиду. Однако, выходя из магазина, Мэри Поппинс все же не удержалась, чтобы не бросить хотя бы мимолетный взгляд на свое отражение в витрине. Еще бы, ведь на ней сегодня были новые туфли! Светло-коричневые, кожаные, с двумя изящными пуговками.

Джейн и Майкл шли за ней, гадая, когда же наконец список покупок кончится. Спросить об этом они

не решались — слишком уж строгим было лицо у их няни. А Мэри Поппинс между тем в задумчивости осматривала улицу. Наконец, приняв решение, она громко объявила:

— Рыбная лавка!

И повернула коляску в сторону расположенного неподалеку магазина.

— Одну камбалу, полтора фунта палтуса, пинту креветок и одного омара, — выпалила Мэри Поппинс так быстро, что только привычные к таким распоряжениям люди смогли бы ее понять.

Рыбник, в отличие от мясника, был напротив, худым и долговязым. Казалось, его тело совсем не имеет ширины, только длину. Кроме того, он выглядел таким печальным, словно только что плакал где-то в укромном уголке. Джейн подумала, что это, скорее всего, последствия какого-то несчастья, постигшего его в юности, а Майкл решил, что Рыбника, наверное, когда он был маленьким, держали только на хлебе и воде, и он до сих пор еще помнит об этом.

— Еще что-нибудь? — спросил Рыбник безнадежно, точно был абсолютно уверен, что ничего «еще» не будет.

— Не сегодня, — ответила Мэри Поппинс.

Рыбник совершенно не удивился, ведь он знал, что все будет именно так. Тихо вздыхая и горестно покачивая головой, он завязал сверток и положил его в коляску.

— Отвратительная погода, — заметил он и вытер глаза рукой. — Прямо не верится, что когда-нибудь будет лето. А в общем, никогда и не верилось.

Он взглянул на Мэри Поппинс.

— Вы тоже не очень-то свежи и цветущи! Хотя, никто...

— Посмотрите лучше на себя! — сердито ответила она и с такой скоростью покатила коляску к выходу, что та по пути чуть не опрокинула бочонок с устрицами.

— Что за вздор! — сказала Мэри Поппинс, выйдя на улицу. Она бросила взгляд на свои новые туфли. Подумать только! Не выглядит цветущей в новых туфлях! Из светло-коричневой кожи! С двумя пуговицами! Что за вздор!

Остановившись посреди тротуара и достав список, Мэри Поппинс принялась вычеркивать из него то, что уже купила.

Майкл нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Наконец он не выдержал:

— Мэри Поппинс! Мы что сегодня, домой не пойдем?

Она обернулась и смерила его негодующим взглядом. Затем четко и внятно произнесла:

— Вполне вероятно.

И, глядя на то, как она сворачивает свой список, Майкл начал подумывать о том, что он все-таки зря задал этот вопрос.

— Что ж, если хочешь, можешь идти домой, — продолжила Мэри Поппинс. — А мы... А мы пойдем покупать имбирные пряники!

Лицо Майкла вытянулось. И зачем он только это спросил! Но ведь он понятия не имел, что в конце списка идут имбирные пряники!

— Тебе в ту сторону, — бросила Мэри Поппинс и вытянула руку в направлении Вишневой улицы. — Если, конечно, не заблудишься.

— Ой, нет, Мэри Поппинс! Нет! Я совсем не это имел в виду!.. Честное слово! Я... Мне... Мэри Поппинс, пожалуйста! — взмолился Майкл.

— Мэри Поппинс, ну позвольте ему пойти с нами! — стала просить за него и Джейн. — Я всю дорогу буду везти коляску, только разрешите ему пойти!

Мэри Поппинс фыркнула.

— Ну ладно, по пятницам я добрая. А так бы ни за что не разрешила! Отправился бы домой как миленький!

И она пошла вперед, толкая перед собой коляску с Близнецами. Джейн с Майклом, поняв, что она смиловилась, двинулись следом, тщетно пытаясь понять, кто такой этот «миленький» и каким таким странным образом он все время ходит домой.

Внезапно Джейн заметила, что они идут совсем не в ту сторону.

— Мэри Поппинс! Вы сказали, что мы идем покупать имбирные пряники, но эта дорога не к магазину

Грина, Бауна и Джонсона... — начала было Джейн, но осеклась, увидев выражение лица Мэри Поппинс.

— Кто делает покупки — я или вы? — услышала она язвительный вопрос.

— Вы, — тихо ответила Джейн.

— Неужели? А я думала, что наоборот! — воскликнула Мэри Поппинс и саркастически рассмеялась. После этого она притормозила коляску и завернула за угол. Джейн с Майклом тоже завернули за угол и тут же остановились, как вкопанные. Они оказались перед самым необычным магазином из всех, в которых им только приходилось бывать.

Магазин этот был маленьким и темным. В его витринах висели полинялые полосы цветной бумаги, а на полках лежали облезлые упаковки с щербетом, старые, покрытые пылью лакричные палочки и слипшиеся яблочные леденцы. Посередине, между окнами, виднелась маленькая темная дверь. В нее-то Мэри Поппинс и вошла, толкая впереди себя коляску. Джейн с Майклом поспешили следом.

Войдя, они с трудом разглядели стеклянный прилавок, протянувшийся вдоль каждой из трех стен. Внутри, под стеклом, лежали имбирные пряники. На каждом из них красовалась звездочка, сделанная из позолоченной бумаги, и оттого даже в царящей вокруг темноте пряники ярко блестели, распространяя вокруг себя таинственный, мерцающий свет. Пройдясь по магазину, Джейн с Майклом внимательно осмотрели

все вокруг, но продавца не обнаружили. И поэтому очень удивилась, когда Мэри Поппинс громко позвала:

— Фанни! Анни! Где вы? ,

И в то же мгновение откуда-то из темноты вдруг возникли две огромные фигуры (ребята таких еще не видали), и радостно пожали руку Мэри Поппинс. Затем, перегнувшись через прилавок, обе гигантские женщины пожали руку Джейн с Майклом, при этом пробасив:

— Драсьте!

— Здравствуйте, — ответил Майкл, — Как поживаете, мисс... — тут он запнулся, так как не знал, какая именно из дам Фанни, а какая Анни.

— Меня зовут Фанни, — пробасила одна из великанш. — Поживаю я так себе. Ревматизм совсем замутил. Спасибо, что спросили.

Голос ее звучал так робко, словно она была совершенно обескуражена столь вежливым обращением.

— Сегодня неплохая погода... — придерживаясь правил хорошего тона, обратилась Джейн к второй сестре, пытаясь в то же время высвободить свою руку из ее огромной лапищи.

— Меня зовут Анни, — сообщила та виновато. — Да, погода — это хорошо.

Джейн с Майклом подумали, что у сестер определенно странная манера выражать свои мысли, но удивиться как следует они не успели, так как и мисс Анни и мисс Фанни, протянув свои длинные ручищи к коляске, торжественно пожали руку каждому из Близне-

цов. Те были так этим поражены, что тут же громко заплакали.

— Ну-ну-ну-ну! Что случилось? Что случилось? — раздался вдруг из глубины магазина писклявый голос. При его звуке и без того печальные лица мисс Анни и мисс Фанни сделались еще печальней. Казалось, они были чем-то страшно напуганы. Джейн с Майклом даже подумали, что обе великанши были бы не прочь на время сделаться совсем крошечными и незаметными.

— Что я слышу? — кричал, постепенно приближаясь, тот же странный тоненький голосок.

Скоро из-за стеклянного шкафа появилась и его обладательница. Ею оказалась маленькая, сухонькая старушонка. Она была такой дряхлой, что Джейн с Майклом удивились. Казалось, старее не может быть никого на свете. Волосы у нее были седыми, лицо маленьким и сморщенным, а ноги походили на две длинные худые палки. Однако передвигалась старушонка так легко и так весело при этом подпрыгивала, словно перед вами была вовсе не старуха, а молоденькая девушка.

— Ну и ну! Вот это да! Провалиться мне на месте, если это не Мэри Поппинс, а это не Майкл и Джейн с Близнецами! Вот это сюрприз! В последний раз я была так удивлена, когда Христофор Колумб открыл Америку!

Она радостно улыбнулась в знак приветствия, ни на минуту не переставая выписывать кренделя обутыми в старомодные туфли ногами.

Подбежав к коляске с Близнецами, она слегка покачала ее и несколько раз шелкнула своими высохшими, старыми пальцами. Близнецы тут же перестали плакать и залились веселым смехом.

— То-то же! — пропищала старушонка и довольно захихикала. А потом она выкинула и вовсе такое, отчего Джейн с Майклом чуть не попадали на пол от изумления. Отломив у себя на правой руке два пальца, она протянула по одному Джону и Барбаре. Но самое странное было то, что на руке тут же выросли новые пальцы. Джейн с Майклом хорошо это видели.

— Это всего лишь ячменный сахар. Детям можно, — объяснила старая леди, повернувшись к Мэри Поппинс.

— Что бы вы им, миссис Корри, ни дали, все будет только на пользу, — как-то уж чересчур вежливо отозвалась Мэри Поппинс.

— Эх, были бы это мятные леденцы! — не выдержал Майкл.

— Гм! Иногда и так бывает, — победно оглядев присутствующих, подтвердила миссис Корри. — Причем леденцы получаются весьма и весьма неплохие. Иногда я даже сама сосу их, если не могу ночью долго заснуть. Да и для пищеварения это очень полезно.

— А в следующий раз во что они превратятся? — поинтересовалась Джейн, покосившись на пальцы миссис Корри.

— Ха! В том-то вся и штука! Я никогда не знаю заранее, что это будет! «Играю втемную», как, помнится,

сказал своей матери Вильгельм Завоеватель, когда она пыталась отговорить его идти войной на Англию.

— Да, вам, должно быть, уже очень много лет! — с тайной завистью произнесла Джэйн, думая о том, что и она когда-нибудь станет такой же старой и будет помнить о том, что сказал своей матери Вильгельм Завоеватель, собираясь идти войной на Англию.

Миссис Корри запрокинула назад свою маленькую седую головку и залилась веселым смехом.

— Много лет! — сказала она наконец. — Да я совсем еще цыпленок по сравнению с моей бабушкой! Вот ей действительно много лет! Хотя и я, конечно, кое-что повидала на своем веку. Помню, когда этот мир только создавался, а мне, между прочим, тогда было уже больше двадцати...

Внезапно она остановилась и, прищурившись, взглянула на ребят.

— Ну и ну! Я тут все болтаю и болтаю, а вас и обслужить-то некому! Полагаю, моя дорогая, — вернулась она к Мэри Поппинс, — вы, как всегда, пришли за имбирными пряниками?

— Вы абсолютно правы, миссис Корри, — вежливо ответила Мэри Поппинс.

— Так-так. А Фанни и Анни вам что, ничего не дали? Джэйн отрицательно покачала головой.

— Нет, мамочка, — заныла из-за прилавка мисс Фанни.

— Мы как раз собирались, — испуганно промямлила мисс Анни.

Выпрямившись, миссис Корри свирепо уставилась на своих дочерей. После чего тихим, но наводящим ужас голосом произнесла:

— Собирались? Неужели? Ах, как интересно! А кто, милая Анни, позволил вам раздавать мои имбирные пряники? А?

— Никто, мамочка. Но я их и не раздавала. Я только думала...

— Ты только думала! Замечательно! Так вот попрошу тебя в следующий раз не думать! Здесь обо всем думаю я!

И миссис Корри разразилась громким, визгливым смехом.

— Нет, вы только посмотрите на нее! Вот рева-корова! Маленький ребеночек! — запищала она, показывая на свою дочь пальцем.

Повернувшись, Джейн с Майклом увидели, что по щеке мисс Анни катится большая слеза. Однако они не сказали ни слова. Несмотря на свой маленький рост, миссис Корри сумела сделать как-то так, что все присутствующие чувствовали себя не только маленькими, но совсем-совсем крошечными. Правда, когда она отвернулась, Джейн все же ухитрилась передать Анни свой носовой платок. Взгляд великанши исполнился благодарности. Она поднесла платок к глазам, и огромная слеза тут же промочила его насквозь.

— А ты, Фанни, ты тоже «думала»? — обратилась между тем миссис Корри ко второй дочери.

— Нет, мамочка, — ответила, дрожа, мисс Фанни.

— Что ж, тем лучше для тебя. Открой-ка вон тот шкаф!

Трясущимися пальцами великанша открыла стеклянный шкаф.

— А теперь, мои дорогие... — голос миссис Корри вдруг совершенно изменился. Она так весело улыбалась и так приветливо подзывала ребят к себе, что им стало даже немного стыдно за свой страх. Было совершенно ясно, что она может быть и очень-очень доброй.

— Не хотите ли, мои ягнятки, подойти поближе и сами выбрать пряники? Сегодня они пеклись по особому рецепту, который мне дал Альфред Великий. А он, насколько я помню, был прекрасным кулинаром, хотя, если честно, один раз все-таки сжег пряники. Итак, сколько вам?

Джейн с Майклом вопросительно посмотрели на Мэри Поппинс.

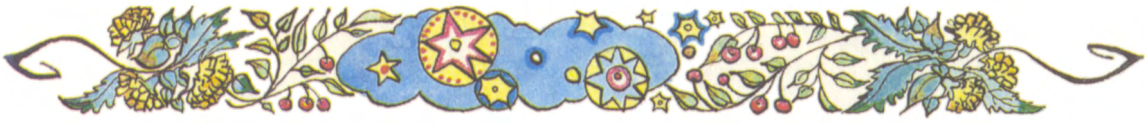
— Каждому по четыре, — сказала она. — Итого — двенадцать. Дюжина.

— Если дюжина, то пусть уж лучше будет чертова дюжина! Тринадцать! — весело перебила ее миссис Корри.

Джейн и Майкл выбрали тринадцать пряников — самых больших и самых аппетитных. На каждом из них сверху красовалась яркая звезда из позолоченной бумаги. Все руки у ребят оказались заняты вкусными, ароматными имбирными пряниками. Майкл, не удержавшись, откусил от одного уголок.

— Ну как? Вкусно? — пропищала миссис Корри, и когда Майкл в ответ кивнул, пустилась в пляс. Она тан-

цевала старинный шотландский танец и от удовольствия то и дело кричала своим тоненьким, писклявым голоском:

— Чудесно! Прекрасно! Ура!

Вдруг она остановилась и лицо ее стало очень серьезным.

— Но знайте, я просто так их не раздаю. За пряники надо платить! С каждого из вас причитается по три пенса.

Мэри Поппинс открыла кошелек и достала три трехпенсовика.

Одну монетку она дала Джейн, другую — Майклу, а третью оставила себе.

— А теперь, — попросила миссис Корри, — прикрепите их на мой плащ. Эти трехпенсовики предназначены именно для этого.

Джейн с Майклом взглянули повнимательнее на ее длинный черный плащ и поняли, что он весь усыпан монетками по три пенса, как бывает усыпан сверкающими пуговицами наряд циркового клоуна.

— Ну, подойдите и прикрепите! — повторила миссис Корри, потирая руки от удовольствия. — Смелее! Они не отвалятся!

Мэри Поппинс подошла и приложила трехпенсовик к воротнику ее плаща. К удивлению Джейн и Майкла трехпенсовик тотчас же намертво приклеился к темной материи, из которой был сшит плащ. Тогда они сделали то же самое. Джейн где-то у правого плеча, а Майкл посередине. Их монеты тоже моментально приклеились.

— Вот удивительно! — невольно вырвалось у Джейн.

— Пустяки, моя дорогая! — захихикала миссис Корри. — Ничуть не удивительней других вещей, которые я умею делать! — и она многозначительно подмигнула Мэри Поппинс.

— Боюсь, миссис Корри, что нам пора идти, — отозвалась Мэри Поппинс. — Сегодня на ланч заварной крем, а я еще должна успеть его приготовить. Эта миссис Брилл...

— Отвратительная кухарка? — перебила ее миссис Корри.

— Не то слово! — презрительно бросила Мэри Поппинс.

— Тэк-тэк... — прогнусавила миссис Корри и с умным видом приложила к носу палец. Потом сказала:

— Ну, дорогая мисс Мэри, мне было очень приятно вас повидать... Думаю, что и моим девочкам тоже, — она кивнула в сторону двух больших скорбных фигур, стоящих в отдалении. — Надеюсь, вы скоро придете еще... Э-э, вы уверены, что донесете пряники? — спросила она, повернувшись к Джейн и Майклу.

Те кивнули.

Тогда миссис Корри подошла поближе. В ее лице было что-то странное и таинственное.

— Вот что я хочу спросить, — задумчиво произнесла она. — Что вы сделаете с этими бумажными звездочками?

— О, мы их обязательно сохраним! — ответила Джейн. — Мы всегда так делаем!

— Ага! Значит, вы их собираете! А где же вы их держите? — миссис Корри прищурила глаза, и стала еще таинственней.

— Ну, — сказала Джейн, — мои, например, лежат под носовыми платками в верхнем левом ящике комода. А звездочки Майкла...

— А мои — в коробке из-под ботинок. На нижней полке в гардеробе, — перебил ее Майкл.

— Так, вверху в комоде и в обувной коробке ... Так-так... — задумчиво повторила миссис Корри, будто хотела получше запомнить услышанное. После этого она обменялась с Мэри Поппинс многозначительным взглядом и слегка кивнула ей головой. Мэри Поппинс кивнула в ответ.

— Все это очень, просто очень интересно, — бодро воскликнула миссис Корри. — Вы даже не представляете, как я рада, что вы собираете эти звездочки! Я обязательно это запомню! А у меня, между прочим, память очень хорошая. Я помню даже, что подавали на обед у Гая Фокса^{*} каждое второе воскресенье месяца. А теперь — до свидания. Приходите еще. Да побыстрее! Побыст-ре-е... По-быст-ре-е...

^{*}Гай Фокс — один из участников так называемого Порохового Заговора. Заговорщики пытались свергнуть короля Джеймса I и распустить Парламент. Их замысел провалился, Гай Фокс вместе с остальными участниками заговора был казнен. С тех пор 5 ноября в Англии (день разоблачения Порохового Заговора 5 ноября 1605 г., когда была попытка произвести взрыв под Парламентом) посвящено фейерверкам. На лужайках разводят костры, устраивают шествия с чучелами непопулярных людей, которые потом торжественно сжигают. Дети раскрашивают лица сажей, надевают маскарадные костюмы и бегают вокруг сжигаемого чучела (которое вначале было чучелом Гая Фокса) и выпрашивают у присутствующих пенни для славного парня Гая Фокса.

Голос миссис Корри, казалось, становился все тише и тише, пока не умолк совсем. Очнувшись, Джейн с Майклом обнаружили, что находятся на улице. Они снова шли вслед за Мэри Поппинс, которая по-прежнему изучала свой список.

Они остановились и посмотрели назад.

— Но, Джейн! — удивленно вымолвил Майкл. — Его здесь нет!

— Вижу! — ответила Джейн, изо всех сил тараща глаза.

И действительно, магазина на месте не было. Он бесследно исчез.

— Как странно! — сказала Джейн.

— Точно. Но... но пряники и впрямь очень даже ничего, — отозвался Майкл, откусывая от одного из них солидный кусок. — Даже очень ничего!

Вскоре они так увлеклись, выгрызая из своих пряников различные фигуры — людей, цветы и даже чайные чашки, — что совершенно забыли о том, насколько странным и необычным было все, что с ними приключилось.

Вспомнили они об этом лишь ночью, когда свет в Детской был погашен и им полагалось давно спать.

— Джейн! — тихо позвал Майкл. — Джейн! Я слышу, как кто-то на цыпочках поднимается по лестнице. Слышишь?

— Тс-с-с! — прошипела Джейн из своей кровати. Она тоже слышала чьи-то шаги.

Через некоторое время дверь, тихо скрипнув, открылась, и кто-то проскользнул в комнату. Это была Мэри Поппинс, одетая в пальто и шляпу. Не составляло ни малейшего труда догадаться, что она собралась куда-то идти.

Джейн с Майклом, едва осмеливаясь дышать, наблюдали за ней сквозь полуприкрытые веки.

Мэри Поппинс передвигалась по детской быстро, но осторожно. Вначале она подошла к комоду, открыла его и через мгновение снова захлопнула. Затем на цыпочках приблизилась к гардеробу, отворила его и то ли что-то взяла, то ли наоборот — что-то положила, — Джейн с Майклом не сумели рассмотреть. Хлоп! Дверь гардероба снова закрылась, и Мэри Поппинс быстро вышла из комнаты.

Майкл сел на постели.

— Куда это она собралась? — прошептал он.

— Не знаю. Может, она забыла перчатки или туфли... А может... — Джейн вдруг замолчала.

— Майкл, ты слышишь?

Он прислушался. Из сада доносился шепот. Шепталось три человека. Судя по их возбужденным голосам, речь шла о чем-то чрезвычайно серьезном.

Джейн быстро вскочила с постели. Сделав рукой жест Майклу, чтобы он следовал за ней, она на цыпочках подкралась к окну и осторожно выглянула наружу.

Внизу, посреди улицы, стояли три темных фигуры. Две огромных, и одна совсем маленькая.

— Да это же миссис Корри вместе с мисс Анни и мисс Фанни! — прошептала Джейн, дергая Майкла за рукав.

И действительно, это были они. И выглядели они, надо сказать, очень странно. Даже подозрительно. Миссис Корри что-то высматривала на дорожке, ведущей к дому № 17. У мисс Фанни на правом плече, чуть покачиваясь, лежали две длинные-предлинные лестницы. А мисс Анни в одной руке держала большое ведро, наполненное чем-то вроде клея, а в другой — огромную малярную кисть.

Скрытые занавеской, Джейн с Майклом отчетливо слышали их голоса.

— Опаздывает! — сердито говорила миссис Корри.

— Но, может быть, кто-то из детей заболел, и она не смогла... — робко начала мисс Фанни.

— ...уйти вовремя, — закончила мисс Анни, тоже явно нервничая.

— Ну-ка тихо! — свирепо оборвала их миссис Корри, и Джейн с Майклом услышали, как она добавила еще что-то о «здоровых и глупых жирафах».

— Тс-с-с! — прошипела она вдруг и прислушалась, склонив голову набок, точно маленькая любопытная птичка.

Дверь дома тихо открылась и тут же захлопнулась. До ребят донеслось шуршание чьих-то шагов по садовой дорожке. Это была Мэри Поппинс. В руке она держала корзинку, с которой она обычно ходила в магазин. Теперь там лежало нечто, излучающее неясный

и таинственный свет. Миссис Корри улыбнулась и помахала Мэри Поппинс рукой.

— Сюда! Иди скорее сюда! Нам надо торопиться! У нас осталось совсем мало времени! Ну, вы, — обратилась она к своим дочерям, — пошевеливайтесь!

Взяв Мэри Поппинс под руку, она двинулась вперед.

Фанни и Анни поспешили следом. Они изо всех сил старались «пошевеливаться», но это у них не очень-то получалось. Они тяжело плелись вслед за своей матерью и Мэри Поппинс, сгибаясь под тяжестью поклажи.

Джейн с Майклом видели, как все четверо дошли до самого конца улицы, после чего взяли немного влево и поднялись на вершину холма. Там не было ни домов, ни тротуаров. Только росла трава да редкий колючий кустарник.

Мисс Анни поставила ведро, а мисс Фанни, сняв с плеча лестницы, установила их вертикально. Одну держала она, другую — мисс Анни.

— Что это они делают? — вырвалось невольно у Майкла. Но Джейн не ответила, ведь он сам мог все прекрасно видеть.

Скоро мисс Анни и мисс Фанни установили лестницы. Казалось, те уперлись в самое небо. Тогда миссис Корри, подхватив полы юбки и малярную кисть в одну руку, а ведро с клеем в другую, стала проворно взбираться наверх. Мэри Поппинс между тем карабкалась по другой лестнице, держа в руке свою корзинку.

А потом Джейн с Майклом увидели и вовсе удивительную вещь! Как только миссис Корри достигла конца лестницы, она схватила кисть, обмакнула ее в клей, а потом принялась водить ею по небу. Когда же она закончила свою часть работы, Мэри Поппинс вынула что-то блестящее из корзинки и поместила туда, где только что побывала кисть, смазанная клеем. Вот она убрала руку — и что же? Ребята увидели на небе звезду от имбирных пряников! От изумления они не могли выговорить ни слова. А тем временем приклеенных звезд становилось все больше и больше. Водруженные каждая на свое место, они тут же начинали сверкать и переливаться чудесным золотистым светом.

— Это же... Это же наши! — задыхаясь, выговорил наконец Майкл. — Это же наши звезды! Она думала, что мы спим, и взяла их!

Но Джейн молчала. Она смотрела на то, как миссис Корри мажет клеем небо, Мэри Поппинс прикрепляет к нему звезды, а мисс Анни и мисс Фанни передвигают лестницы туда, где небо еще было пустым.

Наконец, все закончилось. Мэри Поппинс перевернула корзинку, показывая миссис Корри, что там ничего не осталось. Спустившись вниз, вся процессия снова двинулась к подножию холма. Мисс Фанни несла лестницы, а мисс Анни болтала пустым ведром из-под клея.

На углу все остановились и принялись снова о чем-то разговаривать. Но скоро Мэри Поппинс попрощалась и, пожав всем руки, поспешила к дому. Миссис Корри, слегка пританцовывая и притопывая ногами, обутыми в старомодные туфли, подхватила свою юбку и скоро исчезла в темноте. За ней, тяжело ступая, поспешили и ее дочери...

Вот скрипнули садовые ворота, и осторожные шаги тихо прошелестели по дорожке, ведущей к дому. Парадная дверь открылась и тут же захлопнулась — шелк! Затем Майкл и Джейн услышали, как Мэри Поппинс поднялась по лестнице, на цыпочках миновала Детскую и тихо вошла в комнату, где она спала вместе с Джоном и Барбарой.

Когда шум ее шагов стих за закрывшейся дверью, Джейн и Майкл посмотрели друг на друга. Потом, не говоря ни слова, подошли к комоду и заглянули в верхний левый ящик. Кроме белых носовых платков, в нем ничего не было.

— Я же говорил! — прошептал Майкл.

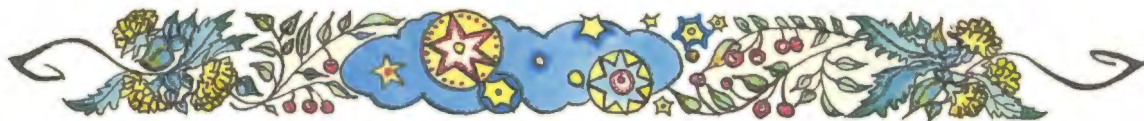
Затем они подошли к гардеробу и вынули из него обувную коробку.

Коробка была пуста.

— Нет, но как это? Почему? — пробормотал Майкл, садясь на край своей постели и недоумевающе глядя на Джейн.

Но Джейн не отвечала. Она сидела рядом, обхватив руками колени, и все о чем-то думала, думала... Затем, откинув назад волосы, она поднялась.

— Интересно, — сказала она тихо, — что из чего делают — звезды из золотой бумаги или золотую бумагу из звезд?

Майкл ничего ей не ответил. Да она на это и не надеялась. Она знала, что только кто-то очень-очень мудрый, гораздо более мудрый, чем Майкл, сможет правильно ответить на этот ее ой какой нелегкий вопрос...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ИСТОРИЯ ДЖОНА И БАРБАРЫ

Джейн с Майклом с утра ушли на детский праздник. Они надели лучшую одежду, тщательно умылись, причесались, да и вообще выглядели такими красивыми, что даже горничная Элен, посмотрев на них, всплеснула руками и воскликнула: «Ну прямо как с витрины магазина!»

Весь день в доме было тихо и спокойно. Казалось, дом уснул или же просто глубоко-глубоко погрузился в думы о чем-то своем, одному ему понятном.

Внизу, на кухне, миссис Брилл, нацепив на нос очки, читала газету. Робертсон Эй был очень занят в са-

ду. Он ничего не делал. Причем исполнял это мастерски. Миссис Бэнкс лежала в спальне на софе, блаженно вытянув ноги. А дом, в котором они все так удобно расположились, был погружен в полудрему. Он спал и видел какие-то свои, ни на что не похожие сны.

Наверху, в Детской, Мэри Поппинс просушивала у камина отсыревшее белье и, достав из гардероба одежду, заодно проветривала и ее.

Солнечный лучик, пробиваясь через оконное стекло, весело играл на белых стенах, плясал на кроватках, где лежали Близнецы.

— Убирайся, тебе говорят! Ты светишь мне прямо в глаза! — громко сказал ему Джон.

— Извини, — отозвался Солнечный Луч, — но ничем не могу помочь. Я обязательно должен пересечь эту комнату. Служба есть служба. В течение дня я должен пройти с Востока на Запад, а ваша комната находится как раз у меня на пути. Еще раз прошу меня извинить. Если хочешь, можешь закрыть глаза — и меня не будет видно.

Золотистый поток света пересек комнату. Он очень торопился, чтобы хоть как-то угодить Джону.

— Какой ты мягкий и ласковый! — сказала Барбара, протягивая руки к свету. — Какой теплый! Я тебя люблю!

— Хорошая девочка! — отозвался Солнечный Луч одобрительно и, погладив ее по щеке, рассыпался у нее в волосах множеством разноцветных искр.

— Нравится? — спросил он (по всему было видно, что похвала Барбары пришлась ему по душе).

— Очень! — ответила Барбара и сиятельно вздохнула.

— И вечно-то тут болтают, болтают, болтают! — раздался вдруг сварливый голос со стороны окна. — Никогда еще не видел сразу такое количество болтунов!

Джон и Барбара подняли головы.

Прямо перед ними, на подоконнике, сидел Скворец, тот самый, что жил на трубе их дома.

— Нет, мне это определенно нравится! — быстро обернувшись, сказала Мэри Поппинс. — Не лучше ли на себя посмотреть? Целый день, а потом еще и полночи прыгает по крышам и телеграфным проводам, вопит, верещит, тараторит хуже любого воробья! Если бы захотел, то, наверное, и ножку от стула сумел бы разговорить!

Скворец склонил голову набок и искоса посмотрел на нее.

— Ну ладно, — сказал он небрежно, — у меня очень много дел. Конференции, дискуссии, переговоры, совещания... И все это необходимо для того, чтобы... э-э-э... тихо обсудить...

— Тихо! — воскликнул Джон и покатился со смеху.

— Я, между прочим, не с вами разговариваю, молодой человек! — сказал Скворец, впрыгивая в комнату. — Кому-кому, а уж вам лучше помолчать. Слышал я в прошлую субботу, как вы тут болтали! Два часа слушал, пока наконец дождался, когда вы

остановитесь! Я-то уж думал, что этого никогда не произойдет! Вы мне целую ночь спать не давали!

— Я не болтал, — сказал Джон, я плак... — он за-
пнулся. — Я хотел сказать, что был не совсем здоров.

— Ну-ну, — ехидно отозвался Скворец и прыгнул на перильца кровати Барбары. Просеменив по ним, он подобрался к изголовью. После чего мягким, за-
искивающим голосом проворковал:

— Ну, Барбара, нет ли сегодня чего-нибудь для старого приятеля? А?

Барбара, взявшись рукой за один из деревянных столбиков, поддерживающих перильца, села на кровати.

— Есть половинка печенья, — сказала она и протя-
нула ему свой кругленький, пухлый кулачок.

Скворец соскользнул вниз, выхватил печенье и, снова усевшись на подоконник, принялся жадно рас-
клевывать добычу.

— Спасибо! — выговорила многозначительно Мэ-
ри Поппинс, но Скворец был так занят едой, что не заметил намека.

— Я сказала «спасибо»! — повторила Мэри Поп-
пинс, на этот раз громче.

Скворец поднял голову.

— Э-э-э, что? Ах, оставь, крошка. У меня нет вре-
мени для всех этих выкрутасов, — и он снова принялся клевать печенье.

В комнате было тихо.

Пригревшись на солнышке, Джон засунул большой палец правой ноги себе в рот и принялся водить им по тому месту, где уже со дня на день должны были прорезаться зубы.

— Зачем ты это делаешь? — смеясь, спросила Барбара своим звонким голоском. — Ведь тебя никто не видит!

— Знаю, — ответил Джон, принимаясь, будто на губной гармошке, наигрывать на пальцах какую-то смешную мелодию. — Я тренируюсь. Не знаю почему, но это так радует взрослых! Тетушка Флосси чуть с ума не сошла от радости, когда я вчера продемонстрировал ей это. «Золотко! Умница! Чудо! Прелесть!» — разве ты вчера не слышала?

И, опустив ногу, Джон залился смехом.

— Мой фокус ей тоже понравился! — заявила Барбара самодовольно. — Я сама сняла оба своих носочка, и тетушка Флосси сказала, что я такая сладкая, что она готова меня съесть. Правда, забавно? Когда я говорю, что хочу что-нибудь съесть, то я действительно хочу это съесть. Печенье, сухарь или шишечку от кровати... Или что-нибудь еще. Но эти взрослые сами не знают, что говорят. Мне так кажется. Ведь она же не хотела меня съесть на самом деле?

— Конечно, нет. Просто это такой идиотский способ вести беседу, — сказал Джон. — Мне что-то совершенно не верится, что я когда-нибудь смогу понять взрослых. Они кажутся такими глупыми! И даже Джейн с Майклом иногда.

— Ага,— согласилась Барбара, задумчиво стаскивая с себя носки и вновь надевая их.

— Например,— продолжал Джон, они ничего не понимают из того, что мы говорим! Но что гораздо хуже, они совсем не понимают и того, что говорят вещи! В прошлый понедельник я слышал, как Джейн сказала, что она хотела бы знать язык, на котором говорит ветер.

— Помню,— отозвалась Барбара.— Удивительно! А Майкл заявил — ты слышал его? — что Скворец говорит «ти-ли-ли»! Будто не знает, что Скворец говорит на том же языке, что и мы! Я не требую, чтобы Мама и Папа знали это,— они вообще ничего не знают, хотя они такие милые и добрые,— но Джейн-то с Майклом могли бы...

— Когда-то они могли,— отозвалась Мэри Поппинс, продолжая сворачивать ночную рубашку Джейн.

— Что?! — хором воскликнули Джон и Барбара.— Правда? Вы хотите сказать, что они понимали и Скворца, и Ветер, и...

— И то, о чем говорят деревья, и язык солнечного света, и ночные беседы далеких звезд. Конечно, понимали. Когда-то...— сказала Мэри Поппинс.

— Но как же получилось, что они все это забыли? — спросил Джон, хмуря лоб и пытаясь понять.

— Гм! — задумчиво протянул Скворец, оторвавшись от своего печенья.— Вы и в самом деле хотите знать?

— Просто они стали старше, — объяснила Мэри Поппинс. — Барбара, будь добра, сейчас же надень носки!

— Какая глупость! — удивился Джон.

— Зато это правда, — ответила Мэри Поппинс, потуже натягивая Барбаре носки.

— Нет, — сказал Джон. — Просто Джейн с Майклом глупые, вот они и забыли. А я ничего не забуду, когда вырасту!

— И я! — поддержала его Барбара и, сунув в рот палец, принялась его самозабвенно сосать.

— Забудете, — сказала Мэри Поппинс уверенно. Близнецы сели и посмотрели на нее.

— Ха! Только полюбуйтесь на них! — презрительно бросил Скворец. — Они думают, что они восьмое чудо света! Ничего подобного! Все позабудете, точно как Джейн и Майкл.

— Но мы не хотим! — сказали Близнецы, глядя на Скворца так, будто собирались его убить.

Скворец рассмеялся.

— Говорю вам, забудете! — повторил он, после чего добавил, но уже немного мягче: — Не по своей воле, конечно. Но вы и поделать тут ничего не сможете. Еще не было ни одного человека, который бы, самое позднее — к году, не забыл все, о чем знал раньше. Исключая ее, разумеется, — кивнул Скворец в сторону Мэри Поппинс.

— А почему она помнит, а мы не можем? — спросил Джон.

— Она — это особый разговор. Она вообще Большое Исключение. Вам до нее далеко, — усмехнулся Скворец.

Джон и Барбара молчали. А Скворец продолжал разъяснять назидательным тоном:

— Она особенная. Конечно, не в смысле внешности. Любой из моих птенцов, имея всего один день от роду, выглядит куда красивее, чем она...

— Ах ты наглец! — в ярости вскричала Мэри Поппинс и бросилась к нему, замахиваясь передником.

Но Скворец вовремя увернулся и, перелетев на оконную раму, насмешливо чирикнул.

— Что, думала — на этот раз поймала? — засмеялся он, оправляя перья.

Мэри Поппинс лишь фыркнула в ответ.

А солнечный свет тем временем двигался через комнату, разбрасывая вокруг золотые снопы лучей. За окном легкий ласковый ветерок что-то шептал старым вишням, а те отвечали ему.

— Я слышу, — сказал Джон, — как Ветер на улице разговаривает с деревьями... Мэри Поппинс, неужели мы действительно не сможем слышать этого, когда вырастем?

— Слышать вы сможете, — ответила Мэри Поппинс. — Вы лишь не будете понимать...

После этих слов Барбара начала тихо всхлипывать. У Джона глаза тоже были полны слез.

— Ничего не поделаешь. Так уж заведено, — рассудительно добавила Мэри Поппинс.

— Посмотрите! Нет, вы только посмотрите на них! — засмеялся Скворец. — Смотрите, не утоните в слезах! У невылупившегося скворца и то больше ума!

Но Джон и Барбара уже рыдали во весь голос. Они плакали так горько, будто с ними стряслось величайшее несчастье.

Внезапно дверь открылась, и в комнату вошла миссис Бэнкс.

— Мне показалось, что малыши плачут, — сказала она, и подбежав к Близнецам, склонилась над ними.

— Что случилось, мои дорогие? Что случилось, мои золотые, мои конфетки, мои любимые птички? Почему они плачут, Мэри Поппинс? Ведь они весь день были такими тихими...

— Полагаю, мэм, у них просто режутся зубки, — ответила Мэри Поппинс, повернувшись к Скворцу спиной.

— Да-да! Наверное, так оно и есть! — обрадованно воскликнула миссис Бэнкс.

— Не хочу зубов, если они заставят меня забыть все, что я так люблю! — ревел во весь голос Джон из своей кровати.

— И я тоже не хочу зубов! — всхлипывала Барбара, зарывая лицо в подушку.

— Мои бедненькие, мои лапочки! Все будет опять хорошо, когда эти противные зубы прорежутся! — успокаивала их миссис Бэнкс, переходя от одной кровати к другой.

— Как ты не понимаешь! — что есть силы вопил Джон. — Я не хочу! Не хочу зубов!

— Не будет ничего хорошего! — выла в подушку и Барбара. — Все будет плохо!

— Да-да-да! Мамочка все знает, мамочка все понимает! Все будет очень-очень хорошо. Вот только наши зубки прорежутся... — нежно ворковала миссис Бэнкс.

С подоконника донесся шум. Это Скворец безуспешно пытался бороться с душившим его смехом. Мэри Поппинс свирепо взглянула на него. В одно мгновение Скворец опомнился и больше ни разу не улыбнулся.

А миссис Бэнкс ласкала детей, качала то одного, то другого, шептала им какие-то слова, которые, по ее мнению, должны были их утешить.

Внезапно Джон перестал плакать. У него были хорошие манеры, и он любил свою маму. — «Ведь она не виновата в том, что почти всегда говорит совсем не то, что нужно, — думал он. — Это все оттого, что она не понимает.»

И, желая показать, что не сердится на нее, Джон перевернулся на спину, проглотил слезы и, взяв обеими руками свою правую ногу, принялся водить большим пальцем по деснам. Мама была в восторге.

— Ах ты моя умница! Ах ты мой хороший! — приговаривала она, глядя, как Джон снова и снова проделывает свой фокус.

Барбара, не желая, видимо, отставать от Джона, подняла мокрое от слез лицо, села и тут же стянула с себя оба носка.

— Ах, какая хорошая девочка! — с гордостью сказала Миссис Бэнкс и поцеловала ее в нос.

— Вот видите, Мэри Поппинс, они успокоились. Я умею их успокаивать. Все хорошо. Все хорошо,— добавила она, распевая эти слова, будто колыбельную.— А зубки скоро прорежутся.

— Да, мэм,— отозвалась Мэри Поппинс спокойно. Улыбнувшись Близнецам еще раз, миссис Бэнкс вышла из комнаты.

Едва за ней закрылась дверь, как Скворец буквально взорвался от распиравшего его смеха.

— Извините! — кричал он.— Простите, ради Бога! Но... но... ничего не могу с собой поделать! Ну и сцена! Ну и сцена!

Не обращая на Скворца никакого внимания, Джон просунул голову между столбиками кровати и жалобно сказал Барбаре:

— Я не хочу, как все. Я не буду, как все! Пусть они говорят все, что им вздумается,— он кивнул на Скворца и Мэри Поппинс,— но я никогда ничего не забуду! Никогда!

Мэри Поппинс промолчала, только тихо улыбнулась, будто говоря кому-то: «Ну-уж-я-то-лучше-вас-знаю!»

— И я тоже,— ответила Джону Барбара.— Никогда!

— Нет, клянусь лучшим пером моего хвоста! Вы только послушайте их! — завопил Скворец и опять

покатился со смеху. — Говорят так, будто смогут этому помешать! Через месяц, самое большое — через два, эти глупые кукушата даже не вспомнят, как меня зовут! Ха-ха-ха! — и, снова рассмеявшись, он расправил крылья и вылетел из окна...

Прошло не так уж много времени — и зубы после многих волнений, как это обычно и бывает, наконец, прорезались. Случилось это, когда у Близнецов в первый раз в их жизни был День Рождения...

Прошел еще один день, и в дом № 17 по Вишневой улице вернулся Скворец, который улетал отдыхать на курорт.

— Привет! Привет! Привет! А вот и мы! — весело завопил он и лихо приземлился на подоконник.

— Ну, как дела у девчушки? — по-свойски осведомился он у Мэри Поппинс, бесцеремонно уставившись на нее озорными глазами.

— Без вас не скучали, — отозвалась Мэри Поппинс, тряхнув головой.

Скворец рассмеялся.

— Узнаю! Все та же старая Мэри Поппинс! Со всем не меняется! А все-таки, как кукушата? — спросил он и покосился на кроватку Барбары.

— Ну, Барбарина, — мягко и заискивающе начал он, — не найдется ли чего сегодня для старого приятеля?

— А-гу, гу-гу, агу, агу, агу, — проворковала Барбара, продолжая, как ни в чем не бывало, есть печенье.

С озадаченным видом Скворец подскочил ближе.

— Я спросил, — повторил он внятно, — нет ли чего-нибудь сегодня для старого приятеля, Барби, дорогуша?

— Бу-ля, бу-ля-ля-ля, — пробормотала Барбара, глядя в потолок и доедая последнюю сладкую крошку.

Скворец оторопело уставился на нее.

— Э-э-э-э... — протянул он, не зная, что сказать, и вопросительно посмотрел на Мэри Поппинс.

Затем порывистым движением перелетел на перильца кровати Джона.

Джон лежал на спине и прижимал к груди шерстяного барашка.

— Как меня зовут? Как меня зовут? Как меня зовут? — закричал Скворец громко и обеспокоенно.

— Уф-пуф! — сказал Джон, открывая рот и засовывая в него ногу шерстяного барана.

Горестно покачав головой, Скворец вернулся обратно.

— Да, — тихо проговорил он, обращаясь к Мэри Поппинс, — это случилось.

Мэри Поппинс кивнула.

Некоторое время Скворец уныло глядел на Близицефов.

— Да... да, я знал это. Я знал, что это случится. Я им так и говорил. А они мне не верили...

Он немного помолчал, глядя на две одинаковые кровати. Потом встряхнулся.

— Да, совсем забыл. Мне пора. Обратно, на свою трубу. Ее как раз надо почистить, да и вообще...

Он перелетел на подоконник.

— А все-таки как-то странно без них... Любил я с ними поболтать... Да... Наверное, мне будет их не хватать.

Он быстро провел крылом по глазам.

— Неужели плачешь? — засмеялась Мэри Поппинс.

Скворец выпрямился.

— Плачу? Я? Ну конечно же нет! Просто у меня... Э-э-э... насморк. Я его подхватил, когда возвращался из путешествия. Вот. Так что, ничего серьезного.

Он перескочил на оконную раму и принялся клювом разглаживать на груди перья. Затем вдруг подпрыгнул, расправил крылья и, задорно крикнув «Счастливо!», взмыл в небеса...

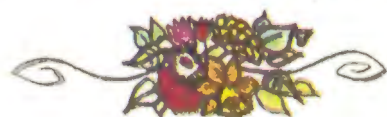

Весь день Мэри Поппинс спешила. А когда Мэри Поппинс спешила, вывести ее из себя было проще простого. Все, что бы Джейн ни сделала, было плохо, все, что бы ни сделал Майкл, было еще хуже. Несколько раз Мэри Поппинс фыркала даже на Близнецов.

Джейн с Майклом старались не попадаться ей на глаза. Они хорошо понимали, что сейчас лучше сделать так, чтобы Мэри Поппинс их не видела и не слышала.

— Вот бы стать невидимым! — вздохнул Майкл, когда Мэри Поппинс, столкнувшись с ним в дверях,

сказала: «Один твой вид способен вывести из себя кого угодно!»

— Стать невидимыми? Проще простого! — отозвалась Джейн. — Нужно только залезть за софу. После ужина Мэри Поппинс, наверное, похорошеет, а мы пока пересчитаем, сколько у нас денег в копилках.

Майкл согласился.

— Шесть пенсов и четыре пенса — будет десять пенсов. Пол-пенни и еще три пенни... — быстро сосчитала свои сбережения Джейн.

— Четыре пенни, три фартинга и... и все, — вздохнул Майкл, складывая свои монеты в маленький столбик.

— Вполне достаточно, чтобы подать кому-нибудь милостыню, — фыркнула Мэри Поппинс, заглянув за софу.

— Как это — «подать»? — обиделся Майкл. — Это мои деньги. Это я их скопил!

— Подумать только, целое состояние! — презрительно бросила Мэри Поппинс. — Не иначе как аэроплан купить собираешься, не меньше!

— Нет... Слона... Собственного слона. Такого, как Луззи, что живет в Зоопарке, — ответил Майкл, искоса глядя на нее. — Я бы катался на нем. И вас с собой тоже бы взял...

— Гм! — озадаченно протянула Мэри Поппинс. — Ну и идея!

И ребята поняли, что она уже не такая свирепая, как раньше.

— Интересно...— сказал Майкл задумчиво.— А что происходит в Зоопарке ночью, когда все люди расходятся по домам?

— Много будешь знать — скоро состаришься,— ответила Мэри Поппинс и фыркнула.

— Так я вовсе не много хочу знать. Просто интересно,— попытался возразить Майкл.— Вы случайно не знаете? — робко поинтересовался он и повернулся к Мэри Поппинс, которая тем временем уже убирала со стола, причем делала это чуть ли не вдвое быстрее, чем обычно.

— Еще один вопрос — и отправишься спать! — отрезала она и с такой скоростью начала убирать Детскую, что стала походить на маленький тайфун в платке и белом переднике.

— Лучше не спрашивай ее,— шепнула Джейн.— Она даже если знает, все равно ничего не скажет.

— И какой толк от такого знания, если никому ничего нельзя рассказать! — недовольно проворчал Майкл, но на всякий случай сделал это как можно тише, чтобы Мэри Поппинс, не дай бог, не услышала...

Джейн с Майклом не припоминали дня, когда бы их укладывали спать так рано. Мэри Поппинс сразу же выключила свет, после чего с такой скоростью вышла из Детской, точно ветры всей Земли вдруг подули ей в спину...

Сколько прошло времени, Джейн и Майкл не зна-

ли. Но вдруг в тишине раздался чей-то голос. Казалось, он шел из-за дверей.

— Проснитесь, Джейн и Майкл! — говорил он. — Скорее наденьте что-нибудь и идите за мной!

Ребята в изумлении вскочили с кроватей.

— Что-то случилось, — сказала Джейн. — Надо идти, — и она принялась в темноте разыскивать одежду.

— Быстрее! Быстрее! — торопил голос.

— О, Боже! Я нашел только перчатки и свою старую матросскую шапку! — простонал Майкл.

— Ну и ладно! Надевай их. Там не холодно.

Сама Джейн смогла отыскать только маленькое пальтишко Джона. Кое-как напялив его на себя, она открыла дверь. За дверью никого не было, но им слышалось, что кто-то, перепрыгивая через ступеньки, торопится вниз. Джейн с Майклом бросились следом.

Этот «кто-то» (или «что-то») все время был впереди. И хотя ни Джейн, ни Майкл его не видели, они ясно чувствовали, что этот «кто-то» (или «что-то») их ведет, заставляя следовать за собой.

Они шли по ночной улице, и их тапочки тихо шуршали о тротуар.

— Быстрее! — снова позвал голос из-за ближайшего угла, но когда Джейн с Майклом повернули туда, там уже никого не было. Тогда они взялись за руки и побежали. Голос вел их за собой, а они стремительно

неслись по аллеям и паркам, по тихим ночным переулкам, по спящим городским улицам...

Наконец, задыхаясь, они остановились перед большим турникетом, расположенным в стене.

— Пришли! — сказал голос.

— Куда? — поинтересовался Майкл, но ответа на свой вопрос так и не получил.

Взяв Майкла за руку, Джейн подошла к турникету.

— Смотри! — сказала она. — Неужели ты не видишь, где мы? Ведь это же Зоопарк!

В небе появилась яркая, полная Луна, и в ее свете Майкл вдруг увидел большую железную решетку. Ну конечно! Как глупо, что он сразу не понял, что это Зоопарк!

— Но как же мы туда пройдем? — спросил он, поворачиваясь к Джейн. — Ведь у нас нет денег!

— Ничего страшного! — раздался вдруг низкий хриловатый бас изнутри. — Особо приглашенные входят сегодня бесплатно! Толкните, пожалуйста, поручень!

Джейн с Майклом толкнули и прошли через турникет.

— Вот ваши билеты, — сказал все тот же хриловатый голос.

Подняв головы, Джейн с Майклом к своему удивлению прямо перед собой увидели огромного Бурого Медведя. На нем был надет френч с сияющими медными

пуговицами, а на голове красовалась синяя форменная фуражка. В лапе он сжимал два розовых билета, которые протягивал детям.

— Но... но обычно у нас билеты отбирают! — удивилась Джейн.

— «Обычно» будет в обычные дни. А сегодня вы их наоборот—получаете!—объяснил Медведь и улыбнулся.

Майкл вгляделся в него повнимательнее.

— А я вас помню! — воскликнул он вдруг. — Как-то я вам дал банку сливового джема!

— Точно! — подтвердил Медведь. — Но только ты забыл снять с него крышку. А знаешь ли ты, что я потом почти десять дней с ней провозился? Так что на будущее — будь повнимательнее!

— А почему вы не в своей клетке? — решился задать вопрос Майкл. — Вы что, всегда по ночам так разгуливаете?

— Нет, только тогда, когда День Рождения выпадает на Полнолуние. Однако, прошу прощения — я должен вернуться к воротам, — и, повернувшись, Медведь снова начал вертеть ручку турникета.

Джейн и Майкл, держа в руках билеты, пошли вперед. Полная Луна ярко освещала все вокруг, и они отчетливо могли видеть не только вольеры и клетки, но даже кусты, цветы и отдельные деревья.

— Да, тут явно что-то происходит, — осмотревшись, заметил Майкл.

И действительно, вокруг творилось что-то странное. По всем дорожкам бегали животные и птицы. Сзади два Волка о чем-то очень оживленно разговаривали с Аистом, который вышагивал между ними, высоко вскидывая длинные ноги. Джейн с Майклом прислушались, но до них лишь донеслись слова «День Рождения» и «Полнолуние».

Справа по аллее бок о бок прогуливались три Верблюда, а чуть подальше Бобер и Американский Кондор вели светскую беседу. Все они, казалось, говорили об одном и том же.

— Хотел бы я знать, чей это День Рождения? — спросил Майкл, но Джейн молчала, пораженная неожиданным зрелищем.

Прямо перед слоновником на четвереньках прогуливался какой-то старый толстый джентльмен, а у него на спине, на двух установленных параллельно скамейках, восседало восемь Мартышек.

— Ой! Все вверх тормашками! — воскликнула Джейн.

Старый джентльмен сердито взглянул на нее.

— Вверх тормашками! — фыкнул он. — Я? Вверх тормашками? Подумать только! Какое грубое оскорбление!

Обезьяны у него на спине громко засмеялись.

— О, простите, я вовсе не вас имела в виду... но все... все в целом! — попыталась объяснить Джейн. — Обычно животные возят людей, а тут все наоборот! Именно это я хотела сказать.

Но старый джентльмен, фыркая и отдуваясь, продолжал утверждать, что ему нанесли смертельное оскорбление, и все порывался уйти прочь.

Наконец, Джейн решила, что лучше оставить его в покое. Она взяла Майкла за руку, и они двинулись дальше.

Внезапно откуда-то снизу, из-под самых ног, раздался злой, обиженный голос:

— Эй, вы двое! Идите сюда! Добро пожаловать! Посмотрим, как вы будете нырять за абсолютно ненужной вам апельсиновой коркой!

Джейн с Майклом остановились и огляделись. Прямо перед ними располагался небольшой, залитый ярким лунным светом бассейн. Оттуда на них неприязненно смотрели глаза маленького черного Тюленя.

— Давайте, спускайтесь! А мы посмотрим, понравится вам это или нет! — сказал он.

— Но... но мы не умеем плавать! — возразил было Майкл.

— Ничем не могу помочь! — отрезал Тюлень. — Надо было раньше думать об этом! Меня почему-то никто не спрашивает, умею я плавать или нет! Что?.. Что?.. Где?.. — недовольно повернулся он к другому Тюленю, который, вынырнув из бассейна, принялся что-то нашептывать ему на ухо.

— Кто? — еще раз переспросил он. — Говори громче!

Второй Тюлень снова зашептал. Джейн различила лишь несколько слов: «Специально... приглашенные... друзья...» — и больше ничего.

Первый Тюлень был явно раздосадован, но тем не менее, состроив учтивую мину, сказал:

— О, прошу прощения. Очень рад был познакомиться. Очень рад, — и, протянув свой плавник, он пожал руку Джейн и Майклу. — Еще раз прошу извинить... Эй! Смотри, куда идешь! — крикнул он вдруг, заметив, что кто-то сослепу натолкнулся на Джейн.

Джейн обернулась и не без некоторого испуга увидела, что перед ней стоит огромный Лев.

— Извините! — пробормотал он. — Я не знал, что это вы. Тут сегодня, право, слишком оживленно. К тому же я тороплюсь, чтобы не опоздать к началу кормления... Пожалуй, я был не слишком внимателен... Знаете что? Давайте пойдем вместе! Ведь вы, надеюсь, не собираетесь пропустить такое великолепное зрелище!

— Возможно, — дипломатично ответила Джейн. — А вы нам покажете дорогу?

Она все еще немного побаивалась Льва, хотя он и выглядел довольно смирным. «Кто его знает, — подумалось ей, — сегодня вообще все вверх тормашками!»

— Прошу! — галантно проговорил Лев и протянул ей лапу. Джейн взяла ее, но на всякий случай старалась не отпускать от себя Майкла.

— «Он гораздо упитанней меня, — думала она. — А львы это все-таки львы...»

— Как вы находите мою гриву? — спросил Лев, когда они сделали несколько шагов по дорожке. — Ради такого случая я специально ее завил.

Джейн взглянула на гриву и с удивлением заметила, что та была и вправду тщательно напомажена и завита в аккуратные колечки.

— Очень красиво, — сказала она. — Но мне кажется, что заботиться о таких вещах для Льва немного странно.

— Как? Но ведь, моя дорогая юная леди, Лев — это царь зверей! И я не собираюсь об этом забывать! Настоящий царь всегда должен быть в форме, независимо от того, где он находится в тот или иной момент! Сюда, пожалуйста... — и грациозным взмахом лапы Лев указал на видневшийся в отдалении Большой Кошачий Павильон.

Вскоре они были у входа.

У Джейн с Майклом буквально дух захватило при виде того, что творилось внутри. Все огромное помещение было сплошь заполнено животными. Некоторые из них опирались на поручень, который отделял их от клеток; некоторые, чтобы лучше видеть, стояли на стульях, расставленных в самом центре; некоторые протискивались сквозь толпу, надеясь занять места получше. Тут были и Пантеры, и Лео-

парды, и Волки, и Тигры, и Антилопы, и Обезьяны, и Ежи, и Горные Козлы, и Жирафы, а надо всем этим кружилась огромная стая птиц, состоящая преимущественно из Коршунов и Чаек.

— Замечательно, не правда ли? — осведомился Лев гордо. — Почти как в джунглях в старые добрые времена... Но пойдемте — надо занять места получше.

И с криками «Разойдись!» он принялся расчищать дорогу, таща Джейн и Майкла за собой. Скоро они смогли увидеть клетки.

— Но... — у Майкла даже рот открылся от удивления, — но там... люди!

И действительно, в первой клетке взад-вперед прохаживались два вполне солидных, средних лет джентльмена в полосатых брюках и черных цилиндрах. Казалось, они чего-то ждут.

Дети всех размеров и возрастов копошились и играли друг с другом в другой клетке. Животные с большим интересом разглядывали детей, а некоторые пытались их рассмешить, просовывая через решетку свои хвосты или лапы. А Жираф, протянув длинную шею через головы других животных, даже позволил одному маленькому мальчику, одетому в красивую матросскую рубашку, схватить себя за нос.

В следующей клетке сидели три пожилые дамы. Все они были в длинных плащах и резиновых калошах. Одна из них вязала, но зато две другие стояли возле самой

решетки и, тыча в животных своими зонтами, кричали что было сил:

— Убирайтесь! Прочь отсюда, мерзкие твари! Прочь, вам говорят!

— Хочу чаю! Хочу чаю! — вопила одна из них.

— Какая забавная! — говорили животные и громко смеялись.

— Джейн, смотри! — сказал вдруг Майкл, показывая на клетку в конце ряда. — Ведь это же...

— Адмирал Бум! — вне себя от изумления, еле выговорила Джейн.

И это действительно был Адмирал Бум. Он носился взад и вперед по клетке и, кашляя, сморкаясь и брызжа слюной, во все горло орал:

— Лопни моя селезенка! Аврал! Навались на помпы! Хэй, Земля! Свистать всех наверх!

Каждый раз, когда он подходил к решетке, стоящий рядом Тигр легонько тыкал его палкой, что вызывало взрыв новых проклятий со стороны Адмирала.

— Но как? Как они все сюда попали? — спросила Джейн у Льва.

— Потерялись, — сказал Лев. — Точнее — заблудились. В общем, это те люди, которые остались внутри после того, как ворота закрыли. Надо же их было куда-то девать, вот мы и поместили их сюда... Вон тот, между прочим, очень опасный. Недавно чуть сторожа

своего не укокошил. Вы к нему близко не подходите, — и он указал на Адмирала Бума.

— А ну, отойдите назад! — кричало несколько голосов у клеток. — Не напирайте! Дайте дорогу! До-ро-гу!

— Вот оно! Кормление! — сказал Лев и принялся энергично протискиваться вперед.

А тем временем по узкому коридору, отделявшему клетки от поручня, за которым толпились зрители, четыре Бурых Медведя, одетых в синие форменные фуражки, катили большие металлические тележки, нагруженные едой.

— Посторонись! Осади назад! — то и дело кричали они зазевавшемуся животным.

Добравшись наконец до клеток, они стали их по очереди открывать и просовывать туда еду, надетую на вилы.

Джейн с Майклом как раз удачно втиснулись между Пантерой и Собакой Динго, так что им все было прекрасно видно.

Молодняку бросали бутылки с молоком. Младенцы ловили их на лету и хищно присасывались к горлышкам. Те, что были постарше, снимали с вил пряники и пирожки, после чего принимались их жадно пожирать.

Старые леди в калошах получили три фарфоровые тарелочки, на каждой из которых лежало по несколько бутербродов и булочек.

Джентльмены в цилиндрах закусывали бараньими котлетами и пили пиво из больших кружек. Скоро сторожа дошли до последней клетки, и тут же послышался дикий рев:

— Лопни моя селезенка! Это что, еда?! Это какой-то жалкий кусок говядины и кочан капусты! Где Йоркширский пудинг? Где портвейн? Какая наглость!!! Поднять якоря!!! Свистать всех наверх!!! Где портвейн, я спрашиваю? Портвейну сюда! Портвейну для Адмирала!!!

— Слышите? — спросил Лев у Джейн и Майкла. — Он совершенно взбесился! Я же вам говорил, что он очень опасен!

Скоро, однако, шум в Павильоне стал понемногу стихать.

— Ну, — сказал Лев, — кажется, дело идет к концу. Прошу прощения, но я должен идти. Увидимся позже, на Большом Хороводе. Я разыщу вас, — и, проводив Джейн с Майклом до дверей, он попрощался и ушел, потряхивая в такт шагам своей великолепной напoмаженной гривой.

— Скажите пожалуйста... — окликнула его Джейн. Но Лев уже был далеко.

— Я только хотела спросить, — сказала она, обращаясь к Майклу, — выпустят их опять когда-нибудь или нет? Ведь на их месте мог бы оказаться любой из нас...

Однако, повернувшись к Майклу, она обнаружила, что того рядом нет.

Поиски были непродолжительными. Майкл нашелся почти сразу. Он стоял на одной из дорожек и о чем-то беседовал с Пингвином. Под одним крылом у Пингвина была зажата большая тетрадь, а под другим — ничуть не меньших размеров карандаш. Когда Джейн подошла к ним, Пингвин с задумчивым видом грыз карандаш, а Майкл, видимо, отвечая на какой-то вопрос, говорил:

— Нет, никак не могу придумать.

— Тогда, может, ты мне скажешь, — повернулся Пингвин к Джейн, — какая рифма на слово «Мэри»? Написать «звери» я не могу, т.к. это уже было в прошлый раз. Если вы хотите предложить «пери», то не нужно. Я уже думал об этом, но это совершенно на нее не похоже. Так что «пери» тоже не подходит.

— Тетери! — выпалил радостно Майкл.

— М-м-м-м... Пожалуй, это недостаточно поэтично, — отозвался Пингвин.

— А как насчет «двери»?

— Ну... — Пингвин немного подумал. — Нет. Все-таки не очень хорошо. Боюсь, что от этого тоже придется отказаться, — пробормотал он понуро. — Я, видите ли, пытаюсь написать к Дню Рождения поэму... Я даже уже сочинил первую строчку:

«О, Мэри, Мэри...»

Но дальше, к сожалению, не продвинулся ни на шаг. Какая досада! Они все ждут от Пингвина чего-нибудь

необычного, и вдруг — такое разочарование! Все, все! Не отвлекайте меня! Мне надо сосредоточиться! — и с этими словами Пингвин поспешил прочь, размахивая тетрадкой и продолжая нервно грызть карандаш.

— У меня от всего этого голова кругом идет! — сказала Джейн. — Чей же это все-таки День Рождения, хотела бы я знать!

— Проходите-проходите! Ведь вы, я думаю, тоже хотите поздравить? День Рождения — это очень большой праздник! — сказал кто-то позади них, и, обернувшись, Джейн с Майклом увидели Бурого Медведя. Того самого, что выдавал у ворот билеты.

— Конечно! — согласилась Джейн, совершенно забыв поинтересоваться, чей же это в конце концов День Рождения.

Бурый Медведь обнял их за плечи и повел по дорожке. мех у него был теплым и мягким, а голос, низкий и чуть хриловатый, казалось, рождался в недрах его большого, покрытого шерстью живота.

— Ну вот и пришли! — сказал он, останавливаясь перед небольшим домиком, окна которого были так ярко освещены, будто вокруг была вовсе не ночь, а ясный, солнечный день. Медведь открыл дверь и легонько подтолкнул ребят вперед.

Свет ослепил их. Но скоро глаза привыкли, и Джейн с Майклом увидели, что находятся в Павильоне Для

Змей. Клетки были открыты, и все змеи находились снаружи. Некоторые из них сворачивались в большие сверкающие клубки, некоторые свободно скользили по полу... Посередине лежало большое бревно, которое, судя по всему, вытащили из ближайшей клетки, а на нем — в это было просто невозможно поверить! — восседала Мэри Поппинс! Джейн и Майкл буквально ошеломились от неожиданности.

— Еще двое гостей, мэм! — объявил тем временем Бурый Медведь.

Все змеи, как по команде, повернули к ним головы. Мэри Поппинс не шевелилась.

— Где твоё пальто, хотелось бы мне знать? — услышали они вдруг её сердитый вопрос. С этими словами она взглянула на Майкла. Потом перевела взгляд на Джейн и фыркнула:

— А ты где забыла перчатки и шляпку?

Но ни Джейн, ни Майкл не успели ничего ответить, так как во всем Павильоне вдруг произошло какое-то движение.

— Х-с-с-с-с! Х-с-с-с-с!

Змеи с тихим шипением поднимались на хвосты и кланялись кому-то, кто был позади Джейн и Майкла. Бурый Медведь снял свою синюю форменную фуражку. Мэри Поппинс тоже встала.

— О, моё дорогое дитя! Моё самое дорогое дитя! — произнес тихий, шипящий голос. Джейн с Майклом

обернулись и увидели, как из самой большой клетки медленно и неслышно, будто легкое дуновение южного ветра, вдруг появилась Королевская Кобра.

Грациозно изгибаясь, она миновала склонившихся в поклоне змей и Бурого Медведя, держащего в лапах форменную фуражку, и приблизилась к Мэри Поппинс. Поднявшись на хвост и раздув чешуйчатый золотой капюшон, Кобра нежно поцеловала ее — вначале в одну щеку, а потом в другую.

— Ну, — прошипела она, — мне очень приятно. Очень! Давненько твой День Рождения, моя дорогая, не выпадал на Полнолуние! Садитесь, друзья, — сказала она, повернувшись к остальным змеям. Те, услышав приглашение, снова соскользнули на пол и, свернувшись удобными кольцами, уставились на Кобру и Мэри Поппинс.

— А это кто? — спросила вдруг Кобра своим мягким, но вместе с тем страшным голосом и повернулась к Джейн и Майклу. Глубокие, пронзительные глаза сверкнули из-под немигающих век, будто два холодных драгоценных камня.

— Э-э-э... Мисс Джейн Бэнкс и мистер Майкл Бэнкс, — запинаясь, представил их Бурый Медведь. — Друзья именинницы.

— Ах, ее друзья... — прошипела Кобра. — Тогда — добро пожаловать! Присаживайтесь, мои дорогие.

Джейн и Майкл чувствовали себя так, будто находятся на торжественном приеме у Королевы. С тру-

дом оторвав взгляд от притягивающих, будто магнит, глаз Кобры, они огляделись по сторонам в поисках стула или хотя бы скамейки. Бурый медведь пришел им на помощь. Усевшись на пол, он подставил каждому из них по мягкому, мохнатому колену.

— Кобра говорит так, будто она очень важная особа, — прошептала Джейн.

— Так оно и есть, — отозвался Бурый Медведь с почтением в голосе. — Она — королева нашего мира, самая мудрая и самая ужасная...

Кобра таинственно улыбнулась и повернулась к Мэри Поппинс.

— Кузина, — прошипела она.

— Что, она действительно ее кузина? — изумлено прошептал Майкл.

— Да, троюродная сестра по материнской линии, — снова ответил Бурый Медведь, прикрывшись лапой. — А теперь слушайте. Сейчас она будет вручать подарок.

— Кузина, — повторила Кобра. — Уже давно твой День Рождения не выпадал на Полнолуние и уже давно мы не праздновали его так, как сегодня. А потому у меня было достаточно времени для того, чтобы подумать о подарке. И я решила... — она выдержала паузу. В Павильоне не было слышно ни звука, все затаили дыхание в ожидании.

— И я решила, что подарю тебе одну из своих собственных кож!

— Ах, кухня, вы так добры! — начала было Мэри Поппинс, но Кобра раздула капюшон, требуя тишины.

— Не стоит благодарности. Время от времени, как вы знаете, я сбрасываю кожу, так что одной больше, одной меньше — для меня не имеет никакого значения. Разве не я... — тут она остановилась и посмотрела вокруг.

— Повелительница Джунглей! — прошипели все змеи хором, словно и вопрос и ответ были лишь частью всем хорошо известной церемонии.

Кобра кивнула.

— Ну, — сказала она, — что хорошо для меня, то хорошо и для вас! Дорогая Мэри! Хотя это и довольно скромный подарок, из него вполне можно сделать пояс, пару туфель или в конце концов ленту для шляпки! А это очень полезные вещи!

С этими словами она начала медленно раскачиваться из стороны в сторону, и ребята увидели, как от кончика ее хвоста к голове побежали небольшие волны. Внезапно она резко и сильно, будто распрямившаяся пружина, прыгнула вверх, и — о чудо! — ее старая золотистая кожа осталась лежать на полу, а на ее обладательнице оказался новый блестящий наряд серебристого цвета.

— Подожди, — сказала Кобра, когда Мэри Поппинс наклонилась, чтобы поднять кожу. — Я напишу на ней поздравление.

Она быстро что-то написала на коже кончиком хвоста, затем свернула ее кольцом, и, надев себе на голову, будто это была корона, величественно преподнесла Мэри Поппинс.

Та с поклоном приняла подарок.

— Даже не знаю, как вас благодарить... — начала Мэри Поппинс и остановилась, потому что действительно не знала, что сказать. Она лишь восхищенно смотрела на блестящую гладкую кожу и смущенно перебирала ее пальцами.

— Даже и не пытайся! — сказала Кобра. — Х-с-с! — раздула она вдруг капюшон, будто к чему-то прислушиваясь. — Уж не сигнал ли это к Большому Хороводу?

Все прислушались. Где-то звенел колокольчик, и низкий, хриловатый голос, постепенно приближаясь, кричал:

— Большой Хоровод! Большой Хоровод! Все готовятся к Большому Хороводу и Финалу! Проходите! Проходите! Вставайте в Большой Хоровод!

— Что ж, я была права, — улыбнулась Кобра. — Вам надо идти, моя дорогая. Без вас они не начнут. До следующего Дня Рождения! — и, поднявшись на хвосте, она снова поцеловала Мэри Поппинс поочередно в обе щеки. — Поторапливайтесь. А о твоих новых друзьях я позабочусь.

Джейн и Майкл встали. Мимо них, к двери, уже сплошным потоком ползли змеи. Мэри Поппинс церемонно раскланялась с Коброй и, не удостоив ребят да-

же взгляда, устремилась на широкую зеленую лужайку в самом центре Зоопарка.

— Можете идти, — сказала Кобра Бурому Медведю, и тот, низко поклонившись, побежал туда, где все звери уже начинали образовывать вокруг Мэри Поппинс Большой Хоровод.

— Пойдете со мной? — обратилась Кобра к Джейн и Майклу и, не дожидаясь ответа, скользнула между ними, движением капюшона показав, чтобы они шли за ней.

— Началось, — сказала она и зашипела от удовольствия.

По веселому смеху и крикам, которые доносились с лужайки, ребята поняли, что она имеет в виду Большой Хоровод. Подойдя ближе, они увидели огромное множество Леопардов, Антилоп, Львов, Верблюдов, Медведей, Журавлей, Бобров... и всяких других зверей и птиц, которые окружали Мэри Поппинс.

Вдруг все пришло в движение, Хоровод закружился, зазвучали дикие и веселые песни Джунглей... Хоровод то сужался, то раздвигался, животные прыгали и зажигательно танцевали.

Внезапно тоненький голосок покрыл все остальные:

— О, Мэри, Мэри!
Я так в вас верю!
Я так в вас верю!
О, верю! О!

В следующий момент ребята увидели Пингвина, который самозабвенно распевал эту песню, танцуя и размахивая коротенькими крыльями. Разглядев в толпе Джейн и Майкла, он закричал им, что было силы:

— У меня получилось! Получилось! Вы слышали, как я пел? Конечно, это не самый лучший вариант. «Верю» — не совсем точная рифма к «Мэри». Но я сделал это! Сделал! — и он, подпрыгнув, схватил за лапу Леопарда...

Джейн и Майкл в восхищении наблюдали за всем происходящим. Кобра, молчаливая и, как прежде, таинственная, медленно раскачивалась на хвосте.

Но когда Джейн увидела, как Лев наклонился, чтобы взять под крыло Фазана, она не выдержала и спросила:

— Я думала...— начала она и в нерешительности замолчала, не зная, следует ей спрашивать или нет.

— Продолжай, дитя мое,— подбодрила ее Кобра.— Ты думала..?

— Ну, что Львы и птицы... Тигры и маленькие животные...— Джейн опять смолкла.

— Ты думала, что они смертельные враги? — помогла ей Кобра.— И что если Лев встретит птицу, а Тигр — Зайца, они непременно их съедят?

Джейн покраснела и кивнула.

— Что ж, возможно ты и права. Обычно так и бывает. Но только не на Дне Рождения. Сегодня сла-

бые не боятся сильных. Напротив — сильные во всем сегодня им помогают. Даже я могу в такой день встретиться с Диким Гусем и при этом не подумать об обеде. К тому же, — раздвоенный язычок Кобры слегка затрепетал, — быть съеденным не такое уж и большое несчастье. По существу, съесть и быть съеденным не такое уж и большое несчастье. По существу, съесть и быть съеденным — одно и то же. Моя мудрость подсказывает мне, что это именно так. Все мы сделаны из одних и тех же веществ — и мы, что живем в Джунглях, и вы, что живете в городах... Все вокруг — и звери, и птицы, и звезды, и камни — это одно большое, единое целое, которое в свой час рождается, живет и в свой час умирает. Помни об этом всегда, мое дитя, помни даже тогда, когда забудешь обо мне...

— Но как дерево может быть камнем? — возразил Майкл. — Я совсем не похож на птицу, а Джейн, например, на Тигра...

— Думаешь нет? — прошипела в ответ Кобра. — Смотри! — и она кивнула в ту сторону, где вокруг Мэри Поппинс все быстрее и быстрее начинал вращаться Большой Хоровод. Звери и птицы, казалось, слились воедино и теперь лишь раскачивались, словно маятник гигантских часов, отмеряющих ход времени в этом большом мире. Даже деревья склонялись в такт движениям Большого Хоровода, а Луна качалась в небе, будто корабль на морских волнах.

— Птицы и звери, камни и звезды — все это одно, одно, одно... — бормотала Кобра, раздувая капюшон и раскачиваясь из стороны в сторону. — Змеи и дети, звезды и камни — одно, одно...

Постепенно шипение делалось тише. Крики и пение животных все больше и больше отдалялись, медленно замирая вдали. Джейн и Майкл чувствовали, что тоже раскачиваются вместе со всеми... а может, это просто их кто-то качал...

Мягкий, ласковый свет упал на их лица.

— Оба спят и видят чудесные сны... — прошептал кто-то совсем рядом.

Чей это был голос? Мудрой Королевской Кобры или их мамы, пришедшей перед сном, как обычно, в Детскую?

— Да, видят сны... — прошептал другой голос в ответ.

Кто это был? Может, добрый Бурый Медведь, а может, просто мистер Бэнкс, тоже зашедший в Детскую, чтобы взглянуть на детей...

— Какой мне сегодня странный сон приснился! — сказала за завтраком Джейн, обильно посыпая сахаром овсянку. — Мне приснилось, будто мы были в Зоопарке у Мэри Поппинс на Дне Рождения. Вместо животных там в клетках сидели люди, а животные гуляли снаружи...

— Но... но ведь это же мой сон! — изумленно воскликнул Майкл.

— Как? Нам не могло присниться одно и то же! — удивилась Джейн. — Ты уверен?

— Конечно!

— А ты помнишь Льва, который завивал себе гриву, и Тюленя, который хотел нас заставить...

— Нырять за апельсиновой коркой! Конечно помню! А пингвина, который никак не мог подобрать рифму, а Кобру...

— Но тогда это вовсе не сон! Тогда это было на самом деле! А если так, то... — Джейн покосилась на Мэри Поппинс, кипятившую на плите молоко.

— Мэри Поппинс! — позвала она. — Могли Майкл и я видеть один и тот же сон?

— Откуда мне знать! — фыркнула Мэри Поппинс. — Чтобы каша вся была съедена! Иначе тостов не получите!

Но Джейн решила выяснить все во что бы то ни стало.

— Мэри Поппинс! — сказала она, внимательно следя за выражением ее лица. — Вы были этой ночью в Зоопарке?

Глаза Мэри Поппинс округлились.

— В Зоопарке?! Среди ночи?! Я?! Да будет вам известно, что ни одна воспитанная и уважающая себя особа не станет...

— Но вы там были? — перебила ее Джейн.

— А зачем мне туда ходить? Мне и здесь Зоопарка вполне хватает! — надменно отозвалась Мэри

Поппинс. — Вот мартышки, а вот орангутанги! Сядьте прямо и не задавайте глупых вопросов!

Джейн подлила себе молока.

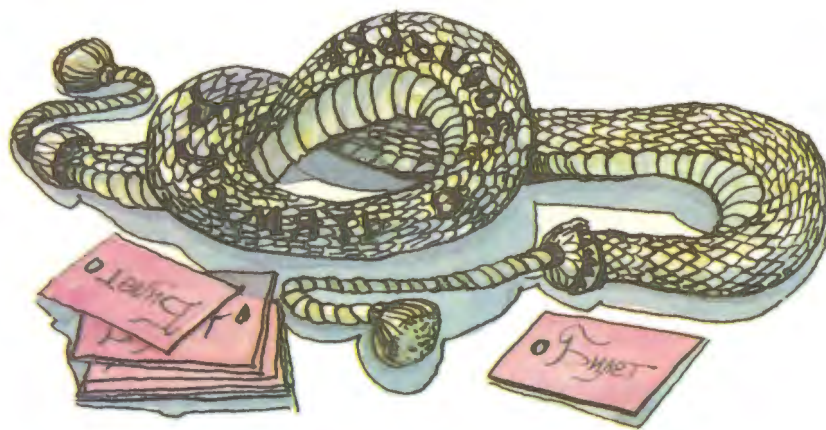
— Да, наверное, это был сон, — разочарованно проговорила она, поворачиваясь к Майклу. — Как жалко!

Но Майкл молчал. Открыв рот, он таращил глаза на Мэри Поппинс, которая теперь жарила тосты.

— Джейн! — прошептал он. — Джейн, посмотри! — и не в силах вымолвить больше ни слова, он вытянул руку, указывая на то, что его так поразило.

Джейн повернула голову.

На талии у Мэри Поппинс красовался блестящий чешуйчатый пояс, а на нем зигзагообразно, ну совсем по-змеиному, было выведено: «В память о Зоопарке».

ГЛАВА СДИННАДЦАТАЯ Рождественские покупки

— Я чувствую, как пахнет снег, — сказала Джейн, когда они вышли из автобуса.

— А я чувствую, как пахнут Рождественские елки, — воскликнул Майкл.

— А я чувствую, как пахнет жареная рыба! — отозвалась Мэри Поппинс.

Они долго могли бы обмениваться впечатлениями, но времени у них было мало: ведь еще предстояло сделать Рождественские покупки! (Автобус остановился как раз напротив большого, празднично украшенного магазина).

— А можно мы вначале посмотрим витрины? —

спросил Майкл и, не зная, как выразить охватившее его чувство, запрыгал на одной ноге.

— Не возражаю! — ответила Мэри Поппинс с удивительной мягкостью. Правда, Джейн с Майклом были не очень-то удивлены: ведь они знали, как Мэри Поппинс любила глядеть на свое отражение в витринах. И если они видели за стеклом прекрасные вещи: игрушки, книги, торты, сливовые кексы и многое другое, — то Мэри Поппинс не видела там ровным счетом ничего, кроме своего собственного отражения.

— Глядите, аэропланы! — воскликнул Майкл, остановившись перед витриной, в которой на тоненьких ниточках висели игрушечные самолеты.

— Вот это да! — ахнула Джейн, глядя, как зачарованная, на двух маленьких негритят, лежащих в кукольной колыбельке. — Как вы думаете, они фарфоровые или шоколадные?

— Надо же! — сказала Мэри Поппинс себе самой, с удовольствием отмечая, что она совсем неплохо выглядит в новых перчатках, отороченных мехом. Это были ее лучшие перчатки, и ей казалось, что она никогда не устанет любоваться ими. Внимательно изучив их отражение в витрине, она перешла к изучению остальных частей своего туалета — пальто, шляпки, шарфика, туфель... Тщательно все осмотрев, она пришла к выводу, что, пожалуй, не видела еще никого, кто бы выглядел так же изящно и нарядно.

Но, как известно, зимние вечера коротки, а домой нужно было успеть обязательно к чаю. Вдохнув, Мэри Поппинс заставила себя наконец оторваться от витрин.

— А теперь пойдете внутрь! — позвала она детей и, едва войдя, тут же застряла в галантерейном отделе. Джейн и Майкл стояли рядом и нетерпеливо топтались на месте, не понимая, как можно делать проблему из покупки катушки черных ниток.

— Отдел игрушек находится там, — напомнил ей Майкл.

— Спасибо, я знаю. И не показывай пальцем! — ответила Мэри Поппинс, расплачиваясь ну просто с возмутительной медлительностью...

В отделе игрушек продавец был наряжен Дедом Морозом. Ох, и досталось же ему, пока он помогал всей компании выбирать подарки!

— Думаю, для папы это как раз то, что нужно, — сказал Майкл, выбирая на полке заводной поезд, оснащенный целой системой звуковых сигналов. — А когда он будет уходить на работу в Сити, я буду поезд сторожить...

— Пожалуй, я возьму это для мамы, — размышляла Джейн, разглядывая маленькую коляску для кукол, в полной уверенности, что именно этому подарку мама обрадуется больше всего. — Возможно, она иногда будет давать ее мне... поиграть...

Затем Майкл купил по пакетику заколок для волос Близнецам, конструктор для Мамы, механического жука для Ро-

бертсона Эя, пару очков для Элен (у которой, кстати сказать, зрение было абсолютно нормальным) и обувные шнурки для миссис Брилл (которая обычно носила шлепанцы).

Джейн после некоторого колебания купила белую манишку для мистера Бэнкса и «Робинзона Крузо» для Близнецов.

— «Прочтут, когда вырастут, — подумала она. — А пока они не выросли, я буду читать сама. Мне кажется, они будут не против.»

Мэри Поппинс тем временем затеяла с Дедом Морозом спор из-за куска мыла.

— Почему бы вам не взять лавандового? — убеждал ее продавец, стараясь быть вежливым и предупредительным. Он заискивающе смотрел на Мэри Поппинс, а та становилась все придирчивее и раздражительней.

— Потому, — отрезала она, — что мне больше нравится земляничное! — и с этими словами купила именно этого мыла.

— Надо же! — удивленно проговорила она. — Мне ни капельки чаю не хочется!

— Ни капельки? Ни одной? — переспросил Майкл.

— Команды веселиться не было! — ответила Мэри Поппинс таким голосом, что Майкл тут же понял, что команды и впрямь не было.

— Все! Пора домой!

Домой! А они-то надеялись, что эти слова никогда не будут произнесены...

— Еще пять минут! — взмолилась Джейн.

— Разрешите, Мэри Поппинс! И вообще, вы сегодня такая красивая в новых перчатках! — схитрил Майкл.

Однако на Мэри Поппинс это не произвело ни малейшего впечатления.

— Нет, — сказала она и, плотно сжав губы, направилась к двери.

— О, боже! — простонал Майкл, следуя за ней и сгибаясь под тяжестью многочисленных коробок и пакетов. — Если бы хоть однажды она сказала «да»!

Мэри Поппинс уверенно шла к выходу. Позади Дед Мороз махал им рукой, а Веселая Королева и все остальные куклы, висящие на Рождественской елке, печально улыбались им вслед и как будто просили взять их с собой. Аэропланы опустили свои крылья и голосами, похожими на птичьи, кричали наперебой: «Запусти меня! Запусти меня!»

Джейн и Майкл спешили прочь, закрывая уши ладошками, чтобы не слышать этих криков, и стараясь забыть, что время, проведенное в отделе игрушек, просто невероятно, ну просто чудовищно мало!

Они уже подходили к крутящейся стеклянной двери магазина, когда вдруг увидели...

С улицы, прямо им навстречу, бежал светящийся ребенок!

— Смотри! — воскликнули Джейн с Майклом одновременно.

— Господи помилуй! — вскрикнула и Мэри Поппинс, остановившись, как вкопанная.

И ее можно было понять. Дело в том, что на ребенке почти совсем ничего не было. Только какой-то клочок небесно-голубой материи.

Кроме того, было видно, что девочка (а ребенок был именно девочкой) совсем не разбирается в устройстве крутящихся дверей. Она все быстрее и быстрее бегала по кругу вслед за дверью и весело смеялась, вероятно, приняв это за карусель или что-то подобное. Внезапно она подпрыгнула и, описав в воздухе плавную дугу, приземлилась внутри магазина. Приподнявшись на цыпочки, девочка обеспокоенно посмотрела по сторонам. Было похоже, что она кого-то ищет. Наконец ее взгляд остановился на Мэри Поппинс и ребятах, наполовину скрытых огромной Рождественской елкой. Вдох облегчения сорвался с ее губ, и она радостно подбежала к ним.

— А, вот вы где! Спасибо, что подождали! Я так боялась опоздать! — и девочка протянула свои сияющие руки Джейн и Майклу.

— Ну, — тут она склонила свою голову набок. — Неужели вы не рады меня видеть? Скажите, что рады! Скажите, что рады!

— Рады! — сказала Джейн и улыбнулась. Да вряд ли кто на ее месте смог бы ответить что-нибудь другое — настолько ярким и счастливым было это странное создание. — Кто ты? — спросила она.

— Как тебя зовут? — воскликнул и Майкл, восторженно тараща глаза на это чудо.

— Кто я? Как меня зовут?.. Вы что, хотите сказать, что не знаете меня? О, конечно, конечно... — девочка, казалось, была очень удивлена и вместе с тем растеряна. Внезапно она повернулась к Мэри Поппинс и показала на нее пальцем.

— Она знает меня! Ведь правда? Уверена, что она меня знает!

Лицо Мэри Поппинс выглядело необычно. Джейн с Майклом видели голубые огоньки, светящиеся у нее в глазах, как если бы голубизна одежд удивительной девочки и свет, излучаемый ею, отражались в них.

— Твое имя начинается на «М»? — прошептала Мэри Поппинс.

— Конечно! Вы же знаете! М-А-Й-Я! Я — Майя!

Она повернулась к Джейн и Майклу.

— Теперь вы меня узнаете? Правда? Ведь я вторая в Плеядах. Электра — она старшая — не смогла прийти, так как смотрит за Меропой. Меропа еще совсем малышка. А мы — старшие. И мы все девочки! Наша мама вначале очень расстраивалась, что у нее нет ни одного мальчика, но потом махнула на это рукой.

Девочка протанцевала несколько шагов и вновь залилась веселым, звонким смехом:

— О, Джейн! О, Майкл! Я так часто наблюдала за вами с неба, а теперь — ой, даже не верится — я действительно с вами разговариваю! Наверное,

нет ничего, что бы я не знала о вас! Майкл, например, не любит причесываться, а у Джейн на каминной полке спрятана банка из-под варенья, в которой лежит яйцо дрозда! А у вашего папы на макушке лысина! Он мне ужасно нравится! Это он первым нас заметил. Помните? Прошлым летом он как-то вечером сказал: «Посмотрите, вон там Плеяды. Семь маленьких звездочек рядышком. Но одну из них не видно». Он имел в виду, конечно, Меропу. Она еще слишком мала для того, чтобы не спать всю ночь. Некоторые нас называют «Маленькими сестричками», а некоторые — «Семь голубей». А Орион зовет нас «девчонками» и иногда даже берет с собой на охоту.

— Но что ты здесь делаешь? — поинтересовался Майкл, все еще очень удивленный.

Майя засмеялась.

— Спросите у Мэри Поппинс. Я уверена — она знает!

— Скажите, Мэри Поппинс, скажите! — вскричала Джейн, сгорая от любопытства.

— Хм! — Мэри Поппинс, фыркнув, повернулась к детям. — Уж не думаете ли вы, что только Джейн Бэнкс и Майкл Бэнкс покупают подарки на Рождество!

— Точно! Точно! — воскликнула Майя радостно. — Я пришла сюда, чтобы купить для всех игрушки! Мы не можем отлучаться слишком часто. У нас очень много работы — ведь мы запасаем Весенние

Дожди! Это очень ответственная работа, и за нее целиком отвечают Плеяды. Но как бы то ни было, мы тянули жребий, и я выиграла! Я так счастлива! — и она закружилась на месте.

— Ну а теперь пошли! Я не могу оставаться здесь слишком долго. Ведь вы поможете мне выбрать покупки?

И она снова повела их в отдел игрушек, то и дело перебегая от одного к другому и ни на минуту не переставая танцевать.

Когда они шли, толпы покупателей стояли и глядели на них, побросав от удивления все свои пакеты и коробки.

— Ведь ей же холодно! И о чем только думают ее родители! — говорили мамы ласковыми, заботливыми голосами.

— Просто нет слов! Кто разрешил? Надо немедленно написать об этом в «Таймс»! — негодуя поддерживали их папы.

Все люди, встречаясь с Майей, вели себя в высшей степени странно. Они останавливались и кланялись ей, точно она была по меньшей мере Королевой! Но ни Мэри Поппинс, ни Джейн с Майклом, ни даже Майя не замечали этого: настолько они были увлечены друг другом.

— Пришли! — весело воскликнула Майя, когда они наконец попали в отдел игрушек. — Ну, что же нам лучше выбрать?

Продавец, едва завидев, кто к нему пожаловал, почтительно поклонился.

— Мне нужно что-нибудь для каждой из моих сестер. Всего их шестеро. Помогите мне, пожалуйста, — попросила Майя и улыбнулась.

— Конечно, мадам, — с готовностью откликнулся продавец.

— Сначала моя старшая сестра. Она у нас ужасная домоседка! Как насчет вон той маленькой плиты с серебряными кастрюльками? Да, и вон ту полосатую метлу. Ах, нам столько хлопот доставляет звездная пыль! Ей обязательно понравится этот подарок!

Продавец быстро завернул все в цветную бумагу.

— Так, теперь для Тайгеты. Она очень любит танцевать. Джейн, как ты думаешь, может, скакалка будет для нее в самый раз?.. Будьте любезны, завяжите покрепче, — сказала она продавцу. — Ведь мне предстоит совсем не близкий путь...

Майя шла между полками, доверху заставленными игрушками, а вся ее фигура светилась ярким, мерцающим светом, таким же, каким светятся звезды в ночном небе.

Мэри Поппинс и Джейн с Майклом просто не могли оторвать от нее взгляда, а она то и дело переходила от одного из них к другому, спрашивая совета относительно той или иной покупки.

— Следующая — Алкиона. Вот с ней сложно. Она такая тихая и задумчивая, что иногда кажется, будто ей вообще ничего не хочется. Может, подарить

ей книгу? Мэри Поппинс, как вы думаете?.. Что это за семья — Крузо? «Робинзон Крузо». Думаю, ей это понравится. А если нет, то пусть разглядывает картинки. Заверните! — и она подала книгу продавцу.

— Зато чего хочет Селена, я знаю. Она хочет обруч. Пусть катает его по небу. Думаю, вон тот, красносиний, подойдет.

Продавец снова поклонился и стал заворачивать обруч.

— Ну, теперь остались только две самые младшие. Майкл, как ты думаешь, что лучше всего подарить Стеропе?

— М-м-м... а как насчет юлы?

— Вон той, которая гудит? Ах. какая замечательная идея! Стеропе будет просто в восторге!.. А что выбрать для самой маленькой, для Меропы, как ты считаешь, Джейн?

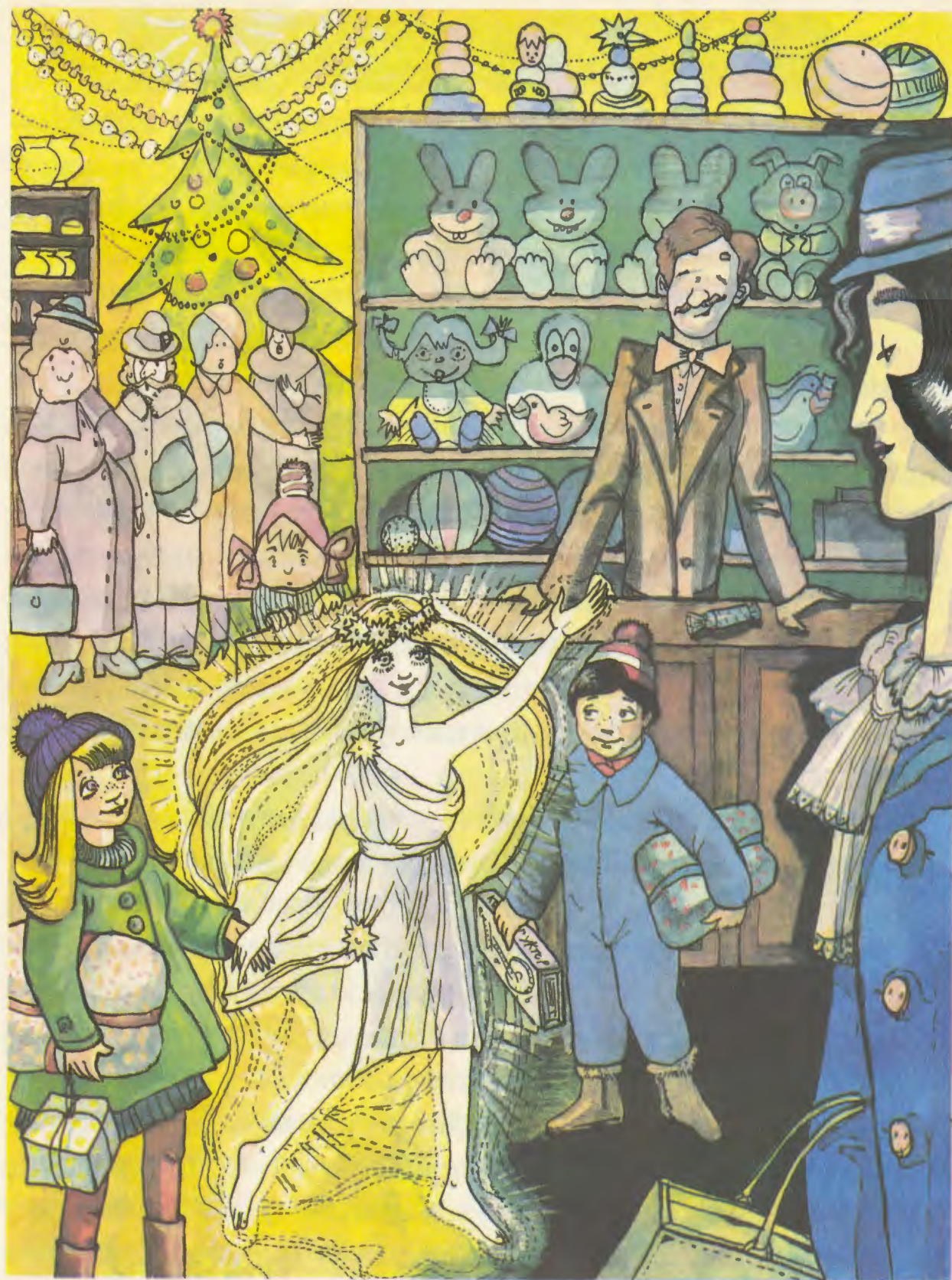
— У Джона и у Барбары, — произнесла Джейн нерешительно, — есть маленькие резиновые уточки...

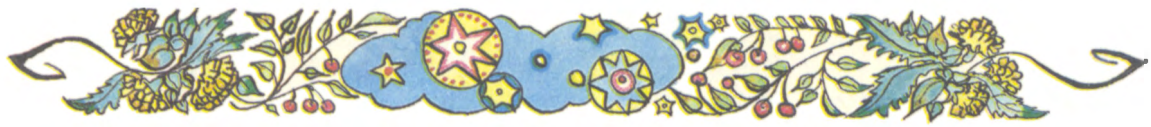
Майя издала восторженное восклицание и закружилась по залу.

— Ой, Джейн, какая ты умная! Я бы никогда до этого не додумалась! Дайте, пожалуйста, резиновую уточку для Меропы... вон ту, голубую, с желтыми глазами...

И пока продавец заворачивал и увязывал покупки, Майя все время бегала рядом, проверяя на прочность бумагу и дергая за веревки, пытаясь убедиться, что они не развяжутся по дороге.

— Ну вот, все хорошо, — сказала она наконец. — Видите ли, я не должна ничего потерять...

Майкл, который во все глаза смотрел на Майю с момента ее появления, повернулся к Мэри Поппинс и громко прошептал:

— Но у нее нет кошелька! Кто будет платить за покупки?

— Это не твоя забота, — фыркнула Мэри Поппинс. — К тому же шептаться неприлично!

Но тем не менее она начала энергично копаться в кармане.

— Что ты говоришь? — удивленно спросила Майя, повернувшись к Майклу. — Платить? Никто не будет платить. Ведь платить не нужно, правда? — и она посмотрела своими сияющими глазами на продавца.

— Конечно нет, мадам! — сказал тот и, отдав ей свертки, снова поклонился.

— Я так и думала. Видишь? — она повернулась к Майклу. — Рождество для того и существует, чтобы подарки раздавались бесплатно! Ведь так? Да и чем я буду платить? Ведь у нас нет денег!

И она вновь звонко рассмеялась.

— А теперь нам надо идти, — сказала Майя и взяла Майкла за руку. — Нам всем пора домой. Уже поздно, а я сама слышала, как ваша мама говорила, что вы должны быть дома к чаю. Да и мне надо возвращаться. Пойдемте?

И вся компания во главе с Майей вышла на улицу через стеклянную крутящуюся дверь...

Уже выйдя из магазина, Джейн вдруг воскликнула:

— Но ведь там нет подарка для нее самой! Она купила все для других и ничего для себя! У Майи нет Рождественского подарка!

С этими словами она принялась лихорадочно рыться в своих свертках и коробках, подыскивая что-нибудь подходящее.

Мэри Поппинс быстро взглянула на свое отражение в витрине магазина. Ах, как она была элегантна и нарядна! Красивое пальто, замечательная шляпка, новые перчатки, завершающие и без того сногсшибательный наряд.

— Успокойся, — сказала она, обращаясь к Джейн. И в следующий момент сняла свои новые, отороченные мехом перчатки и надела их на руки Майе.

— Вот, — добавила она грубовато. — Что-то сегодня холодно... Думаю, они тебе понравятся...

Майя взглянула на перчатки, они были ей велики и почти на две трети оставались пустыми. Подойдя к Мэри Поппинс, Майя молча обвила ее шею своей сияющей рукой и трогательно поцеловала. Они посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись, как люди, которым вовсе не обязательны слова для того, чтобы понимать.

Потом Майя подошла к Джейн и Майклу и слегка коснулась рукой щеки каждого из них. Несколько минут они стояли, будто зачарованные...

— Я так счастлива! — проговорила Майя наконец. — Не забывайте меня, хорошо?

Они кивнули.

— До свидания, — произнесла она.

— До свидания, — чуть слышно ответили остальные.

Затем Майя привстала на цыпочки и, вскинув вверх руки, взлетела в воздух. Поднявшись над деревьями, она стала перебирать ногами, словно где-то там, вверху, была большая невидимая лестница, ведущая в небо. На полпути она оглянулась и помахала рукой всем троем. Они помахали в ответ.

— И что только творится! Что творится! — возмутился кто-то совсем рядом.

— Но ведь это же невозможно! — отозвался другой голос.

— Нелепо! — вскричал третий.

Постепенно собралась целая толпа — поглазеть на такое необычное зрелище.

А сквозь толпу уже пробирался Полисмен, расталкивая людей полосатым жезлом, которым до того регулировал уличное движение.

— Ну-ка! Ну-ка! Это что? Пр-р-р-ашествие или что?

Он поднял голову и посмотрел туда же, куда и все.

— Эй! — закричал он сердито и принялся грозить Майе кулаком. — А ну, отставить! Мар-р-рш вниз! Что ты там? Движение задерживаешь и все такое! Приказываю спуститься! Такие штуки на публике проделывать не положено!

Но смех Майи становился все тише и тише. Мэри Поппинс и Джейн с Майклом видели что-то яркое, свешивающееся у нее из руки. Наверное, это были прыгалки. Несмотря на все предосторожности, сверток все же порвался...

Еще несколько минут они видели ее, восходящей по невидимой воздушной лестнице, но потом край облака скрыл Майю от них. И только слабое свечение все еще продолжало просачиваться сквозь густую, темную кромку.

— Эй! Эй! Куда? — закричал Полисмен. — Нет, я просто сойду с ума! — сказал он, увидев, что нарушителю все же удалось скрыться.

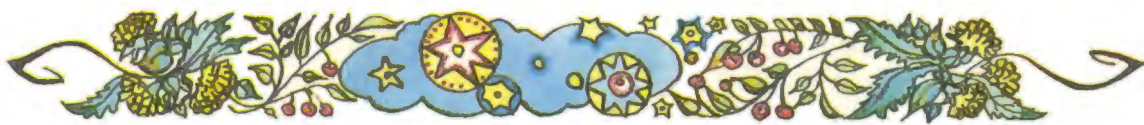
— Кому-кому, а вам это уж точно не грозит! — бросила Мэри Поппинс и сердито фыркнула. Но Джейн с Майклом видели в ее глазах что-то, что, если бы речь шла о ком-нибудь другом, а не о Мэри Поппинс, они бы вполне отважились назвать слезами...

— Но разве мы могли выдумать все это? — возмущался Майкл, когда понял, что мама не очень-то склонна верить их рассказам.

— Вполне вероятно, — отвечала миссис Бэнкс. — Иногда мы придумываем очень красивые и очень странные истории, мой дорогой!

— Ну а как насчет перчаток Мэри Поппинс? — спросила Джейн. — Мы видели, как она отдала их Майе! У нее их теперь нет! Поэтому все это — правда!

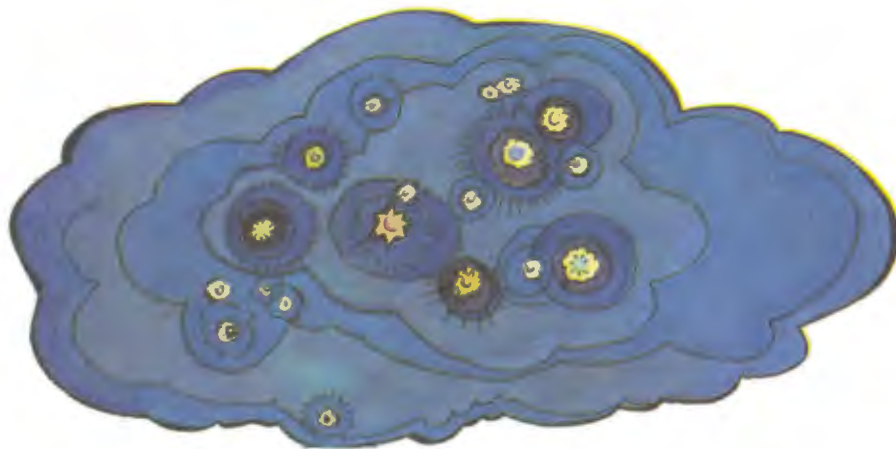

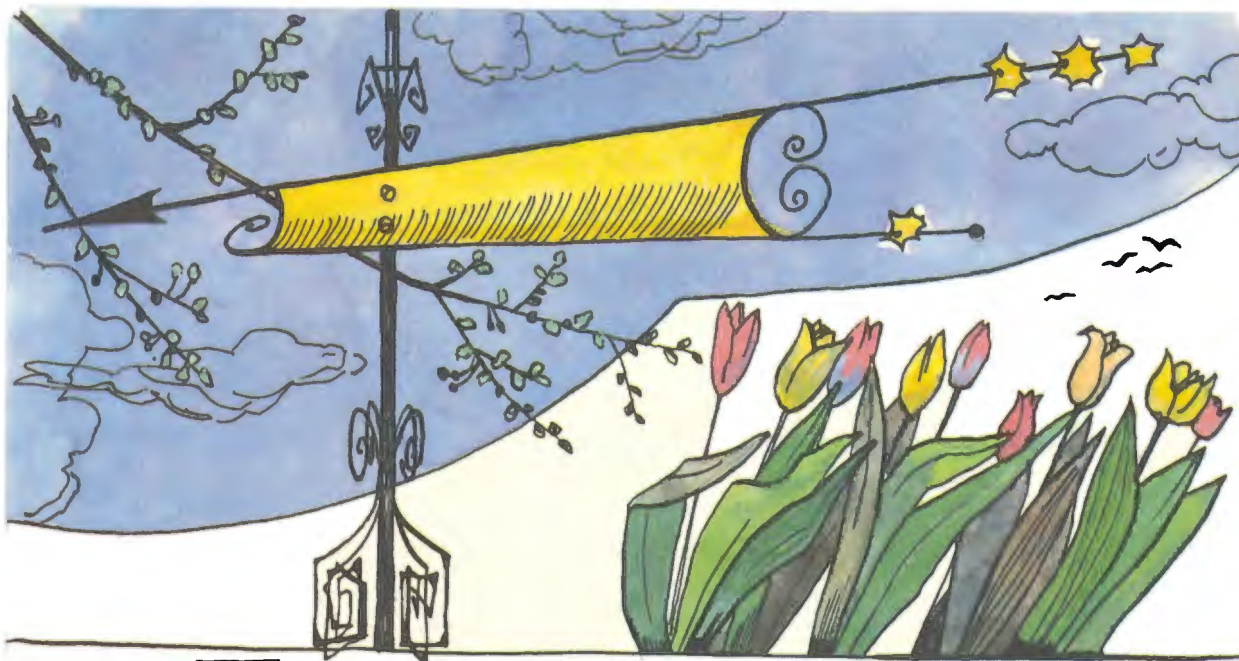

— Как, Мэри Поппинс? — воскликнула миссис Бэнкс. — Ваши лучшие перчатки с меховой отделкой! Неужели вы отдали их?!

Мэри Поппинс фыркнула.

— Мои перчатки — это мои перчатки. И я делаю с ними то, что хочу! — сказала она надменно и, поправив шляпку, стала спускаться вниз, чтобы наконец выпить свою чашку чая...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Наступил первый день весны.

Джейн с Майклом сразу это поняли, услышав, что папа поет в ванной. А делал он это только один раз в году.

То замечательное утро они запомнили навсегда. Во-первых, им разрешили завтракать в столовой вместе со взрослыми, а во-вторых, — мистер Бэнкс потерял свой черный портфель, что само по себе было совершенно невероятно.

— Где мой портфель? — кричал мистер Бэнкс и метался по прихожей, подобно собаке, пытающейся

поймать собственный хвост. Все остальные — Элен, миссис Брилл и Джейн с Майклом — тоже стали бегать по прихожей в поисках пропавшего портфеля. Даже Ребертсон Эй, совершив невероятное усилие, два раза повернулся вокруг собственной оси.

Наконец Мистер Бэнкс отыскал портфель у себя в кабинете и бросился в прихожую, размахивая им.

— Ну-с, — начал он так, будто собирался читать проповедь, — мой портфель обычно всегда лежит на одном и том же месте. Вот здесь. На стойке для зонтиков.

— Кто утащил его в кабинет? — завопил он вдруг, что было силы.

— Ты сам и утащил, мой дорогой, когда вчера вечером вынимал из него налоговые квитанции, — отозвалась миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс посмотрел на нее с такой яростью, что она тут же пожалела о том, что не сама его туда положила.

— Ахч! Ар-р-р-рхч! — чихнул мистер Бэнкс и, громко высморкавшись в носовой платок, снял с вешалки пальто.

— Ого! — сказал он радостно, подходя к парадной двери. — Тюльпаны уже дали бутоны!

Выйдя в сад, он вдохнул полной грудью свежий воздух.

— Гм, а ветер, кажется, западный.

С этими словами он взглянул в сторону дома Адмирала Бума, где флюгер в виде подзорной трубы точно указывал направление ветра.

— Так я и думал,— сказал мистер Бэнкс,— западный! Не буду брать пальто!

Подхватив под мышку свой черный портфель и нагнув на голову котелок, он отправился в Сити.

— Ты слышала, что он сказал? — дернул Майкл Джейн за руку.

Та кивнула.

— Ветер западный,— повторила она медленно.

Никто из них не сказал больше ни слова, но подумали они об одном и том же. И мысль эта была просто ужасной.

Однако, скоро они забыли о ней. Ведь казалось, что все было, как всегда. Яркое весеннее солнышко освещало дом, делая его таким красивым, что никому бы и в голову не пришло, что он уже давно нуждается в покраске. Наоборот — казалось, что это самый лучший дом на всей Вишневой улице...

Беда стряслась после ланча.

Джейн спустилась вниз, чтобы немного помочь в саду Робертсону Эю. Она как раз заканчивала засеять грядку редиской, как вдруг из детской донесся сильный шум. Потом по ступенькам застучали торопливые шаги — и в следующий момент на пороге появился Майкл. Он тяжело дышал и был красный, как свекла.

— Смотри, Джейн! Смотри! — закричал он и протянул ей руку. На его ладони лежал компас Мэри Поппинс. Рука Майкла дрожала, и диск компаса быстро вращался вокруг нарисованной на стекле стрелки.

— Компас? — произнесла Джейн и вопросительно посмотрела на Майкла.

Майкл вместо ответа вдруг расплакался.

— Она отдала его мне, — всхлипывал он. — Она сказала, что я могу оставить его себе. Она никогда мне раньше ничего не дарила! Что теперь будет? Что будет?

— Может, она просто захотела сделать тебе приятное? — предположила Джейн, хотя и сама в это не очень-то верила. Она хорошо знала, что не в правилах Мэри Поппинс делать подарки ни с того, ни с сего.

А Мэри Поппинс и впрямь вела себя сегодня очень странно. За весь день она не сказала никому ни единого сердитого слова. Впрочем, она сегодня вообще все больше молчала. Вид у нее был совершенно отсутствующим, а когда ей задавали вопросы, она отвечала на них невпопад.

Наконец Майкл не выдержал:

— Мэри Поппинс! Рассердитесь! Рассердитесь снова! Вы совсем не похожи на себя!

На сердце у него было тяжело, странное предчувствие, что вот-вот что-то должно стрястись в доме № 17 по Вишневой улице, не покидало его ни на минуту.

— Вот еще! По-моему, от добра добра ни ищут! — сердито ответила Мэри Поппинс своим обычным голосом.

Майкл сразу почувствовал себя немного лучше.

— Может, это все только глупые предчувствия? — спросил он у Джейн. — Может, на самом деле все в порядке, и мне это только кажется?

— Наверное так, — ответила Джейн тихо. Однако, и у нее на сердце было отчего-то тяжело.

К вечеру ветер усилился. Теперь он порывисто кружил возле дома. Вскоре его завывания доносились уже из каминных труб. Он просачивался сквозь щели в оконных рамах и даже заворачивал уголки ковра в Детской.

Через некоторое время Мэри Поппинс, как всегда, принесла детям ужин.

После еды она аккуратно собрала посуду. Затем подмела Детскую и поставила на плиту чайник.

— Ну, что ж, — сказала она, оглядывая комнату, словно желая лишний раз убедиться, все ли в порядке. С минуту она молчала. Потом мягко положила одну руку на голову Майклу, а другую — на плечо Джейн.

— А теперь, — произнесла она наконец, — я спущусь вниз и отдам Робертсону Эю ботинки, чтобы он завтра их почистил. И ведите себя, пожалуйста, хорошо, пока я не вернусь.

С этими словами она вышла и тихо прикрыла за собой дверь. Джейн и Майкл знали, чувствовали, что должны бежать за ней, чтобы удержать, остановить, но, казалось, какая-то странная сила не давала им сдвинуться с места. Они молча сидели, положив локти на стол, и ждали, когда она вернется. В глазах у обоих стояли слезы.

— Какие мы глупые, — произнесла наконец Джейн. —

Ведь все хорошо, правда? Скоро откроется дверь, и она войдет сюда...

Однако, Джейн говорила так лишь для того, чтобы хоть как-то утешить Майкла. Сама она в это уже совсем не верила...

Часы громко тикали на каминной полке. Огонь вспыхнул, затрепетал и медленно погас. А они все сидели за столом и ждали.

Наконец Майкл с трудом сказал:

— Что-то ее очень долго нет... Правда?

И, будто отвечая на его вопрос, ветер снова завыл на улице.

А часы все так же продолжали монотонно тикать.

Внезапно тишину нарушил громкий стук захлопнувшейся парадной двери.

— Майкл! — вскрикнула Джейн и вскочила на ноги.

— Джейн! — отозвался Майкл, и его и без того бледное лицо стало еще бледнее.

Некоторое время они прислушивались. Затем, подбежав к окну, выглянули наружу.

Внизу, прямо перед дверью, стояла Мэри Поппинс, одетая в пальто и шляпку, с ковровой сумкой в одной руке и с зонтиком — в другой. Ветер бешено кружился вокруг нее, рвал ее юбку и пытался сбить набок шляпку. Джейн и Майклу казалось, что Мэри Поппинс не обращает на это ни малейшего внимания. Напротив, она улыбалась, словно они с ветром очень хорошо понимали друг друга.

Какое-то время она помедлила и оглянулась назад. Затем быстрым движением подняла над головой зонтик и, хотя дождя не было, открыла его.

Ветер с диким воем влетел под зонт, потянул его вверх, словно собираясь вырвать из рук Мэри Поппинс. Но она крепко держалась за ручку в форме головы попугая. Скоро ветер оторвал Мэри Поппинс от земли. Он легко нес ее над садовой дорожкой, и ее туфли лишь слегка касались земли. Затем он пронес ее над воротами и помчал вверх — за ветви вишен, растущих вдоль улицы.

— Она уходит! Джейн! Она уходит! — закричал Майкл и снова заплакал.

— Быстрее! — Джейн бросилась в соседнюю комнату. — Мы должны взять Близнецов! Они должны в последний раз посмотреть на нее!

Да, теперь не было уже никакого сомнения в том, что Мэри Поппинс уходит навсегда.

Подбежав к кроваткам, они схватили Близнецов и поспешили к окну.

Мэри Поппинс была уже высоко. Она парила над ветвями старых вишен, над крышами домов и крепко держалась за свой зонтик.

Близнецы тихо заплакали.

Джейн и Майкл кое-как открыли окно.

— Мэри Поппинс! — закричали они. — Мэри Поппинс, вернитесь!

Но она не слышала их, а может делала вид, что не слышит.

Она взлетала все выше и выше в облачное, ненастное небо, пока в конце концов ее фигура не скрылась вдали, за высоким серым холмом...

А ветви старых вишен все гнулись, все клонились под напорами ветра, а ветер, прилетевший с запада, все так же дул, уныло воя в каминной трубе...

— Да... Она сделала так, как сказала. Она оставалась до тех пор, пока ветер не переменился, — вздохнула Джейн и грустно отвернулась от окна. Она снова отнесла Джона в кроватку и накрыла одеяльцем.

Майкл молчал. Но когда он клал Барбару в ее кроватку, он уже снова безутешно всхлипывал.

— Интересно, — размышляла Джейн. — Увидим мы ее еще когда-нибудь?

Внезапно они услышали на лестнице голоса.

— Дети! Дети! — кричала миссис Бэнкс, входя в Детскую. — Ах, дети! Я так расстроена! Мэри Поппинс ушла от нас!

— Да... — вздохнули Джейн и Майкл.

— Так вы знали?! — удивленно спросила миссис Бэнкс. — Она вам сказала об этом?

Они отрицательно покачали головами. Ничего не поняв, миссис Бэнкс продолжила прерванный монолог:

— Это просто неслыханно! Минуту назад была здесь — и вдруг — раз! — и нет! И никаких извинений! Только сказала: «Я уйду!» — и ушла! Ничего более нелепого, бессмысленного и невежливого... Что такое, Майкл? — сердито обернулась она, так как

Майкл, схватив ее за юбку, дергал, что было силы. — Что такое, детка?

— Она обещала вернуться? — закричал Майкл. — Скажи, да или нет?

— Майкл, прекрати! Ты ведешь себя как дикарь! — ответила миссис Бэнкс, высвобождаясь. — Я вообще не помню, что она говорила! Ни за что не возьму ее обратно, если она вдруг вздумает вернуться! Подумать только! Оставить меня совершенно одну, безо всякой помощи!

— Мама! — укоризненно произнесла Джейн.

— Ты очень... очень злая женщина! — закричал Майкл, сжимая кулаки, словно в любую минуту был готов броситься на нее.

— Дети! Мне стыдно за вас! Да, стыдно! Хотеть возвращения того, кто так дурно обошелся с вашей мамой! Я просто потрясена!

Джейн зарыдала.

— Я хочу только Мэри Поппинс! Только одну Мэри Поппинс! — завопил, плача, и Майкл.

— Конечно!.. Конечно, дети!.. Но я не понимаю вас... Ведите себя нормально, умоляю! Сегодня за вами некому присматривать! Я должна уйти, а у Элен как раз выходной. Придется послать за миссис Брилл! — и, рассеянно поцеловав их, она, озабоченно нахмурившись, вышла за дверь...

— Ну как только она могла! Уйти и бросить бедных детей вот так, на произвол судьбы! — сказала миссис Брилл, едва переступив порог Детской. — Каменное сер-

дце у этой девчонки, вот что я скажу! Только собой и занималась! Даже платочка или шпильки на память не оставила! Будьте добры, приподнимитесь, мистер Майкл, — бормотала миссис Брилл, тяжело дыша. — И как только мы выносили ее так долго — ума не приложу! Все какие-то выдумки, причуды и прочее! Сколько пуговиц-то у вас, мисс Джейн! Постоите спокойно, мистер Майкл, дайте мне вас раздеть... Да и собой была — так себе. Смотреть не на что. Так что все к лучшему. Избавились наконец! Ну, мисс Джейн, а где ваша ночная рубашка? Ну-ка, ну-ка, что это у вас под подушкой?

Миссис Брилл запустила туда руку и вынула маленький аккуратный сверток.

— Что это? Дайте мне, дайте! — вскричала Джейн, дрожа от волнения, и выхватила сверток из рук миссис Брилл.

Майкл подбежал к Джейн и стал смотреть, как она распаковывает его. Миссис Брилл, показывая, что она ничуть не интересуется содержимым свертка, пошла тем временем к Близнецам.

— Это ее портрет, — прошептала Джейн, отбрасывая бумагу.

И действительно, перед ней в маленькой витой рамке был портрет Мэри Поппинс. Внизу красивыми буквами было написано: «Мэри Поппинс от Берта».

— Это Спичечник... это он нарисовал! — сказал Майкл и взял портрет у Джейн, чтобы получше его рассмотреть.

И тут Джейн заметила на полу сложенный вчетверо листок.

Подняв его, она прочитала:

«Дорогая Джейн! Майкл получил компас, так что портрет — твой!

Au revoir.

М. Поппинс».

Джейн громко читала, пока не дошла до слов, которые не смогла понять.

— Миссис Брилл! — крикнула она. — Что такое «*Au revoir*»?

— Орьявуар, дорогуша? — отозвалась миссис Брилл из соседней комнаты. — Э-э-э, кажется... Видите ли, я не очень-то сильна в этих иностранных словечках... Может, это «Спаси вас Господь»? Нет-нет... Не то... Кажется, дорогая мисс Джейн, это значит «До встречи».

Джейн и Майкл переглянулись. Радостью и пониманием светились их глаза. Они знали, что имела в виду Мэри Поппинс.

Майкл облегченно вздохнул.

— Все в порядке, — дрожащим голосом сказал он, — она всегда выполняет свои обещания.

Он отвернулся.

— Майкл, ты плачешь? — спросила Джейн.

Он покрутил головой и попытался улыбнуться.

— Нет, не я, это только мои глаза...

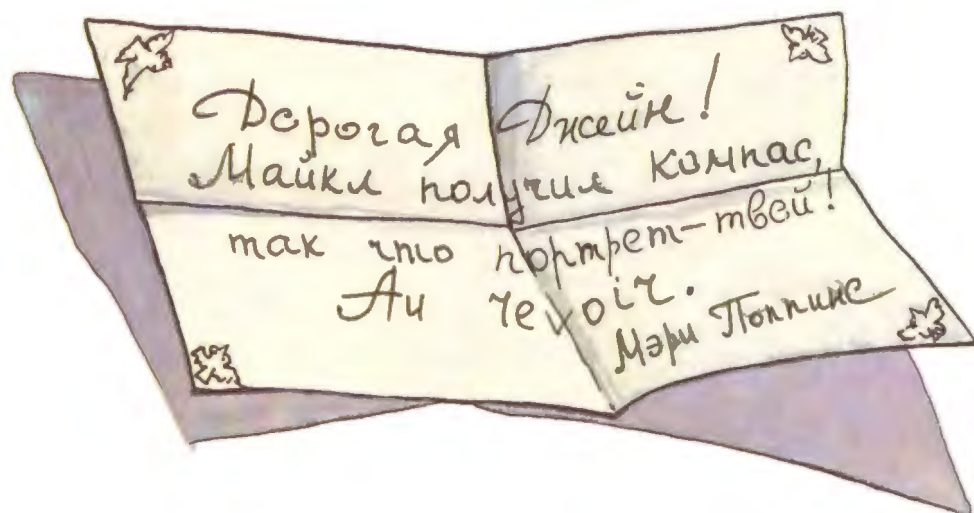
Джейн ласково подтолкнула его к кровати и, когда

он лег, быстро, чтобы не передумать, сунула ему в руку портрет Мэри Поппинс.

— Пусть он сегодня побудет у тебя, ладно? — прошептала она и заботливо, как это обычно делала Мэри Поппинс, подоткнула ему одеяло...

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I
Восточный ветер
5

Глава II
Выходной
20

Глава III
Веселящий газ
23

Глава IV
Мисс Ларк и ее Эндрю
53

Глава V
Танцующая корова
70

Глава VI
Злополучный вторник
89

Глава VII
Птичница
113

Глава VIII
Миссис Корри
122

Глава IX
История Джонсона и Барбары
146

Глава X
Полнолуние
161

Глава XI
Рождественские покупки
190

Глава XII
Западный ветер
207

Литературно-художественное издание

Памела Трэверс

Мэри Поппинс

Перевод с английского
Игоря Родина

Иллюстрации
Валерии Поповой

Ответственный редактор
Екатерина Царева

Художественно-технический
редактор
Марина Гагарина

Подписано к печати 15.02.93 г.
Формат 84х108¹/₁₆. Бум. офсетная.
Шрифт «Академический». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,52. Тир. 40 000 экз.
Зак. 2873.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в АП «Курск».
305007 г. Курск, ул. Энгельса, 109.

*Впервые!..
И навсегда!*

*В четырех книгах —
великолепная МЭРИ
ПОППИНС !*

*Все ранее публикуемое о приключениях
Мэри Поппинс — главы из первых двух
книг.*

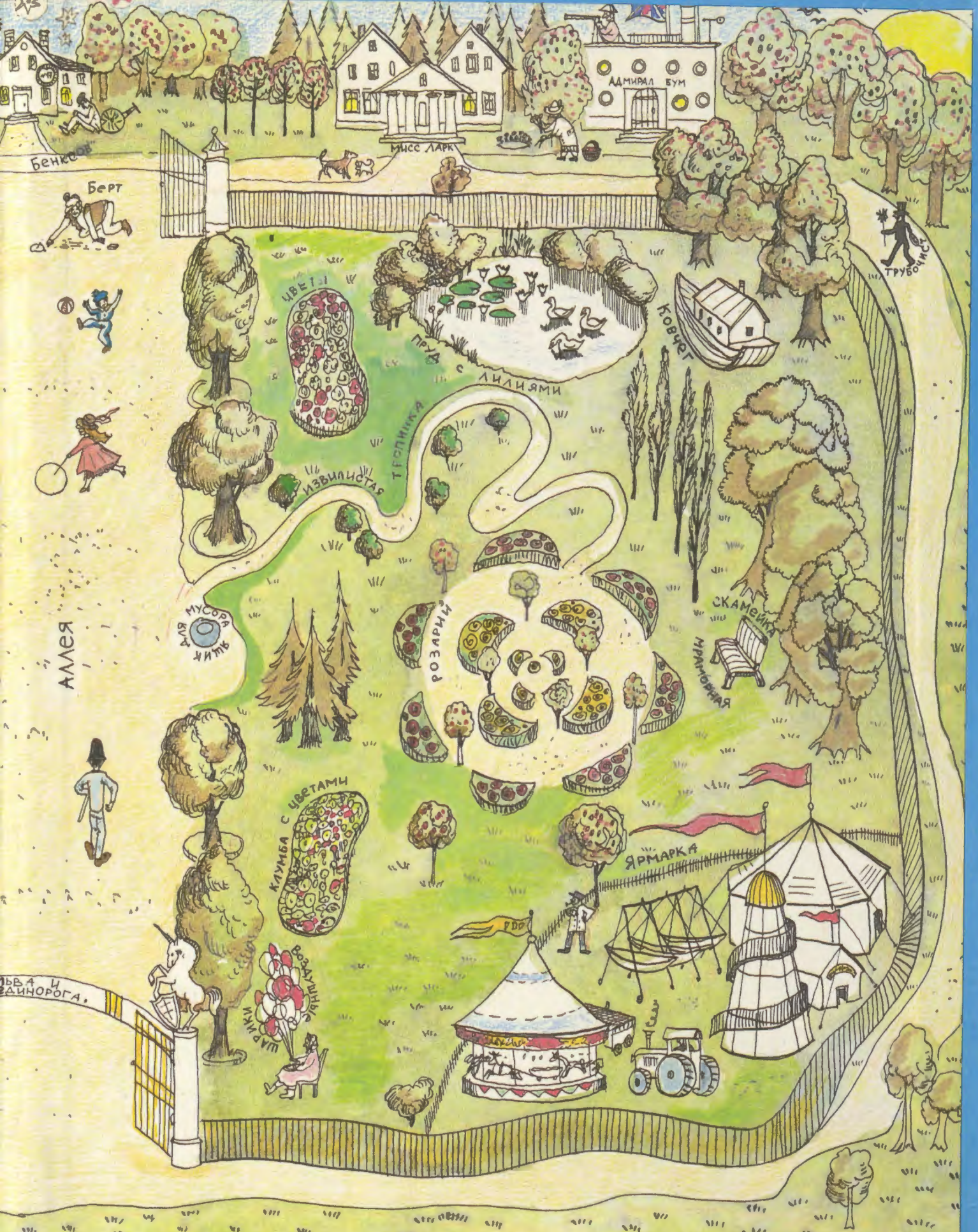
*ПОДАРИТЕ Вашим детям и внукам
данное издание с изящным оформлением
и оригинальным переводом. Пусть их мир
будет таким же сказочным, как жизнь
главных героев.*

THE
N. K. ROSS
IS REMOVED FROM
GENERAL MANAGER
POSITION

The Board of Directors of the
N. K. Ross Company has
decided to remove N. K. Ross
from his position as General
Manager of the Company.
This action was taken
because of his failure to
perform his duties properly.

THE N. K. ROSS COMPANY
HAS BEEN ORGANIZED
FOR THE PURPOSE OF
CONDUCTING BUSINESS
IN THE CITY OF
NEW YORK.

Бенке

Берт

Мисс Ларк

АДМИРАЛ БУМ

ТРУБОЧКА

КОЧЕГ

ЛИЛИЯМИ

ТРОПИКА

ИЗВИЛИСТАЯ

ЯЩИК
ДЛЯ МУСОРА

АЛЕЯ

РОЗАРЫ

СКАМЕЙКА
МЯМЛИ

КАУЧУК С ЦВЕТАМИ

ЯРМАКА

РДР

УБЫТКИ
И ЗАЙНОВОГА

ВОЗДУШНЫЕ
ШАРКИ

